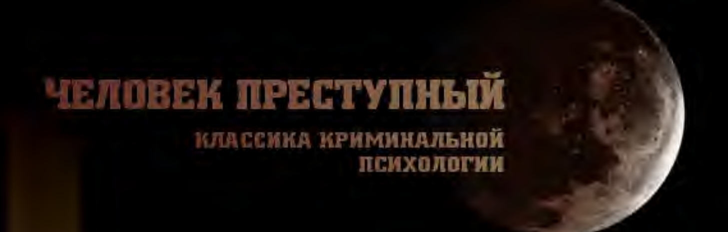

ЧЕЗАРЕ ЛОМБРОЗО

УДК 82-311.9
ББК 84 (2Рос=Рус)
Л 74

Ломброзо Ч.

Л 74 Человек преступный / Ч. Ломброзо. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016 – 352 с. - (Человек преступный).

ISBN 978-5-906880-54-3

Что толкает человека на преступление? Играет ли свою роль воспитание или здесь все дело в наследственности? Знаменитый психиатр Чезаре Ломброзо досконально изучил личность преступника и нашел ответы на главные вопросы криминалистики.

Согласно Ломброзо, по внешнему виду человека можно определить, обладает ли он преступными наклонностями. На основе выделенных признаков Ломброзо различал между собой следующие типы правонарушителей: убийцы, воры, насильники и жулики.

В конце концов, психиатр пришел к шокирующему выводу: а не стоит ли наказывать преступников за несовершенные злодеяния?

Вашему вниманию предлагается первое в истории исследование темной стороны человеческой природы. Клинические рассказы о пациентах звучат увлекательнее любого современного романа, а спорные выводы ученого дают почву для размышлений.

УДК 82-311.9
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-906880-54-3

Художественно-литературное издание

Чезаре Ломброзо

ЧЕЛОВЕК ПРЕСТУПНЫЙ

Редактор Е.О. Мигунова
Художник Б.Б. Протопопов

ООО «ТД Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: http://www.algoritm-kniga.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 01.08.16. Подписано в печать 24.08.16.
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная.
Печ. л. 11 Тираж 1500 экз. Заказ №

ЧЕЛОВЕК ПРЕСТУПНЫЙ. ЭТИОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Глава 1

Метеорические и климатические влияния. — Времена года. — Месяцы. — Высокие температуры

Всякое преступление имеет в происхождении своем множество причин, и так как причины эти очень часто сливаются одна с другой, то нам нет надобности рассматривать их каждую в отдельности. Мы можем поступить здесь точно так же, как во всех тех случаях, когда нам невозможно выделить одну какую-нибудь причину известных явлений, без того чтобы не затронуть вместе с тем и другие. Каждый знает, что холера, тиф, туберкулез обусловливаются особыми специфическими причинами, но никто не станет, однако, утверждать, что метеорические, гигиенические, индивидуальные и психические причины не имеют никакого влияния на эти болезни. Даже самые ученые наблюдатели остаются иной раз в неведении относительно истинных, специфических причин тех или других явлений.

1. Крайние температуры. Самыми важными причинами всякого биологического явления считаются метеорические, и между ними на первом плане стоит теплота. Так, например, drosera rotundifolia, погруженная в воду 43°, сгибается и становится более чувствительной к действию азотистых веществ (Darurie, насекомоядные растения), но при очень высокой температуре в 54°4’ она не сгибается, щупальца ее как бы парализуются и остаются таковыми, до тех пор пока drosera не будет снова погружена в более холодную воду.

Статистика и физиология человека доказывают, что большинство наших отправлений находится в зависимости от теплоты. Понятно отсюда, каково должно быть влияние крайних степеней ее на психику человека.

История не может указать ни на одну такую тропическую страну, где народ не был бы повергнут в рабство и где чрезмерная теплота не была бы причиной перепродукции, сказывающейся прежде всего в неправильном распределении богатств, а затем политической и общественной власти.

В жарком климате народ играет обыкновенно ничтожную роль в общественной жизни своей страны: он не располагает ни правом контроля, ни правом вмешательства в дела управления.

Бокль объясняет это меньшей сопротивляемостью и стойкостью жителя тропических стран в борьбе за свое существование благодаря его меньшей потребности в топливе, одежде и пище. В силу таких более легких условий существования человек неминуемо становится бездеятельным, инертным. Инертность его и вялость, вызванные чрезмерной теплотой, благоприятствуют физической неподвижности, покойному, созерцательному настроению духа, особому развитию силы воображения, а отсюда — религиозному и деспотическому фанатизму и нравственной испорченности.

В холодных странах жизненная стойкость человека значительно больше благодаря той деятельности, которую он должен развить, для того чтобы добыть себе пищу, одежду и топливо. Но зато здесь сильный холод делает воображение ленивым, а ум — более спокойным, и человек, пополняя недостаток тепла огромным количеством углеводов, заключающихся в его пище, расходует свои силы в ущерб частной и общественной деятельности. В силу этого и благодаря депрессивному влиянию, оказываемому холодом непосредственно на нервные центры, и объясняется замечательное спокойствие и кротость характера жителей полярных стран. Доктор Ринк описывает некоторые эскимосские племена до того миролюбивые, что на их языке нет даже слов для выражения брани и ругательств: самой большой реакцией на обиду и оскорбления является у них

молчание. Лари наблюдал солдат, которых морозы и снега России сделали слабыми и даже трусливыми, между тем как ни опасности, ни полученные раны, ни голод не могли поколебать их мужества.

Бове свидетельствует, что у племени чиуки, живущих под 80° северной широты, совершенно неизвестны ссоры, насилия и преступления.

Прейер, неустрашимый полярный исследователь, рассказывает, что воля его была парализована, чувства притуплены, а речь затруднена, когда он находился под 80° северной широты.

2. Влияние умеренной температуры. Умеренная теплота оказывает наибольшее влияние на происхождение преступлений. Факт этот подтверждается наблюдениями над психологией жителей южных стран и доказывает их непостоянство и преобладание одной личности над обществом и целым государством. Объясняется это, несомненно, с одной стороны, тем, что теплота возбуждает, подобно алкоголю, нервные центры, не делая, однако, человека инертным, а с другой — она уменьшает его нужды путем увеличения производительности земли и ограничения его потребности в пище, одежде и спиртных напитках. На пармском наречии у простонародья солнце недаром называется отцом плохо одетых.

Доде, написавший целый роман («Нума Руместан») с целью изобразить огромное влияние южного климата на наши нравственные наклонности, говорит: «Южанин не любит спиртных напитков; он чувствует себя пьяным от рождения: солнце и воздух есть для него страшный естественный алкоголь, силу которого испытывает на себе всякий, кто родился под южным небом. У одних действие его сказывается только некоторой развязностью речи и жестов, излишней смелостью, наклонностью видеть все в розовом свете и некоторой лживостью; у других оно выражается настоящим безумием, нередко доходящим до полного ослепления. Какой южанин не чувствовал в себе мгновенного упадка сил и крайнего изнеможения после припадка гнева или энтузиазма?».

Нерри Танфучио замечает, что непостоянство есть одна из отличительных черт характера всякого южного народа. «Их, — говорит он о южанах, — можно было бы принять за наивных людей, но на самом деле они большей частью ловкие плуты; они в одно и то же время трудолюбивы и ленивы, умеренны и невоздержанны; в общем, характер их, разумеется в простом народе, представляется до того разнообразным и изменчивым, что определить его точно невозможно».

«Климат способствует потере стыдливости».

«Южане плодовиты; их нисколько не смущает мысль о будущности их детей».

«Лаццароне ворует только тогда, когда при этом не нужно бежать; он хвастлив и врет в девяти из десяти случаев. Во время ссоры он жестикулирует и кричит, чтобы прогнать свой собственный страх; пускать руки в ход он не любит, но раз дело доходит до этого, он становится ужасным».

«Южанин ревнив и бьет жену, если сомневается в ее верности, он независим и потому не любит больниц и иных убежищ.

Имея работу, он исполняет ее хорошо. Он очень привязан к своей семье, довольствуется малым и ведет трезвый образ жизни».

«Лаццароне по природе своей хитры, трусливы и лживы; вся жизнь их есть ряд мелких обманов и попрошайств. Из-за ничтожной подачки они готовы лизать ваши ноги, не чувствуя при этом никакого унижения.

Они очень суеверны: при встрече с горбатым или слепым они произносят особые заклинания. Все их мысли сводятся к дьяволу, колдовству, ietta-tura[1], к чести, ножу, воровству, нарядам и тому подобное.

Простой народ боится и в то же время уважает ее, зная, что она защищает его и что от нее он может ожидать нечто, похожее на справедливость».

3. Преступления и времена года. Отсюда понятно, какое огромное влияние оказывает теплота на многие пре-

---

[1] Сглаз, порча *(ит.)*.

ступления. По статистике Герри оказывается, что в Англии и во Франции убийства и изнасилования преобладают в жаркие месяцы. К таким же результатам относительно Италии пришел и Курчо. По его исследованиям:

Из 100 случаев изнасилований	В Англии (1834–1856)	Во Франции (1829–1860)	В Италии (1869)
На январь	5,25	5,29	26 в общ.
На февраль	7,39	5,67	22
На март	7,75	6,39	16
На апрель	9,21	8,98	28
На май	9,24	10,91	29
На июнь	10,75	12,88	29
На июль	10,46	12,95	37
На август	10,52	11,52	35
На сентябрь	10,29	8,77	29
На октябрь	8,18	6,71	14
На ноябрь	5,91	5,16	12
На декабрь	3,08	4,97	15

По исследованиям Герри и Курчо максимум убийств в Англии и Италии наблюдается в течение жарких месяцев, и распределяются они следующим образом:

Месяц	В Англии	В Италии
Июль	1043	307
Июнь	1071	301
Август	928	343
Май	842	288
Февраль	701	254
Март	681	273
Декабрь	605	237

Отравления, по наблюдениям Герри, преобладают в мае. То же самое можно сказать и о политических преступлениях. Рассматривая в своей «Политической преступности» 836 восстаний, имевших место на всем земном шаре с 1791 по 1880 год, я пришел к заключению, что максимум их в Азии и Африке всегда наблюдался в июле (13 из 53).

Что касается Европы, то в ней наибольшее их число приходится также на июль, а в Америке — на январь, каковые месяцы считаются здесь и там самыми теплыми, минимум же восстаний наблюдается в январе и декабре в Европе и в мае и июне в Америке, то есть в наиболее холодные месяцы.

Если мы теперь обратимся, в частности, к отдельным народам Европы, то убедимся, что более всего политических преступлений приходится у каждого из них на наиболее теплые месяцы. Так, в Италии, Испании, Португалии и Франции первое место в этом отношении занимает июль, в Германии, Турции, Англии и Шотландии — август, в Греции, Ирландии, Швеции, Норвегии и Дании — март, в Швейцарии — январь, в Бельгии и Нидерландах — сентябрь, в России и Польше — апрель и, наконец, в Боснии, Герцеговине, Сербии и Болгарии — май. Отсюда видно, что влияние теплых месяцев особенно резко сказывается именно в южных странах.

4. Времена года. Собрав данные о политических преступлениях в Европе в течение 100 лет, мы находим, что по временам года они распределяются следующим образом:

	Испания	Италия	Португалия	Турция	Греция	Франция	Бельгия	Швейцария
Весна	23	27	7	9	16	16	7	6
Лето	38	29	12	11	7	20	8	5
Осень	18	14	4	5	3	15	6	3
Зима	20	18	6	3	3	10	2	10

Отсюда видно, что у 9 народов, а между ними особенно у южных, первое место в этом отношении занимает лето. У 4 других, преимущественно северных, — весна. В одной стране (Австро-Венгрия) первенство принадлежит осени, а в другой (Швейцария) — зиме. За исключением двух случа-

ев, весной всегда бывает больше политических преступлений, чем осенью. Кроме того, мы находим, что в 5 случаях, главным образом в странах наиболее теплых, зима превосходила осень по числу политических преступлений, в 8 случаях — уступала ей и в 3 — была равна.

Что касается Америки, особенно Южной, то, принимая во внимание, что здесь январь соответствует нашему июлю, а февраль — августу (см. выше), мы найдем следующие цифры:

Время года	Америка	Европа
Весна	76	142
Лето	92	167
Осень	54	94
Зима	61	92

Итак, мы видим, что в обоих полушариях лето занимает первое место по числу политических преступлений; весна, как и относительно обыкновенных преступлений, всегда превосходит осень и зиму, вероятно благодаря своей теплоте и уменьшению количества пищевых средств. Осень и зима, напротив, мало отличаются в этом отношении друг от друга: так, в Америке зима превосходит осень на 7, а в Европе меньше ее на 2 подобных преступления.

Что касается других преступлений, то, по исследованиям Герри, перевес и здесь также замечается на стороне лета и весны, как это видно из следующих цифр:

Преступления против личности

	В Англии	Во Франции
Зимой	17,72	15,93
Весной	26,20	26
Летом	31,70	37,31
Осенью	24,38	20,60

Бенуастон де Шатенеф отмечает наибольшее число дуэлей в армии в течение лета.

Я доказал то же самое относительно гениальных творений.

4. Теплые годы. Ферри на основании французской уголовной статистики за период с 1825 по 1878 год приходит к заключению, что между теплотой и преступлениями наблюдается известная параллельность не только по месяцам, но и по годам.

Влияние температуры в период с 1825 по 1848 год нам кажется даже более резко выраженным и постоянным, чем влияние земледельческой производительности. С1848 года, если не считать несколько тяжелых земледельческих и политических кризисов, замечается время от времени совпадение между колебанием температуры и преступлениями, особенно в отношении предумышленных и случайных убийств, как это наблюдалось в следующие годы: 1826, 1829, 1831–1832, 1833, 1842–1843, 1844–1845, 1846, 1858, 1865 и 1867–1868. Подобное же совпадение, но в более резкой и очевидной степени имеет место в отношении изнасилований и преступлений против чести, которые более точно следуют за годовыми температурными колебаниями.

Что касается преступлений против собственности, то по частоте их первое место занимает зима; например, кражи и подлоги наблюдаются преимущественно в январе, хотя прочие времена года немногим отличаются от нее.

Здесь метеорическое влияние очень сильно: потребности увеличиваются, между тем как средства к удовлетворению их уменьшаются.

5. Календари преступников. Лакассань, Шоссино и Мори составили на основании статистических данных по каждому преступлению в отдельности настоящие календари преступников по образцу тех, которые существуют для флоры у ботаников.

Оказывается, что среди преступлений против личности детоубийство занимает первое место в январе, феврале, марте и апреле (647, 750, 783, 662); это соответствует, с одной стороны, большему числу рождений, которые имеют место весной, уменьшаясь в мае, и особенно в июне и в июле, и опять увеличиваясь в ноябре и декабре (время карнавала); а с другой — увеличению числа незаконных рождений (1100, 1131, 1095, 1134) и выкидышей.

Случайные убийства и причинение повреждений достигают своего максимума в июле (716); отцеубийства, напротив, встречаются чаще всего в январе и октябре.

В течение июня влияние температуры на число растлений детей сказывается с наибольшей силой; за ним следуют май, июль и август (2671, 2175, 2459, 2238); минимум наблюдается в декабре (993) и несколько больше в остальные холодные месяцы. Ежемесячная средняя достигает 1684. Изнасилования взрослых имеют другое колебание: их максимум приходится на июль (1078), а минимум — на ноябрь (534); они учащаются в декабре и январе (584) (благодаря, как я думаю, карнавалу), остаются на неподвижной точке в феврале (616) и снова поднимаются в марте и мае (904). Месячная средняя цифра их достигает 698.

Увечья имеют неправильное движение, так как они мало зависят от климата. Число их нарастает в феврале (937), падает в последующие месяцы (840–467), опять поднимается в мае (983) и июне (958), уменьшается в июле (919), а в августе и сентябре увеличивается (997 и 993), чтобы вновь уменьшиться в ноябре и декабре (886).

В преступлениях против собственности не замечается таких резких колебаний, хотя и среди них существует разница более чем в 3000 между декабрем и январем (16 879 и 16 396), и вообще в холодные месяцы, и падение в апреле (13 491) и теплые месяцы. Очевидно, здесь все зависит не от прямого влияния холода, а от увеличения потребностей зимой и от уменьшения возможности удовлетворять их, благодаря чему учащаются случаи воровства. (Месячная средняя их 14 630).

Теперь займемся любопытными выводами Мори, сделанными на основании ежемесячных наблюдений Герри.

В марте абсолютное первое место занимают детоубийства. На 10 тысяч преступлений приходится 1193 случая. За ними следуют: изнасилования — 1115, подмена детей — 1019 и похищение несовершеннолетних—1054. Третье место занимают письменные угрозы — 997.

В мае первое место занимает бродяжничество — 1257; за ним идут: изнасилования и преступления против чес-

ти — 1150, отравления — 1144 и растление несовершеннолетних — 1106. Последняя категория преступления с 35-го места, какое оно занимает в марте, поднимается внезапно благодаря майской теплоте до 4-го; в апреле оно занимает уже 10-е, но в июне оно снова поднимается до 2-го места, выражаясь цифрой 1303.

В июне первое место по частоте занимает аналогичное преступление, именно изнасилование взрослых — 1313; третье место принадлежит отцеубийству — 1151, а четвертое — выкидышам — 1080.

В июле растление детей становится наиболее частым преступлением, поднимаясь до 1330; следующие за ним по частоте преступления: похищение детей — 1118, причинение повреждений родным — 1100 и преступления против женской чести — 1093.

В августе преступления полового характера отходят на третий план и уступают свое место деревенским поджогам. Конечно, причиной последних является не температура, а случай, именно оконченный сбор посевов, благоприятствующий приведению в исполнение различных планов мести. Но высокая температура этого месяца не остается, как справедливо замечает, Мори, совершенно без влияния на преступления подобного характера, и, вероятно, ею объясняется тот факт, что ложные свидетельства уступают по частоте подкупу малолетних.

В сентябре животные страсти успокаиваются и покушения на невинность детей занимают 15-е место, а на целомудрие женщин — даже 25-е место в ряду других преступлений. Зато кражи и злоупотребления чужим доверием становятся на 4-е место.

Лихоимство и склонение к разврату в сентябре и октябре превалируют над другими преступлениями, что объясняется обычными в это время платежами и сведением счетов.

Многочисленные подмены детей соответствуют огромному числу рождений.

С октября до января наиболее часты предумышленные убийства, отцеубийства и разбои благодаря пустынности дорог и длинным ночам.

В ноябре опять учащаются подлоги и преступления против нравственности.

В январе чаще всего встречаются сбыт фальшивых монет и кражи в церквах, чему, вероятно, способствует постоянная пасмурная погода.

В феврале опять начинают преобладать детоубийства и подмена детей, каковые преступления находятся в связи с возрастанием числа беременностей.

Преступления против нравственности занимают в октябре 28-е, а покушения на целомудрие женщин — 29-е место, в ноябре они опускаются до 24-го и 26-го места.

Мне кажется, невозможно более сомневаться во влиянии теплого климата на преступления, совершаемые под влиянием страсти. За это говорят, с одной стороны, изученные мной статистические данные пяти итальянских тюрем (Анконы, Алессандрии, Оменьи, Генуи и Милана. Преступления, за которые было осуждено большинство заключенных, были: тяжкое неповиновение, поборы и насилия над лицами), сообщенные мне г-ном Кардоном, а с другой — пятилетние наблюдения д-ра Вирлио над заключенными в тюрьме в Аверзе. Я пришел к заключению, что наказания за разного рода насилия значительно чаще встречаются в теплые месяцы.

6. Влияние чрезмерно высоких температур. Что касается чрезмерно высокой температуры, то влияние ее, особенно в соединении с влажностью воздуха, не особенно значительно. Действительно, Корр наблюдал, что преступления против личности среди креолов в Гваделупе остаются на минимальных цифрах при поднятии температуры до максимума и, наоборот, очень часты при понижении температуры.

Мы имеем здесь, стало быть, дело с явлением обратного характера, наблюдаемым также при влиянии очень высоких температур на политические преступления: благодаря чрезмерной влажной теплоте последние уменьшаются, в то время как под влиянием незначительного холода, напротив, учащаются.

В холодное время года среди креолов наблюдалось 53 преступления против собственности, а в теплое — 71 преступление против личности и 51 — против собственности.

Относительно преступлений против личности Корр отмечает в июне наибольшую цифру, а в январе — наименьшую.

7. Другие метеорические влияния. Директора тюрем подметили то общее явление, что заключенные обнаруживают обыкновенно наибольшее возбуждение перед наступлением гроз и в период первой четверти луны. У меня лично нет достаточных данных, чтобы судить об этом. Но ввиду того, что душевнобольные, которые во многом сходны с преступниками, очень чувствительны к температурным и барометрическим колебаниям и фазам луны, очень возможно, что это свойственно также и преступникам.

Однако одно обстоятельство убедило меня, что, помимо метеорических влияний, преступления зависят еще и от известных органических условий, а именно: следя в течение многих лет изо дня в день за количеством преступников, заключенных в тюрьмы Турина, я подметил, что в одни и те же дни поступает всегда довольно много — до 10–15 лиц, страдающих грыжами или же асимметриями органов, блондинов или брюнетов, нередко происходящих даже из различных стран. Явление это наблюдалось постоянно в одни и те же дни недели, в течение которой температура оставалась вообще более или менее одинаковой.

Экономические и политические условия последнего времени совершенно ослабили и отодвинули на задний план влияния метеорические. Так, во Франции с каждым годом все уменьшается связь между средней теплотой и политическими преступлениями, которая так ясно выступала в прежние времена. В силу этого же в северных странах, в которых преступления составляли некогда большую редкость, они начали чаще наблюдаться в течение последних лет, несмотря на то что климатические условия их нисколько не изменились. Однако при всем том нельзя, конечно, совершенно отрицать здесь значение и метеорических влияний.

8. Преступления в теплых странах. Термический фактор имеет преобладающее, но не исключительное влияние на географическое распределение уголовных и политических преступлений.

В южных областях Франции и Италии наблюдается больше преступлений против личности, чем в северных и центральных. К этому мы еще вернемся, говоря о каморре и морском разбое. Герри доказал, что во Франции преступления против личности вдвое чаще на юге (4,9), чем на севере (2,7) и в центре (2,8). Зато преступления против собственности чаще на севере (4,9), чем на юге и в центре (2,3).

В Северной Италии, в Лигурии, исключительно благодаря ее более мягкому климату сравнительно с прочими областями, наблюдается большее число преступлений против личности.

Максимум раскрытых в 1875–1884 годах преступлений дал Лацио, а после него острова; минимум же наблюдался на севере, причем цифры их, приходившиеся на каждые 100 тысяч жителей, суть следующие: в Пьемонте — 512, в Ломбардии — 689, в Калабрии — 1287, в Сардинии — 1293 и, наконец, в Лацио — 1537. Наибольшее число убийств наблюдается исключительно на юге и на островах.

Хольцендорф полагает, что число убийств в южных штатах Северной Америки в 15 раз превосходит количество их в северных. Равным образом и в Северной Англии приходится 1 убийство на 66 тысяч жителей, а в Южной от 1 до 4 на 6 тысяч. В Техасе, по словам Редфилда, в течение 15 лет было 7000 убийств на 818 тысяч населения.

Исследуя распределение простых и квалифицированных убийств в Европе, мы находим наибольшее число их в Италии и других южных странах, а наименьшее — в северных государствах, как, например, в Англии, Дании, Германии. То же самое следует сказать и о распределении политических преступлений во всей Европе. Мы убеждаемся, что число этого рода преступлений растет по мере того, как мы от севера приближаемся к югу, сообразно тому, как нарастает постепенно температура. Так, например, в Греции приходится 95 политических преступлений на 10 мил-

лионов населения, то есть максимум, в России — 0,8, то есть минимум. Наименьшие цифры наблюдаются вообще в северных странах: в Англии и Шотландии, Германии, Польше, Швеции, Норвегии и Дании; наибольшие в южных — в Португалии, Испании, Европейской Турции, Южной и Средней Италии и средние — в центральных областях.

Рассматривая отдельно Италию, мы видим, что в северной части ее приходится 27 политических преступлений на 10 миллионов жителей, в средней — 32 и в южной — 33 (17 из этого числа приходится на острова Сардинию, Корсику и Сицилию).

Подтверждение только что сказанному об уголовных и политических преступлениях мы находим в «Статистике преступности в Италии за 10 лет», опубликованной Бодио, и в «Статистике преступлений в Испании за 1884 г.», обнародованной испанским министром юстиции (Мадрид, 1885).

С другой стороны, в Испании квалифицированные кражи наблюдаются в такой же пропорции в северных провинциях — в городах Сантандере, Леоне,— в какой в южных, в Кадисе, и в центральных — в Бадахосе, Касересе и Саламанке, — ибо они зависят меньше от климата, чем от разного рода случайных причин. Поэтому же детоубийства и отцеубийства чаще встречаются в центральных провинциях (где расположена и столица) и в северных. То же следует сказать и об Италии, Франции и вообще обо всей Европе. В Италии, согласно наблюдениям Ферри, влияние теплого климата обнаруживается на числе простых убийств во всей южной части ее и на островах, исключая Сардинию, и на квалифицированных — в Сардинии и Форли. Точно так же и предумышленные убийства равномерно увеличиваются в Южной Италии и на островах, кроме тех местностей, в которых преобладает греческий элемент населения, а именно провинций Апулия, Катания, Мессина и др.

Намеренно причиненные увечья также увеличиваются согласно тому же закону, кроме Сардинии, где они уменьшаются. В Лигурии они также очень часты.

Аналогичное движение имеют и отцеубийства, которые наблюдаются преимущественно в Южной Италии и на

островах, кроме местностей, заселенных греками; они не реже и в центре Пьемонта.

Отравления преобладают на островах и в Калабрии, но здесь они не находятся в очевидной зависимости от влияния климата.

Детоубийства очень часты в Калабрии и Сардинии, но не менее этого и в Абруццо и Пьемонте, так что они, по-видимому, также не подчиняются влиянию климата.

Грабежи, соединенные с убийствами, в силу этого же преобладают в Пьемонте, Массе и Порте-Маврикия, точно так же, как и на окраинах Италии и на островах. Квалифицированные кражи, столь частые в Сардинии, Калабрии и Риме, наблюдаются не реже в Венеции, Ферраре, Ровиго, Падуе и Болонье, почти совершенно не завися от влияния климата.

То же наблюдается и во Франции, где предумышленные и случайные убийства свирепствуют особенно на юге, кроме нескольких исключений, объясняющихся этническими особенностями.

Отцеубийства и детоубийства, напротив, распространены более на севере, причем количество их нисколько не объясняется влиянием климата, но зависит исключительно от чисто случайных причин.

Глава 2

Влияние гор на преступления. — Геология. — Области распространения зоба, болотистых лихорадок и прочего

- 21% в департаментах преимущественно с почвой горской и меловой форм
- 19% гранистой
- 22% глинистой
- 21% аллювиальной

Те же цифры с ничтожными изменениями наблюдаются и для преступлений против собственности.

2. Орография. Изучая отношение орографии к числу преступлений против личности, наблюдающихся во Франции в течение 54 лет, мы нашли, что:

- минимальная пропорция их в 20% приходится на ровные департаменты
- средняя — 33% — холмистые
- максимальная — 35% — гористые.

Это, несомненно, объясняется тем, что горы дают возможность легче устраивать засады и скрываться и что население их отличается более решительным и энергичным характером.

Изнасилования, достигающие в гористых местностях 35% и в холмистых 33% общего числа преступлений, гораздо более многочисленны на равнинах, где они доходят до 70%, благодаря тому что население более скученно и многочисленно вследствие обилия больших городов.

То же можно сказать о преступлениях против собственности, которые, в противоположность преступлениям против личности, достигают на равнинах 50%, а в холмистых и гористых местностях уменьшаются до 47 и 43%.

В Италии орографическое влияние на преступления не выступает, однако, так резко. Максимум свыше 201 преступления на 100 тысяч жителей наблюдается в равнине р. По (на севере Италии), в Болонье, Ферраре, Венеции, Калабрии, которые все отличаются гористостью почвы, и в провинции Ливорно.

3. Болотные лихорадки. Изучая области Италии, в которых сильнее всего свирепствует малярия, дающая в них смертность от 5 до 8 человек на 1000 жителей, такие как Гроссето, Феррара, Венеция, Крема, Верчелли, Новара, Ланчиано, Васто, Сан-Северо, Катанзаро, Лечче, Фоджа, Террачина и Сардиния, мы убеждаемся, что интенсивность этой болезни совпадает с наибольшим числом преступлений против собственности только в пяти из этих местностей, а именно в Гроссето, Ферраре, Сардинии, Лечче и в Риме.

Между убийствами и болотной лихорадкой нет, по-видимому, никакой связи. Напротив, в Южной Сардинии, где малярия особенно сильно распространена, наблюдает-

ся даже меньше этих преступлений, чем в Северной. Это относится и к преступлениям против нравственности. Равным образом и во Франции, в местностях, где более господствует болотная лихорадка, как в департаментах Морбиан, Ланды, Луар и Шер, Эна, наблюдается меньше всего убийств и изнасилований.

4. Местности, где распространен зоб. Крупные центры распространения в Италии зоба и кретинизма, оказывающих такое огромное влияние на гигиену и интеллигентность жителей, как Сондрио, Аоста, Новара, Кунио и Павия, почти нисколько не влияют на количество преступлений. Убийства, случаи воровства и преступления против нравственности везде в них даже ниже обычной средней.

То же следует сказать и о Франции. Здесь, с одной стороны, в департаментах Верхние и Нижние Альпы и Восточные Пиренеи число страдающих зобом довольно значительно, между тем как убийц насчитывается 9,76 на 1 миллион жителей. С другой стороны, в департаментах Лозер, Арьеж, Савойя, Ду, Пюи-де-Дом, Эна и Верхняя Вьенна зоб также распространен, а между тем число убийств падает до 1,0–5,7 на 1 миллион жителей. Точно так же и преступления против собственности слабо распространены всюду, где господствует зоб, исключая такие местности, как департаменты Ду, Вогезы и Арденны.

Достойно примечания то обстоятельство, что почти во всех странах сильного распространения зоба (Бергамо, Сондрио, Аоста) преступления отличаются обыкновенно чрезвычайно жестоким характером и часто связаны бывают с похотливостью, но, для того чтобы ближе изучить это явление, следует ознакомиться с распространением преступлений по отдельным округам.

5. Смертность. Из 23 департаментов Франции, смертность в которых незначительна, 7, то есть 30%, превосходят обычную среднюю по числу наблюдаемых в них убийств, а именно департаменты Ло и Гаронна, Эна, Марна, Кот-д'Ор, Эро, Верхняя Сона и Об, в которых средняя цифра убийств достигает 13,9%.

Из 18 других департаментов со средней смертностью 6, то есть 23%, точно так же превосходят среднюю цифру убийств, а именно департаменты Эндр и Луара, Об, Нижние Пиренеи, Эро, Ду, Сена и Уаза и Вогезы. Общая средняя наблюдаемых в этих 18 департаментах убийств достигает 15,4, то есть немногим разнится от средней предыдущих департаментов.

Из 25 департаментов с максимальной смертностью 7, то есть 28%, значительно превосходят среднюю цифру убийств, а именно департаменты Нижние Альпы, Верхняя Луара, Сена, Нижняя Сена, Устье Роны, Корсика и Вар. Средняя цифра этого рода преступлений достигает в них 28%. Если откинуть последние два департамента, дающие особенно много убийств, то число последних понизится до 20%.

Что касается воровства, то из 24 департаментов с минимальной смертностью 14 превосходят среднюю цифру (90%), достигая 102,4. Из 18 же департаментов со средней смертностью ее превышают 7, имея среднюю цифру 91%, а из 25 департаментов с максимальной смертностью только 8, достигая средней — 105.

В общем, можно принять, что между смертностью и воровством нет никакого соотношения, между тем как между убийством и высокой смертностью есть постоянный параллелизм.

Глава 3

Влияние расы. — Честные дикари. — Центры преступности. — Семитическая раса. — Греки в Италии и во Франции. — Головной указатель. — Цвет волос. — Евреи. — Цыгане

1. Влияние расы. Мы уже видели раньше и убедимся еще более в этом впоследствии, какое смутное понятие существует у дикаря о преступлении, причем у первобытного человека мы предположили даже полное отсутствие всякого представления об этом. Тем не менее у многих диких

племен существует своя особая нравственность, которой они придерживаются на свой особый манер. Соответственно этому у них есть и свои преступления, как нарушения этой нравственности. У американского племени урис уважение к чужой собственности так велико, что для ограждения ее достаточно обыкновенной нитки. Племена кориаки и мбайя наказывают убийство, совершенное в их племени, но не считают его преступлением, если убитый принадлежит к чужому племени. Само собой разумеется, что без подобного закона племя это не представляло бы собой связного целого и легко могло бы быть уничтожено.

Вместе с такими племенами существуют другие, у которых отсутствуют даже эти относительные представления о нравственности. Так, в Африке рядом с честным и мирным племенем дикарей багнусов, занимающихся возделыванием риса, мы находим балантов, живущих исключительно охотой и грабежом. Они убивают тех, кто ворует в их деревнях, но сами тем не менее воруют у других племен. Лучшие воры пользуются у них большим уважением и хорошо оплачиваются, как учителя, преподающие детям уроки воровства; их нередко выбирают даже в начальники тех или других предприятий.

С ними очень сходны марокканские бени-гассаны, главное занятие которых также воровство. Племя это более или менее дисциплинированно, имеет своих начальников, свои законы, признаваемые правительством, которое пользуется ими для отыскивания похищенных вещей. Они разделяются на воров овса, лошадей, на тех, кто воруют на дорогах и в деревнях. Между ними есть особый класс конных воров, которые мчатся так быстро, что настигнуть их невозможно. Они влезают в хижины голыми, намазав свое тело мазью, или же прячутся в листву, чтобы не испугать лошадей. Начинают они воровать уже с восьмилетнего возраста.

В Индии существует племя зака-каиль, живущее, как и предыдущие, воровством. Когда у них рождается мальчик, они совершают над ним обряд, продевая его через отверстие, проделанное в стене, и произнося при этом три раза: «Будь вором!».

Напротив, курубары отличаются высокой честностью: они никогда не лгут и скорее умрут с голода, чем решатся на воровство. Поэтому их используют как сторожей при уборке хлеба и сборе плодов.

Спенсер также цитирует несколько племен, отличающихся своей честностью, как, например, тодосов, айно и бодосов. Они не любят войны и занимаются исключительно меновой торговлей. Они почти никогда не ссорятся между собой, в случае споров обращаются к своим начальникам и настолько добросовестны, что возвращают обратно половину из взятых в обмен товаров, если им покажется, что они получили слишком много. Им незнаком долг мести, они не проявляют никакой жестокости и относятся с уважением к женщинам и при всем том — удивительное дело — совсем не отличаются религиозностью.

Среди арабов (бедуинов) есть честные и трудолюбивые племена, но еще больше таких, которые славятся своим диким воинственным характером и наклонностью к грабежам и воровству.

В Центральной Африке Стенли нашел как честных дикарей, так и тех, кто занимаются разбоями и грабежами, как, например, зегесы. Среди готтентотов и кафров встречаются дикие, неспособные ни к какой работе индивиды: они живут трудами других, беспрерывно перекочевывают с места на место и носят название фингасов у кафров и сонкасов у готтентотов.

Данные, которыми мы располагаем для выяснения степени этнического влияния на преступления в нашем цивилизованном мире, не отличаются положительностью. Мы знаем, например, что значительная часть лондонских воров — это ирландцы или уроженцы Ланкашира.

В России, по словам Анучина, большинство воров в столице оказывается родом преимущественно из Бессарабии, и сравнительно с другими край этот дает наибольший процент осужденных. Здесь можно наблюдать, как преступность переходит от семейства к семейству. В Германии местности, в которых находятся цыганские колонии, особенно изобилуют женщинами-воровками.

2. Центры преступности. Во всех областях Италии и почти в каждой провинции ее существуют такие местечки и деревни, которые пользуются репутацией родины разного рода преступников. Так, например, Лигурия, Леричи славятся своими мошенниками, а Кампофеддо и Масса — убийцами; Поццало известно своими разбойниками на больших дорогах; Луккская провинция Каппанори приобрела печальную известность своими наемными убийцами, а Пьемонт — своими полевыми ворами.

В Южной Италии Сора, Мельфи, равно как Партинико и Монреале в Сицилии, уже с шестидесятых годов стали известны своими разбоями.

Это преобладание того или другого вида преступления в известной местности объясняется, несомненно, расой, как история доказывает относительно некоторых из них. Так, мы знаем, что Пергола и Пистоя были некогда населены цыганами, Масса — португальскими разбойниками и Кампофеддо — корсиканскими пиратами; еще и по настоящее время здесь говорят наполовину на корсиканском, наполовину на лигурийском наречии.

Но наибольшей известностью пользуется село Артена в Римской провинции, которое Сигеле описывает в следующих словах:

«Расположенное на возвышенной местности, в цветущей долине, в чудном климате, село это, где совершенно неизвестна нищета, могло бы стать счастливейшим и прелестнейшим уголком земного шара. Но на самом деле оно пользуется очень скверной репутацией, и жители его слывут в окрестностях ворами, разбойниками и убийцами. Эта печальная слава утвердилась за ними не со вчерашнего дня: уже в средневековых итальянских хрониках часто встречается название Артены, и вся история ее есть длинный ряд всевозможных преступлений».

«Итак, уголовная статистика Артены особенно богата увечьями и убийствами, число которых в 6 раз, и разбоями, количество которых в 30 раз больше средней этих преступлений для всей остальной Италии. Но даже и эти цифры дают только поверхностное понятие о жестокости и дико-

сти ее жителей. Чтобы получить надлежащее представление об этом, следовало бы подробно описать все преступления их и рассказать, как там убивают среди белого дня на улицах и как душат свидетелей, которые осмеливаются говорить судьям правду!».

«Причины всего этого, по моему мнению, — говорит далее Сигеле, — кроются, прежде всего, в характере артенского населения, затем в притеснениях правителей, способствовавших развитию здесь разбоя и каморры, и, наконец, в неспособности властей находить и наказывать виновных благодаря молчанию подкупленных или запуганных свидетелей. Но больше всех перечисленных причин имеет значение наследственность».

Изучая судебные процессы, имевшие место в Артене с 1852 года, Сигеле постоянно наталкивался на одни и те же фамилии. Очевидно, сыновья следовали постоянно по пути преступления за своими отцами, как бы влекомые какой-то роковой силой. Уже в 1555 году стала известна своими преступлениями Артена, называвшаяся в то время Монтефортино.

В 1557 году Павел IV велел истребить всех ее жителей, перебить их и разрушить их жилища, «чтобы уничтожить и самое гнездо этих негодяев».

Если принять во внимание, что в Сицилии разбой держится почти исключительно в приобретшей печальную славу долине Конка д'Оро, где некогда обитали хищные племена берберов и где анатомический тип, нравы и обычаи еще до сих пор сохранили арабский характер (описания Томмази-Круделли в достаточной степени свидетельствуют об этом: «Они умеренны, — говорит он про жителей Конка д'Оро, — терпеливы, настойчивы, легко доступны чувству дружбы, но имеют наклонность достигать намеченной цели скрытно и молчаливо; они гостеприимны, но в то же время и хищны; низшие классы их отличаются суеверием, а высшие гордостью. Слово "malandrino" теряет в Сицилии свое истинное значение. Здесь говорят "я разбойник" так же свободно и просто, как если бы хотели сказать: "У меня в жилах кровь течет". Донести на убийство — значит

здесь поступить непорядочно»), если подумать о том, что здесь, как и у арабских племен, кража скота является наиболее частым преступлением, то легко убедиться, что все дело объясняется здесь наследственностью. Кровь некогда живших здесь диких, воинственных племен, гостеприимных и жестоких, суеверных, непостоянных, вечно беспокойных и не терпевших над собой никакой узды, должна была оказать огромное влияние на характер современных жителей Конка д'Оро, склонных к постоянным восстаниям и грабежам. Подобно древним арабам они не делают разницы между политическим возмущением и грабежом; последний не вызывает у них ни ужаса, ни отвращения, как у других, хоть и менее развитых, но более богатых арийской кровью племен той же Сицилии, Катании и Мессины. Рядом с этим следует отметить для контраста местность Лардерелло в Вольтерре, в которой в течение 60 лет не было совершено ни одного убийства, ни одной кражи, ни одного даже проступка.

Что раса является одним из самых могущественных факторов, влияющих на преступность жителей всех этих местностей, тем более вероятно, что я наблюдал даже у многих из них, как, например, в Сан-Анджело и Сан-Пьетро, более высокий рост, чем у окрестного населения.

Точно так же и во Франции Фовель отметил особую расу преступников в целом ряду местечек, расположенных вдоль Арденнского леса. В местечках этих обычны всякие грабежи и насилия, против которых власти в большинстве случаев ничего не могут поделать. Иностранец, рискующий посетить эти места, неминуемо подвергается насилию со стороны не только мужчин, но и женщин; даже богатые здешние жители, в сущности, такие же дикари, хотя дикость их скрывается часто под маской вежливости. Сильно распространенный между ними алкоголизм еще более усиливает их дикость и варварство. Они не любят земледельческих работ, которым предпочитают работы на железных заводах, но любимым занятием их является контрабанда. Они выше среднего роста, мускулисты, с широкими и крепко развитыми нижними челюстями; у них

прямые носы, резко выраженные надбровные дуги, сильно развитая и богатая пигментом растительность. Они сильно отличаются от своих светловолосых соседей, с которыми редко вступают в сношения.

3. Европа. В своем сочинении «Убийца» Ферри ясно доказывает этническое влияние на распределение убийств в Европе. По его словам, резче всего выражена наклонность к убийству вообще и к квалифицированным убийствам в частности, равно как и к детоубийству, у немцев и латинян; точно так же у них чаще наблюдаются самоубийства и психические заболевания, причем последние особенно преобладают у первых.

4. Австрия. При всем том этническое влияние часто не может быть точно выражено при помощи цифр, потому что определение его основывается на уголовной статистике, которая представляет собой совокупность весьма сложных факторов, не дающих нам возможности делать из них определенные выводы. Так, например, минимум женской преступности наблюдается в Испании, Ломбардии, Дании, Воеводине и Гарце, а максимум — в австрийской Силезии и в прибалтийских губерниях России. Но здесь проявляется влияние нравов в большей степени, нежели расы, так как у тех народов, где женщины получают одинаковое с мужчинами образование, как в Силезии и в Прибалтийском крае, они принимают участие в жизненной борьбе наравне с ними, и потому преступность их приближается все более и более к мужской.

Тем же объясняется и сравнительно очень большая преступность, которая наблюдается повсюду среди юношеского возраста в заселенных немцами местностях Австрии, именно в Зальцбурге, сравнительно со славянским и итальянским населением Гарца, Тироля и Каринтии.

5. Италия. Изучая число простых убийств (с ранениями, последствием которых была смерть) и число квалифицированных убийств (с разбоями на больших дорогах, сопровождавшимися убийствами), имевших место в различных провинциях Италии в течение 1880–1883 годов, и сопоставляя их с данными относительно движения преступности в Италии 1873–1883 годов, мы находим следующее:

Число обнаруженных убийств на 1 миллион жителей:

Область Италии	Простые убийства	Квалифицированные убийства
Пьемонт (3 070 250)	47	34
Лигурия (892 373)	40	29
Ломбардия (3 680 615)	22	21
Венето (2 814 173)	34	25
Эмилия (1 806 817)	27	24
Романья (476 874)	103	76
Умбрия (572 060)	102	70
Марке (939 279)	94	53
Тоскана (2 208 869)	76	42
Лацио (903 472)	178	90
Абруццо (751781)	174	76
Молизе (365 434)	286	104
Кампания (289 577)	217	81
Апулия (1 589 054)	117	46
Базиликата (524 504)	214	86
Калабрия (1 257 883)	246	104
Сицилия (2 927 901)	205	122
Сардиния (682 002)	122	167

Отсюда ясно, что очевидный перевес преступности наблюдается среди населения семитической (Сицилия, Сардиния, Калабрия) и латинской рас (Лацио, Абруццо) сравнительно с расами германскими, лигурийскими, кельтскими (Ломбардия, Лигурия, Пьемонт) и славянскими (Венето).

Действительно, кроме главнейших этнических особенностей, сообщенных населению Италии лигурийцами на севере, умбрами и этрусками в центре и осками на юге, кроме этнического влияния в Сицилии сикулов лигурийского происхождения, больше всего способствовали порче этнического характера различных итальянских областей германцы, кельты и славяне на севере, финикийцы, арабы, албанцы и греки на юге и на островах.

Африканским и восточным элементам (кроме греков) Италия обязана своими убийствами, столь многочисленными в Калабрии, Сицилии, Сардинии, между тем как отсутствие и редкость их следует приписать влиянию германских рас (Ломбардия).

Это ясно доказывается известными очагами, где преступления эти процветают в большей или меньшей степени и где они удивительным образом совпадают с этническими особенностями их населения.

Другим доказательством может служить Тоскана, где значительная редкость преступлений, наблюдаемых в Сиене (3,9 на 100 000 жителей), во Флоренции (4,3) и в Пизе (6,0), составляет резкий контраст с поразительной частотой их в Масса-Карраре (8,3), в Гроссето (10,2), в Лукках (11,9) и особенно в Ареццо (13,4) и Ливорно (14,0).

Итак, помимо специальных условий жизни, создаваемых рудниками в Масса-Карраре и мареммами[1] в Гроссето, этническое влияние, по словам Ферри, неоспоримо сказывается также в Луккской провинции, которая отличается от Тосканы, между прочим, высоким ростом и долихоцефалией своего населения, часто наблюдаемыми также в Мас-

[1] Маремма — географическая область в итальянской области Тоскана, полоса низменных, ранее заболоченных участков на западном побережье Апеннинского полуострова.

са-Карраре, и особенной наклонностью его к эмиграции. Я считал бы это остатком влияния древних диких лигурийцев, которые так часто возмущались против римского владычества. Но резче всего выступает этническое влияние в Ливорно, происхождение которого нам точно известно.

В XVI столетии Ливорно был небольшой деревушкой, расположенной в болотистой местности и насчитывавшей в 1551 году всего лишь 749 жителей. Первыми жителями его были либурны, племя иллирийского происхождения, изобретшие либурны[1] и сделавшиеся знаменитыми пиратами. К ним потом присоединились сарацины, евреи и марсельцы, а впоследствии сюда явились по приглашению Медичи разного рода авантюристы и пираты.

Ливорно за время с 1879 по 1883 год дал наибольшую во всей Италии пропорцию общего числа обнаруженных преступлений, а именно квалифицированных убийств и восстаний, равно как и квалифицированных краж.

Факт этот не может быть объяснен ни особенной плотностью здешнего населения, ибо последняя (355 человек на каждый квадратный километр) равна плотности населения в Милане (355) и значительно уступает в этом отношении Неаполю (1149), ни преобладанием городского населения над деревенским, составляющего здесь лишь 80% общего числа его, в то время как в Милане оно равно 92%, а в Неаполе даже 94%; тем не менее здесь особенно часты восстания и квалифицированные кражи.

Другой чрезвычайно резкий контраст наблюдается в южной части Италии, где провинции со значительной интенсивностью убийств, как Кампобассо, Авелино, Козенца и Катандзаро, встречаются рядом с местностями, где частота их ничтожна, такими как Беневенто, Салерно, Бари и Лечче, и где она, наоборот, чрезвычайно высока, как в соседних провинциях Л'Акуила, Казерта, Потенца, Реджо и особенно в Неаполе.

---

[1] Либурна — военное судно Древнего Рима, распространенное с времен ранней Империи.

В настоящее время трудно отрицать причинную связь между этническим влиянием албанских колоний и огромным числом кровавых преступлений в провинциях Козенца, Катанзаро и Кампобассо.

С другой стороны, ничтожная интенсивность этого рода преступлений в Реджо и особенно в провинции Апулия (Бари и Лечче) объясняется главным образом влиянием греческого элемента, если вспомнить древнюю Великую Грецию и греческие колонии, появившиеся во время и после византийского владычества.

«Еще и в настоящее время, — пишет Николуччи, — большинство здешних уроженцев напоминает собой греческий тип как по своей наружности, так и по мягкости характера». Сюда присоединяется еще этническое влияние господствовавших здесь некогда норманнов.

Что касается редкости простых убийств в Беневенто и Салерно, то при объяснении ее необходимо принять во внимание влияние лангобардского элемента, владычество которого было здесь столь продолжительно (герцогства Беневентское и Салернское). Именно оттого здешнее население местами не подчинилось ассимиляционному влиянию итальянцев и до наших дней сохранило некоторые черты своих предков (высокий рост, светлые волосы и др.), поражающие несходством с типичными итальянцами.

Различное влияние албанской, греческой и лангобардской крови на эти очаги преступности сказывается в распределении квалифицированных убийств и разбоев на больших дорогах, сопровождаемых убийствами. Действительно, если мы исключим Салерно и Реджо, дающих сравнительно высокие цифры этих преступлений, то убедимся, что в Неаполе, благодаря греческому влиянию, число убийств, несмотря на бедность и скученность его населения, очень невелико, не больше, чем в Бари и Лечче.

Сицилия также представляет собой поразительный пример этнического влияния на убийства. В восточных провинциях ее, Мессинской, Катанской и Сиракузской, наблюдается значительно меньше простых и квалифициро-

ванных убийств, чем в провинциях Кальтаниссетта, Агридженто, Трапани и Палермо.

Мы знаем именно, что жители Сицилии резко отличаются по своему характеру от населения соседней Италии, главным образом благодаря влиянию многочисленных северных народов (вандалов, норманнов, французов), покорявших ее и господствовавших здесь. В восточной части ее, некогда находившейся преимущественно под влиянием греков, наблюдается значительно меньше убийств (как и в провинции Апулия), между тем как южная и северная части ее благодаря господству в них сарацинов и албанцев, наоборот, отличаются значительной частотой их.

У Реклю мы читаем: «Ко времени осады Палермо норманнами (1071 год) население Сицилии говорило на пяти языках: арабском, древнееврейском, греческом, латинском и простом сицилийском. Господствующим из них даже при норманнах остался арабский. Позднее благодаря влиянию французов, немцев, испанцев и арагонцев сицилийцы начали все более и более отличаться от жителей Италии своей одеждой, нравами, обычаями и национальным духом. Разница эта становилась то большей, то меньшей, смотря по тому, какой из народов овладевал Сицилией. Вот почему население провинции Этны, несомненно происходящее от греков и никогда не смешивавшееся со славянскими народами, является по своему характеру добрым и кротким, между тем как жители Палермо, на которых больше всего влияли арабы, напротив, отличаются в общем суровостью и развращенностью».

Точно так же характерна и преступность Сардинии как при сравнении ее с преступностью Италии вообще и особенно Сицилии, так и вследствие постоянного контраста между северной частью ее (провинция Сассари) и южной (провинция Кальяри). В этническом отношении Сардиния отличается от Сицилии, так как с глубокой древности и потом со времен владычества Карфагена «финикияне утвердились и господствовали в Сардинии дольше, чем в Сицилии». Даже и в наши дни черепа сардинцев еще сохранили отчасти тип финикийских черепов (долихоцефалию). Что

же касается сарацинов, то они весьма недолго хозяйничали в Сардинии, памятниками чего остались всего лишь две колонии: Барбаричини (в провинции Сассари) и Мауредди (в провинции Кальяри).

Этой этнической разницей и объясняется, несомненно, с одной стороны, огромное количество преступлений против личности в Сицилии (кроме восточных провинций ее) и, с другой — обилие преступлений против собственности в Сардинии. Сравнивая между собой эти два острова, мы видим резкую разницу между ними в числе простых убийств и особенно ран и увечий.

Но если общая цифра квалифицированных убийств оказывается в Сицилии, благодаря восточным провинциям, несколько ниже, чем следовало бы ожидать, то зато число всех вообще преступлений против личности, считая в том числе простые и квалифицированные убийства, равно и разбои на больших дорогах, сопровождающиеся убийствами, все-таки в ней значительно выше, чем в Сардинии.

Напротив, по числу преступлений против собственности Сардиния сильно превосходит Сицилию, особенно количеством квалифицированных краж и преступлениями против нравственности, между тем как в преступлениях против собственности, совершаемых с помощью насилия, именно в разбоях, затем в вымогательствах и шантажах перевес остается на стороне Сицилии.

В самой Сардинии наблюдается разница даже между обеими провинциями Сассари и Кальяри как в типе жителей, так и в проявлении их экономико-социальной жизни.

На севере ее более развиты земледелие и промышленность, в то время как на юге процветает разработка рудников около Кальяри и т. д.

В этническом отношении провинция Кальяри находилась, как известно, под влиянием финикиян, а Сассари — испанцев (колония Альжеро); этим и экономическими условиями объясняются большая частота квалифицированных краж, преступлений против добропорядочности в провинции Кальяри и огромное количество простых и ква-

лифицированных убийств и разбоев на больших дорогах с убийствами в провинции Сассари.

Другим характерным примером этнического влияния может служить остров Корсика, который дает, как известно, максимальную для всей Франции цифру кровавых преступлений (кроме отравлений и детоубийств), между тем как число краж остается здесь очень незначительным.

Сравнивая между собой число лиц, осужденных за убийство в течение 1880–1883 годов на Корсике, с числом таких же осужденных в наиболее преступных областях Италии, мы получаем следующие данные:

Лица, судившиеся в 1880–1883 годах уголовными и исправительными судами (средняя на 100 тысяч жителей):

Преступления	Корсика	Сардиния	Сицилия	Молизе	Кампобассо
Убийства и раны, последствием которых была смерть	11,2	8,6	14,3	21,5	19,1
Убийства и разбои на больших дорогах, сопровождавшиеся убийствами	9,5	19,8	9,6	9,0	5,2

Цифры эти свидетельствуют о том, что Корсика хотя и принадлежит в политическом отношении Франции, но по природе своих жителей и по характеру их преступности она является страной итальянской. По этому поводу и Реклю говорит следующее: «Из этих двух островов, Корсика и Сардиния, принадлежавших некогда к одному и тому же государству, более итальянской должна считаться по своему географическому положению и историческим традициям именно Корсика, составляющая теперь французское владение».

Таким образом, резкая разница, существующая между преступностью Корсики и Сардинии, объясняется этническими мотивами, подтверждающимися в большинстве случаев сходством между первым из этих островов и Сицилией. Мы знаем, что Сицилией дольше всех других наро-

дов владели не столько жадные, сколько хищные сарацины, имевшие огромное влияние и на Корсику. Известно, что «после древнейших обитателей ее (лигуров, иберов или сиканов, как их иногда называют) Корсикой владели фокийцы[1] и римляне, но особенно долго сарацины, господствовавшие здесь до XI столетия, после чего явились итальянцы и французы».

Таким образом, Корсика и Сицилия (а отчасти и Калабрия) обязаны сарацинам своими частыми убийствами и сравнительно незначительной преступностью против собственности.

6. Французские расы. Взгляда, брошенного на изображенное деление Франции по расам и преступлениям, достаточно, чтобы убедиться, что максимум кровавых преступлений соответствует лигурийской и галльской расам.

Но более подробные доказательства этнического влияния мы получим, изучая соответственно расам департаменты, превосходящие среднюю цифру убийств. Мы видим, что число последних последовательно увеличивается по мере того, как мы от департаментов, населенных потомками кимврийской расы (1 из 18, то есть 5,5%), переходим к департаментам с населением галльской расы (8 из 32, то есть 25%) и от рас иберийской (3 из 8, то есть 35%) и бельгийской (6 из 15, то есть 40%) приближаемся к расе лигурийской, где это влияние достигает своего абсолютного максимума (100%).

Что касается изнасилований, то число их увеличивается по мере перехода от департаментов с населением иберийской расы (2 из 8, то есть 25%) к расе кимврийской (6 из 18, то есть 35%) и от рас бельгийской (6 из 15, то есть 40%) и галльской (13 из 32, то есть 41%) к лигурийской расе (6 из 9, то есть 66%), где они также достигают своего максимума.

---

[1] Фокида — в древности область в Средней Греции, граничившая на западе с Доридой и Озольской (западной) Локридой, на юге с Коринфским заливом, на востоке с Беотией и Опунтской Локридой, на севере с Эпикнемидскою Локридой. В древнейшую пору греческой истории Фокида занимала большую территорию, доходя до Фермопил.

В преступлениях против собственности первое место занимает бельгийская раса (самая промышленная, дающая 67%, в то время как лигурийская и иберийская дают 60 и 61%, а кимврийская и галльская еще меньше — 30 и 39%).

Преобладающее влияние лигурийской и галльской рас зависит от их большей решительности и подвижности, как мы это уже видели в моем «Политическом преступлении».

Лигурийская раса дала во Франции максимум вожаков восстаний и революций (100%) и в то же время максимум гениальных людей — 66%, в то время как галльская дала первых 82% и вторых 19%, бельгийская — 62 и 33%, кимврийская — 38 и 5% и, наконец, иберийская — максимум 14 и 5%.

7. Долихоцефалия и брахицефалия. Желая получить более точные данные о влиянии расы на преступность, мы занялись определением отношения, существующего между последней, головным указателем (индексом) и цветом волос.

Изучая преступность по таблицам Ливи, мы убедились, что в 21 провинции Италии, где преобладает долихоцефалия с указателем (от 77 до 80 включительно), средняя цифра убийств и увечий равна 31%, между тем как общая средняя для всей Италии не превышает 17; таким образом, во всех этих провинциях с долихоцефалическим населением, кроме Лукки и Лечче, пропорция убийств превосходит среднюю для них цифру.

Провинции с преобладанием мезоцефалии (81–82) пропорционально уступают в количестве убийств долихоцефалическим и имеют среднюю в 25%.

Наконец, там, где превалирует брахицефалия (83–88), средняя цифра убийств и ран достигает всего 8%, значительно уступая, таким образом, общей средней для всей Италии.

При этом мы должны заметить, что долихоцефалия встречается преимущественно в южных провинциях, кроме Лукки, представляющей собой исключение в смысле соответствия между ней и интенсивностью преступлений, что брахицефалия преобладает, кроме Абруццо, в верхней Италии, ультрабрахицефалия — в гористых местностях, в

которых наблюдается значительно меньший контингент кровавых преступлений и, наконец, мезоцефалия встречается повсюду, особенно в Южной Италии и в наиболее теплых северных местностях, как Ливорно, Генуя, так что нельзя не признать, что здесь этнический фактор сливается с влиянием климата.

Во Франции преступления против личности дают среднюю в 18 на каждые 100 тысяч жителей у брахицефалов и в 36 — у долихоцефалов, считая в том числе и Корсику; без нее цифра эта остается одинаковой — 24 для одних и других, соответствуя, таким образом, нормальной средней, колеблющейся между 24 и 33 на 100 тысяч жителей. Придерживаясь цифр Ферри за период с 1880 по 1884 год, мы получим в этом отношении меньшую разницу между долихоцефалами и брахицефалами, а именно кровавые преступления составляют 13 на 100 тысяч (без Корсики) у первых и 29 — у вторых.

Таким образом, мы видим, что на кровавые преступления больше влияет климат, нежели раса, ибо в Италии, где долихоцефалы сгруппированы почти исключительно в южных провинциях, они, несмотря на это, значительно превосходят брахицефалов.

Относительно Франции, напротив, где долихоцефалия одинаково часто встречается как на юге и севере (Па-де-Кале, Эна, Нор), так и в центре (Верхняя Вьенна, Шаранта), к подобным выводам прийти нельзя, так как здесь у долихоцефалов наблюдается даже меньшая частота этого рода преступлений. Что касается преступлений против собственности во Франции, то разница между долихоцефалами и брахицефалами становится более ощутимой: у первых наблюдается 44 случая на 100 тысяч жителей, а у вторых — только 23.

В общем, преступность, стало быть, все-таки всегда выше в тех провинциях, где преобладает долихоцефалия.

Однако этот факт противоречит тому взгляду антропологии преступления, по которому преступники оказываются почти всегда ультрабрахицефалами и который дока-

зывает, что крайняя брахицефалия является у преступников выдающимся признаком вырождения.

8. Русые и темные волосы. По цвету волос преступники во Франции распределяются следующим образом: в департаментах, где преобладают брюнеты, убийцы составляют 12,6%, считая в том числе и Корсику, а без нее 9,2%, между тем как среди блондинов пропорция достигает всего лишь 6,3%.

Темный цвет волос преобладает преимущественно в теплых департаментах, таких как Вандея, Эро, Вар, Жер, Ланды, Корсика, Устье Роны, Нижние Альпы, Жиронда и др., где, конечно, не может быть исключено и влияние климата. С другой стороны, светлый цвет волос встречается преимущественно в местностях с холодным климатом (исключая департамент Воклюз), как департаменты Па-де-Кале, Нор, Арденны, Манш, Эро и Луара, в которых, соответственно этому, наблюдается и меньше кровавых преступлений.

В Италии пропорция блондинов в южной части ее и на островах меньше средней цифры их во всем государстве, в Беневенто — равна ей, а в провинциях Апулия, Неаполь, Кампания, Трапани и восточной части Сицилии немного уступает ей. Соответственно этому во всей Южной Италии наблюдается в среднем меньше кровавых преступлений, чем в остальных частях, а в Беневенто, хотя число их и велико, доходит до 27,1%, но все же меньше, чем в соседних провинциях. То же следует сказать и об Апулии, восточной части Сицилии, Сиракузах, Катании, в которых цифра преступности также сравнительно невелика (в Сиракузах 15, Катании 28, а в Лечче — даже 10).

В этих провинциях светлый цвет волос соответствует ломбардской (Беневенто) и греческой (Сицилия) расам, и сообразно этому здесь наблюдается и меньшая преступность.

С другой стороны, я не нашел никакого соответствия между преступлением и цветом волос населения в Перудже, где преобладают блондины, и в Форли, Центральной Италии, где встречаются преимущественно брюнеты.

Русое население, живущее у подножия Альп, находится в тесной связи с населением гор и подобно ему дает слабый процент преступности, но причина этого чисто орографическая. Напротив, в Ливорно и Лукке, где население состоит почти исключительно из брюнетов, наблюдается полная зависимость между черным цветом волос и очень высокой преступностью, особенно по сравнению с соседней Тосканой. А так как цвет волос здесь встречается параллельно с резкой долихоцефалией, не объяснимой какой-нибудь орографической причиной, то это, мне кажется, может служить новым доказательством этнического влияния на кровавые преступления.

Что касается преступлений против собственности, то они не находятся ни в какой очевидной связи с цветом волос: так, например, Трирская провинция, где почти все население имеет светлый цвет волос, дает максимум преступности почти так же, как и Феррара, где население, напротив, состоит из одних брюнетов.

9. Евреи. Влияние расы на преступность выступает особенно резко при изучении евреев и цыган, но для каждой из этих наций в совершенно обратном смысле.

Относительно евреев статистика доказала, что среди них в общем наблюдается меньшая преступность, чем среди христианского населения. Факт этот тем более замечателен, что, согласно наиболее распространенным среди евреев профессиям, их должно сравнивать не с целым населением вообще, а с сословиями купцов и мелких ремесленников, которые дают, как мы это увидим ниже, как раз наиболее замечательные цифры преступности.

В Баварии один осужденный еврей приходится на 315 жителей, а 1 католик — на 265.

В Бадене на 100 осужденных христиан приходится 63,3 осужденных еврея.

В Ломбардии в течение 7 лет приходился 1 осужденный еврей на 2,568 жителя.

В 1855 году во всей Италии в тюрьмах содержалось всего 7 евреев — пять мужчин и две женщины — ничтожная пропорция сравнительно с преступным христианским на-

селением. По исследованиям Серви, сделанным в 1869 году, оказалось, что из 17 800 евреев осужденных было всего 8 человек.

В Пруссии Хаузнер также нашел разницу между преступностью христиан и евреев, причем по его расчету у первых 1 осужденный приходится на 2600, а у вторых — на 2800 жителей.

В 1854 году насчитывалось в ней 166 преступных евреев, в 1855 — 118, в 1856 — 163, в 1858 — 142, в 1860 — 123 и в 1861 — 118; то есть в последние годы замечается возрастание преступности среди евреев.

В Австрии число осужденных евреев достигло 3,74% в 1872 и 4,13 — в 1873 году.

Факт специфической преступности евреев твердо установлен. Среди них, как и среди цыган, преобладают наследственные формы преступности, и во Франции известны целые поколения мошенников и воров среди Церфбееров, Саломонов, Леви, Блюмов и Кляйнов. Между евреями редки убийцы, но те из них, которые были осуждены за это преступление, являлись начальниками хорошо организованных банд, как Графт, Церфбеер, Мейер, Дешам, содержавшими для своих надобностей агентов, ведшими приходно-расходные книги и действовавшими с такой ловкостью и осторожностью, что в течение многих лет ускользали из рук правосудия. Большинство преступников-евреев во Франции занимается разного рода мелкими мошенничествами, кражами или коммерческими надувательствами.

В Пруссии среди евреев больше всего осужденных за мошенничество, клевету, банкротство и укрывательство преступления, которое очень часто остается безнаказанным. Этим, между прочим, объясняется частота еврейских слов в воровских жаргонах Пруссии и Англии, так как вор считает своего укрывателя своим начальником и руководителем и очень легко усваивает себе его язык.

Всякое более или менее крупное предприятие знаменитой шайки Магуйеза (Грома) подготавливалось kochener, утайщиком-евреем. Одно время «почти все начальники крупных шаек во Франции имели любовниц-евреек». Ев-

реев побуждают браться за эти преступления, равно как и за ростовщичество, следующие мотивы: жадность к золоту, отчаяние и невозможность получить какую-нибудь службу или вспомоществование; преступлениями они реагируют на преследования своих более сильных врагов, которые часто заставляли их даже стать соучастниками преступления, если они не желают сделаться их жертвами. Поэтому нельзя было бы удивляться, если преступность среди них была даже большей, чем у других народов, причем нужно отметить, что там, где евреи начинают пользоваться общими правами, специфичность их преступности заметно ослабляется и исчезает.

Отсюда опять ясно, как трудно приходить к каким бы то ни было заключениям в моральных вопросах, основываясь на одних только цифрах.

Если, с одной стороны, доказана меньшая преступность евреев сравнительно с другими нациями, то, с другой — не подлежит также сомнению огромная частота среди них психических заболеваний.

Но здесь дело сводится не столько к особенностям их расы, сколько к умственному переутомлению, так как среди других семитов (арабов, бедуинов и т. п.) умопомешательство, напротив, встречается чрезвычайно редко.

10. Цыгане. Совершенно другое следует сказать о цыганах, которые могут служить олицетворением преступной расы с ее страстями и порочными наклонностями.

Они, говорит про цыган Грелман, питают ужас ко всему, что требует малейшего усилия, и готовы лучше переносить голод и нищету, чем взяться хотя бы за легчайший труд; вообще же они работают лишь столько, чтобы не умереть с голоду. Они клятвопреступны даже в отношении друг к другу, неблагодарны, злы и жестоки.

В австрийской армии они составляют зло. Они в высшей степени мстительны. С целью разграбить Лограно они отравили фонтаны Драо и, полагая, что все жители умерли, ворвались туда огромной толпой; жители же спаслись только благодаря тому, что один из них обнаружил этот за-

мысел. Во время гнева цыгане швыряют своих детей в голову своим врагам. Они тщеславны, как преступники, совершенно равнодушны к позору и стыду. Все деньги свои они тратят на спиртные напитки и украшения, так что нередко их можно видеть босых, но в одежде, расшитой галунами и самых ярких цветов, без чулок, но в желтых сапогах.

Они предусмотрительны, как дикари или преступники, суеверны и считают величайшей мерзостью съесть угря или ящерицу, несмотря на то что едят почти гниющую мертвечину.

Они любят устраивать оргии и вообще производить страшный шум во время своих перекочевок. Они без угрызения совести убивают и грабят. Некогда их обвиняли даже в каннибализме.

Особенной ловкостью в воровстве отличаются их женщины, которые обучают ему своих детей с самого раннего детства. Они отравляют скот при помощи известных ядов с целью потом прославиться излечением его или скупить мясо за бесценок. В Турции цыганки занимаются преимущественно проституцией. Вообще же цыгане живут главным образом мошенничеством, сбытом фальшивых монет и продажей порченых лошадей под видом здоровых и хороших. Если слово «еврей» обозначало некогда в Италии ростовщика, то в Испании слово gitano равносильно мошеннику и барышнику.

В каком бы положении цыган ни находился, он сохраняет всегда свое обычное равнодушие; он нисколько не заботится о будущем и со дня на день живет с абсолютной неподвижностью мысли, относясь ко всему совершенно индифферентно.

«Для этой странной нации, — говорит Колоччи, — власти, законы и постановления суть вещи несносные. Для них одинаково противно приказывать, как и повиноваться: одно и другое одинаково тяжело для них. Цыгану также чуждо понятие “иметь”, как и “быть должным”; ему незнакомы последовательность и предусмотрительность, связь прошедшего с будущим». «Когда они хотят уйти куда-нибудь, — писал про цыган Пешон де Руби в XVI столетии, — они направля-

ются в сторону, противоположную той, куда им лежит путь, и, сделав с полверсты, возвращаются обратно».

В заключение заметим, что эта раса, стоящая на такой низкой ступени умственного и нравственного развития, совершенно неспособная к какой бы то ни было гражданственности и промышленности, не перешагнувшая в области поэзии самой жалкой лирики, создала в Венгрии новый род музыки, служащий доказательством того, что неофилия[1] и гениальность могут у преступников часто примешиваться к атавизму.

Глава 4

Цивилизация и варварство. — Скученность населения. — Новые преступления

1. Цивилизация и варварство. Среди множества социальных проблем есть одна, верное и точное разрешение которой особенно важно: мы говорим о влиянии цивилизации на преступления и психические заболевания.

Если мы будем придерживаться исключительно цифр, то придем к заключению, что во всех европейских странах замечается постоянное увеличение преступлений и душевных болезней, непропорциональное, впрочем, росту населения.

Во Франции за время с 1826 по 1837 год обвиняемые составляли 1 на 100 жителей, а в 1868 году они увеличились до 1 на 55. С 1825 по 1838 год число осужденных (не считая политических преступников и нарушителей фискальных законов) возросло с 57 470 до 80 920. В 1838 году оно поднялось уже с 237 до 375 на каждые 100 тысяч жителей; в 1847 году — до 480; в 1854–1866 годах оно упало до 389, чтобы опять увеличиться в 1874 году до 517 и в 1889 году до 552. Таким образом, пропорция осужденных увеличилась во Франции в течение 50 лет на 133%.

[1] Неофилия — навязчивое влечение к новому, непривычному.

Но Месседалья совершенно справедливо указывает на неизбежность ошибок там, где на основании одних только цифр решаются сложные проблемы, в которых одновременно участвуют многие факторы.

Огромная, постоянно возрастающая цифра преступлений и психических заболеваний настоящего времени, быть может, объясняется, с одной стороны, переменами в гражданских и уголовных законах и большей активностью полиции, а с другой — значительным распространением специальных убежищ для душевнобольных.

Теперь уже не подлежит сомнению, что цивилизация, как и варварство, создает особого рода специфическую преступность. У дикарей отсутствует всякое нравственное чувство, и благодаря этому убийство не внушает им никакого ужаса. У многих из них оно, напротив, считается даже геройским подвигом. Варварство признает месть долгом, а силу — правом, что способствует умножению кровавых преступлений и развитию религиозных маний, демономаний и умопомешательств в силу подражания. Но варварству же, с другой стороны, свойственны и более крепкие семейные узы, более слабый половой инстинкт и отсутствие чувства тщеславия, благодаря чему среди дикарей реже наблюдаются такие преступления, как отцеубийство, детоубийство и кражи.

По словам Ферреро, человек выработал до настоящего времени два типа цивилизации: один с характером насилия, а другой — обмана и хитрости. Оба этих типа цивилизации коренным образом отличаются один от другого по форме, в какой выражается при каждой из них борьба за существование. В первобытной цивилизации с характером насилия борьба за жизнь ведется исключительно при помощи грубой физической силы: политическое могущество и богатство создаются при ней с помощью оружия за счет соседних чужеземных народов или же более слабых сограждан; торговая конкуренция совершается преимущественно при помощи армий и флота, то есть путем насильственного удаления противников с тех рынков, эксплуата-

цией которых желательно завладеть; споры и недоразумения разрешаются при помощи поединков.

При цивилизации с характером обмана борьба за существование совершается, напротив, при помощи хитрости, и споры разрешаются в судах при помощи состязаний адвокатов; политическое могущество достигается не оружием, а золотом; деньги переводятся из одного кармана в другой путем разного рода надувательств, называемых биржевой игрой; торговая война ведется при помощи усовершенствованных производств и фальсификаций,

Примерами цивилизации первого типа служат или, вернее, служили Корсика, отчасти Сардиния, Черногория, итальянские города в Средние века и все вообще примитивные страны.

Примерами второго типа цивилизации являются все современные народы, у которых буржуазно-капиталистический режим достиг значительного развития.

Разница между обоими типами цивилизации не так велика, как это кажется в теории, ибо в действительности у обществ часто наблюдается смесь черт, принадлежащих им обоим.

Подобно этому мы наблюдаем также и двоякого вида преступность, так как патология и в социальном отношении следует по тому же пути, что и физиология.

Мы различаем именно атавистические преступления, грубейшими примерами которых являются убийство, воровство и изнасилование, и эволюционные, отличающиеся от предыдущих более тонкими приемами, основанными не на силе, а на хитрости.

Преступлениям первого вида подвержено небольшое число лиц, роковым образом предрасположенных к ним, а преступления второго типа мы наблюдаем у всех тех, кто не обладает достаточно уравновешенным характером, чтобы противостоять окружающим вредным влияниям.

Сигеле справедливо замечает, что оба вида преступности наблюдаются очень интенсивно в массовых преступлениях низших и высших классов населения.

Эволюционная форма преступности покоится на деятельности ума точно так же, как атавистическая — на работе мускулов.

В современной Италии мы находим достаточно примеров обоих видов преступности: в Сицилии, например, очень часты морские разбои, а в Риме — банковские скандалы и преступления против нравственности, наблюдаемые у высших классов общества.

Следующим примером атавистической преступности может служить Романья. Последние годы здесь наблюдалось гораздо больше преступлений против личности, чем в других местностях Италии. Как доказал Габелли, объяснялось это преимущественно традициями старинной безнаказанности и той нравственной атмосферой, которая создалась благодаря ей.

Несколько лет тому назад редко можно было встретить здесь девушку, которая согласилась бы выйти замуж за человека, ни разу не пустившего в ход ножа.

Пани Росси часто слышал, как в Базиликате матери называют своих сыновей маленькими разбойниками.

«Слово malandrino, — говорит он, — теряет в Сицилии всякое позорное значение и становится эпитетом, выражающим похвалу, которым всякий здесь гордится. Lo sono malandrino означает у них человека, который никого и ничего не боится, даже правосудия».

Еще более ярким примером подобной же преступности является Корсика, где причины ее кроются в социально-исторических условиях этой страны.

«Частота убийств на Корсике вследствие мести, — пишет Бурне, — известна всему миру, но вряд ли кто знает, до каких размеров здесь обыкновенно дело доходит. Роччино убил, положим, собаку Тофани, и следствием этого может явиться 11 убийств в обоих этих семействах. В 1886 году здесь было 135 покушений на жизнь, то есть одно подобное преступление приходилось на 200 душ населения, что в четыре раза превышает соответствующие цифры в Сенском департаменте во Франции. Из этих 135 покушений 52 явились последствием ссор и драк. В этой же стране невозмож-

но заставить говорить свидетеля на суде. В Палермо 60 лиц присутствовали однажды при одном убийстве, а на суде все они под присягой показывали, что ничего не видели».

Согласно отчетам жандармерии Бурде считает число бандитов на Корсике равным 5–6 тысячам.

«Корсиканцы, — говорит он, — отличаются гордостью: они презирают всякий физический труд, обращают более внимания на ум, чем на нравственность, и со своеобразной точки зрения смотрят на счастье и совесть людскую.

Организация их очень напоминает устройство древних римских патрициев: 15 или 20 семейств заправляют здесь всеми остальными и делают все, что им угодно.

Здесь всякий, отказывающийся поддержать члена своей семьи, рискует своей жизнью. На этом острове находятся в вечной борьбе два принципа: один, новый — признание абсолютного права и справедливости, а другой, старый — слепая преданность своей фамилии и невозможность подняться выше узких семейных интересов. К сожалению, второй принцип почти всегда побеждает, что особенно резко выступает при отчуждениях земельных участков при постройке железных дорог».

«Суд, — читаем мы далее у Бурде, — под председательством Касабьянки, главы одной наиболее могущественной на Корсике партии, судит, например, таким образом: некоему Бенедетти за отчуждение его участка в 16,96 ара он назначает всего 2 тысячи франков, а какой-то Виргитти за участок в 18,90 ара выдает 13 тысяч франков. Подобные несправедливости кажутся здесь вполне естественными».

«Во всей Франции было в 1885 году констатировано 45 523 аграрных преступления, а в одной Корсике их было за это время 13 405, то есть почти треть».

С одной стороны, прогресс цивилизации, увеличивающей до бесконечности потребности и желания современного человека, а с другой — накопление богатств, дающих возможность удовлетворять возбужденные чувства, ведут к тому, что число душевнобольных, алкоголиков и паралитиков (в Бисетре паралитиков было в 1818–1819 годах всего 9 чел., а в 1848–1849 годах) в убежищах, равно как ко-

личество преступников против собственности и нравственности в тюрьмах, постоянно растет и увеличивается. Статистика неоспоримо доказывает, что число преступлений, совершаемых в крупных центрах людьми культурных классов населения, в настоящее время заметно возрастает.

Сигеле доказал, что преступность, наблюдаемая у масс, отличается в настоящее время именно вышеуказанным характером.

Является вопрос, почему среди зажиточных классов населения преобладает тип преступности в виде обмана, а среди бедных — в виде грубого насилия?

Ответ на этот вопрос прост: состоятельные классы населения отвечают духу времени, в то время как низшие по своим чувствам и мыслям живут еще отдаленным прошлым. Весьма естественно поэтому, что первые должны уйти вперед и в своей массовой преступности, в то время как вторые отстают в этом отношении и в силу атавизма приближаются более к первобытным дикарям.

Бажео писал: «Чтобы убедиться, что инстинкты массы грубеют по мере того, как спускаются все ниже и ниже по общественной лестнице, вовсе не нужно отправляться к дикарям: для того достаточно поговорить с английским простонародьем или с нашей прислугой».

Итак, цивилизация изменяет характер преступлений, обусловливая увеличение их. Факт этот вряд ли может в настоящее время подлежать сомнению, хотя и нелегко мириться с ним.

2. Скученность населения. К только что приведенным нами причинам, влияющим на увеличение числа преступлений, принадлежат еще и другие.

Цивилизация благодаря железным дорогам, развитию промышленности и бюрократии способствует, как известно, появлению крупных центров с огромным населением. Именно в этих центрах скапливается всегда больше всего так называемых привычных преступников, которые находят в них наилучшие условия для своей преступной деятельности и которым легче скрываться здесь от бдительного ока правосудия.

«Человеку, — говорит Бертильон, — свойственна особая, довольно сильная наклонность воспроизводить в области чувств и поступков именно то, что он видит вокруг себя. Благодаря некоторым условиям наклонность эта может до того усиливаться, что воздух как бы насыщается действующими началами тех или других мыслей и поступков, влияющих на людей и заражающих их в известном смысле. Среди лошадей, собранных вместе в больших количествах, часто наблюдается, как известно, наклонность к развитию содомии».

Вышеприведенная причина наряду с хорошим и обильным питанием и известным параллелизмом, существующим между развитием половых органов и центральной нервной системы, объясняет нам отчасти значительное увеличение преступлений против нравственности, характерных для настоящего времени, и огромное распространение, особенно в крупных центрах, проституции. В этих же условиях кроются и причины более сильной преступности, наблюдаемой в цивилизованных странах у женщин, толкаемых на путь преступления преимущественно ложным стыдом их бедности, жадностью к роскоши и почти мужским воспитанием, дающим им, в силу их занятий, возможность совершать такие преступления, как подлоги, мошенничества и т. п.

Помимо этого цивилизация влияет на увеличение количества преступлений, повышая число душевных заболеваний, алкоголиков и усиливая употребление возбуждающих средств, почти совершенно неизвестных в некультурных странах и ставших насущной потребностью человека цивилизованного общества.

Возьмем для примера статистику Соединенных Штатов Северной Америки, страны наиболее далеко ушедшей по уровню культуры, и мы увидим, что число душевнобольных в 1850 году достигало в них 15 610, в 1870 — 20 042, в 1880 — 37 432 и в 1890 — 91 970, между тем как население с 23 191 876 в 1850 году возросло до 50 155 788 в 1890 году, то есть увеличилось за 40 лет вдвое, а число душевнобольных почти вшестеро. Мало того, в самые последние годы насе-

ление, согласно той же статистике, возросло на 30%, а число психических заболеваний — на 155%. В Англии и Уэльсе душевные болезни в 1859 году составляли 18,6 на 10 тысяч жителей, в 1885 — 28,9 на 20 тысяч и в 1893 году — 30,0 на тысячу. В Италии в 1874 году считался 51 душевнобольной на 100 тысяч населения, в 1877 — 54,1; в 1880 — 61,25; в 1883 — 67,7; в 1885 — 66,0 и в 1886 — 74,0. Во Франции душевнобольные составляли 131,1 на 100 тысяч населения в 1883 году, 133,0 в 1884 году и 136,0 в 1888 году. В Шотландии и Ирландии, по статистике Легуая, наблюдается 2,6 психически больных на тысячу жителей, в Скандинавии — 3,4, в Соединенных Штатах — 3,3, в Голландии — 5,9 в 1856 году; 6,4 — в 1860 году и 7,5 — в 1863 году.

В Англии и Америке кроме алкоголя и табака в последнее время распространилось употребление опиума и эфира. Во Франции за период с 1840 по 1870 год среднее употребление водки возросло с 8 до 30 литров в год на каждого человека.

После всего сказанного нам еще более понятно станет и без цифр, каким образом должна влиять на увеличение преступлений скученность в тюрьмах, в которых, по словам самих заключенных, величайшая испорченность окружается ореолом славы, а добродетель считается стыдом. Цивилизация, способствующая умножению крупных тюремных центров, дает тем самым особенное напряжение преступности, особенно когда она связывает с ней благотворительные и филантропические учреждения (школы, патронаты). Современная система наказаний ни в коем случае не может влиять на исправление закоренелого преступника.

Наши исправительные заведения, возникающие благодаря истинно гуманным чувствам человеколюбия, оказывают на самом деле вследствие одного только скопления в них испорченных и негодных индивидов совершенно другое действие, обратное той цели, для которой они созданы. Припомним здесь, кстати, что знаменитый Оливекрона приписывает значительное число рецидивистов-преступников в Швеции недостаткам ее тюремной системы и в высшей степени вредному обычаю подвергать молодых заключенных такой же строгой дисциплине, что и взрослых.

3. Новые преступления. Цивилизация чуть ли не ежедневно создает новые преступления, быть может, менее ужасные, чем прежние, но столь же, если не более, вредные. Укажем несколько примеров. В последнее время распространились убийства с целью воспользоваться суммой, на какую была застрахована жизнь убитого.

Далее, картина отравления мышьяковистой кислотой, похожая на холерные припадки, навела на мысль во время холерной эпидемии отравлять людей, предварительно застраховав их жизнь.

В Вене недавно был открыт особый вид мошенничества, состоящий в том, что некоторые лица выписывали на имя разных несуществующих обществ всевозможные товары и затем сбывали их.

Повторяем, цивилизация, ослабляя семейные узы, увеличивает не только число бесприютных и беспризорных детей, кандидатов в преступники, но также и количество изнасилований и детоубийств.

Тем не менее, мы не в праве осуждать ее за это. Она является, правда, источником известных преступлений, но в то же время совершенно изменяет их характер. Это раз. С другой стороны, там, где цивилизация достигает своего апогея, она вместе с тем находит средства залечивать те раны, которые сама наносит, создавая убежища для душевнобольных, рабочие дома, сберегательные кассы при почтовых учреждениях и попечительные общества о покинутых и беспризорных детях, которые без этого становятся преступниками чуть ли не с колыбели.

Глава 5

Плотность населения. — Иммиграция. — Эмиграция. — Рождаемость. — Городское и деревенское население

1. Плотность населения. Влияние цивилизации на преступность выступает еще резче при изучении других факторов и особенно плотности населения, ибо история показывает, что в зависимости от нее преступность меняется.

Проституция, воровство и телесные повреждения, как справедливо замечают Реклю и Вестермарк, редко наблюдаются у примитивных обществ, как, например, у веддов, которые собираются вместе только в периоды дождей, или у некоторых австралийских племен, живущих отдельными семьями и сходящихся только во время жатвы. Точно так же и у животных редко наблюдается эквивалент преступности, если их не собрано много в одном месте, ибо при этом не могут проявляться с надлежащей силой их животные инстинкты. По мере развития городской жизни появляются те или другие преступления, до этого пребывавшие как бы в недеятельном, скрытом состоянии. Чем менее плотно и густо население какой-нибудь местности, тем относительно реже наблюдаются среди него преступления, которые растут по мере его развития и достигают бесконечного разнообразия в современном обществе.

Достаточно бросить беглый взгляд на преступления против собственности и на убийства, для того чтобы убедиться, что, оставляя в стороне колебания их в зависимости от климата, число краж резко увеличивается, а убийств уменьшается по мере увеличения плотности населения.

Влияние плотности населения еще резче сказывается в Италии, особенно если рассматривать каждое преступление в отдельности в зависимости от плотности населения. Так, мы находим в ней:

Число на 1 кв. км	Убийства	Кражи	Сопр.	Изнасилования	Мошенничество
От 20 до 50	11	199	23,7	18,8	52,6
От 50 до 100	6,03	144,4	25,4	16,4	45,0
От 100 до 150	6,0	148	23,5	14,5	58,5
От 150 до 200	5,1	153	24,6	12,3	54,6
От 200 и выше	3,5	158	29,5	18,7	50,4

Итак, мы видим, что убийства уменьшаются в крупных центрах по мере увеличения плотности их населения (например, в Милане, Неаполе, Ливорно и Генуе, несмотря на все разнообразие их населения и климата) и, напротив, бо-

лее или менее правильно возрастают по мере уменьшения ее, особенно в жарких странах и на островах, где цивилизация находится, в общем, на очень низком уровне развития.

Напротив, число краж, изнасилований и сопротивлений властям возрастает по мере увеличения плотности населения, что особенно бросается в глаза в больших густонаселенных центрах.

Мошенничества неестественно колеблются почти всегда в обратном отношении к плотности населения, что объясняется среди прочего этническим влиянием, как, например, в провинциях Форли и Болонья, преступность которых давно уже вошла — как известно — в поговорку. Еще Данте сказал:

Не первый я болонец плачу тут;
Их понабилась здесь такая кипа...

Число краж естественно растет по мере увеличения плотности населения. Что же касается убийств и изнасилований, то они даются в наибольших пропорциях как при минимуме, так и при максимуме ее. Это противоречие объясняется тем, что там, где имеется наибольшая плотность населения, находятся и крупнейшие центры промышленности (например, департамент Нижняя Сена, 92), политические (Париж, 18) и иммиграционные (департамент Устье Роны, 45), среди населения которых чаще всего имеют место всевозможные ссоры и недоразумения. С другой стороны, местности с минимальной плотностью населения (как, например, Корсика — 200, Лозер — 41, департамент Верхние Альпы — 24) суть пункты наиболее низкого развития цивилизации, где убийство считается, как известно, необходимостью чаще, чем преступлением. В общем, этнический и климатический факторы ослабляют значение плотности населения, но последняя, несомненно, влияет на два вида преступления: на кражи, число которых сообразно ей увеличивается, и убийства, количество которых уменьшается.

Иммиграция. Эмиграция. Между Италией и Францией существует поразительный контраст в том отношении,

что в первой из них убийства правильно уменьшаются сообразно увеличению плотности населения, между тем как во Франции они, как мы только что сказали, очень часто даже возрастают при этом. Противоречие это объясняется особенными условиями, имеющими место во Франции, именно иммиграцией в нее, совершенно отсутствующей в Италии. Благодаря этой иммиграции плотность населения известных местностей во Франции значительно увеличивается благодаря ежегодному приливу в нее 1,2 миллиона иностранцев, людей большей частью пожилого возраста, так или иначе легко вступающих на путь преступления.

2. Действительно, максимум убийств наблюдается в департаменте Устья Роны, являющемся центром наиболее значительной иммиграции, достигающей в год 50 тысяч человек (преимущественно итальянцев).

Из 40 тысяч арестованных в течение известного времени в Сенском департаменте только 13 тысяч оказались уроженцами его, остальные же все принадлежали к пришлому элементу. В департаменте Эро, в городе Сетте, как показывает статистика, из 10 осужденных только 3 принадлежат к коренному населению его. В 1889 году пропорция местных жителей составляла среди осужденных 2%, а пришлых — 19%. То же наблюдается и среди рабочего населения марсельского порта. По словам Жоли, наибольший контингент убийц и воров дают среди них именно приезжие.

Из 49 тысяч арестованных в Нью-Йорке в разное время лиц 32 тысячи оказались иммигрантами, а из 38 тысяч заключенных в североамериканских тюрьмах 20 тысяч происходили от иностранцев.

Во Франции число судимых в окружных судах составляет на 100 тысяч жителей:

8 — в коренном населении, живущем на месте

29 — среди французов, проживающих за границей

41 — среди иностранцев, проживающих во Франции.

К настоящему времени иммиграция во Франции утроилась, с 1851 по 1886 год она возросла с 380 381 до 1 126 183 человек.

Совершенно справедливо, замечает Жоли, что при слабой эмиграции из страны уходят только наиболее энергичные и интеллигентные люди, а сильный эмиграционный поток уносит обыкновенно вместе с хорошими людьми и много дурных. Действительно, значительная доля преступности иммигрантов наблюдается на окраинах государства, где всегда имеет место более или менее значительная эмиграция.

Точно так же и в самом Париже при равных пропорциях жителей бельгийская и швейцарская колонии дают в три раза более арестованных, чем английская и американская.

С другой стороны, замечен факт, что среди иммигрирующих наблюдается тем более преступлений, чем менее они оседают. Так, бельгийцы, натурализующиеся во Франции, дают меньший процент преступников, чем испанские эмигранты, проживающие в ней недолговременно.

Все сказанное относится и к внутренней эмиграции, совершающейся в пределах одной и той же страны. Так, при исследовании Сен-Годена, откуда ежегодно эмигрирует множество странствующих купцов (около 7 тысяч из 36 тысяч жителей), оказалось, что среди них наблюдается огромный контингент мошенников, насильников и убийц, и число этого рода преступников возросло с 41 в 1831–1869 годах до 300 в 1881. Точно так же стали среди них более частыми подкидыши, нарушения супружеской верности и разводы. В силу этого же департамент Крёз занимает видное место по преступности своего населения благодаря ежегодной иммиграции в него, достигающей 45 тысяч человек.

Многие из иммигрантов являются честными людьми в больших городах, но, не имея верного представления об условиях городской жизни, легко впадают вследствие этого в ошибки и постепенно доходят до преступления: молодая девушка, например, уступая первым соблазнам любви, становится проституткой; мастеровой, не находя работы, впадает в праздность и, окруженный дурными примерами и искушениями, превращается в вора. Помимо этих невольных жертв преступления известный контингент иммигрантов приезжает в большие города для преступной деятельности. «В маленьких городках, — справедливо замечает

Жоли, — ищут случая совершить преступление, а в Париже, напротив, случай ищет человека».

Наконец, богатый класс населения дает известный процент преступников именно против нравственности.

Эмигрант, писали мы еще в 1876 году, представляет собой, в общем, особую человеческую разновидность с сильно выраженной наклонностью к преступлениям, очень нуждающуюся, не знающую никакого стыда и легко ускользающую из рук правосудия. Все воры ведут большей частью кочевой образ жизни.

Абруццкие эмигранты составляли наибольший контингент в шайке Манчини.

В предыдущие столетия иммиграция часто совершалась исключительно с преступной целью. Так, например, шайка Фордиспини при возникновении своем состояла исключительно из сброда приезжих лудильщиков, продавцов свечей, жнецов, коробейников, людей более или менее запятнанных преступлением.

Наконец, большое влияние на преступность имеет и эмиграция. Именно благодаря ей Италия так сильно отличается от Франции соотношением между количеством убийств и плотностью населения. Во Франции за последние 10 лет, с 1880 по 1890 год, число эмигрирующих достигает в среднем всего 11 163 человека в год, между тем как в Италии количество их в 1892 году было уже 246 751.

3. Рождаемость. Исследованиями об эмиграции разрешается в большей части своей другой вопрос, но совершенно различно для Италии и Франции. Известно, в частности, что число преступлений при одних и тех же плотностях населения должно зависеть от колебаний рождаемости, что кражи, например, возрастающие с плотностью населения, должны также увеличиваться с рождаемостью. Однако во Франции некоторые преступления, особенно изнасилования и убийства, умножаясь прямо пропорционально плотности населения, увеличиваются обратно рождаемости.

Во Франции малая рождаемость совпадает, как мы уже говорили, с наибольшей иммиграцией иностранцев. Именно ею и объясняется, по наблюдениям Жоли в Сетте и Мар-

селе, высокая преступность этих мест, подвергающихся постоянной иммиграции генуэзцев и калабрийцев.

Другая разница в преступности населения данной местности зависит от того, какой элемент является преобладающим в ее населении: мастеровые отличаются, как известно, плодовитостью, чего совсем нельзя сказать про крестьянское население. Вследствие этого в местностях, где сильно развит рабочий элемент, как, например, в департаменте Нижняя Сена, в департаментах Нор и в Па-де-Кале, наблюдается также, сравнительно с департаментами Шер и Эндр, значительно большее число преступлений.

Но, в общем, всюду преобладает антагонизм между количеством преступлений и рождений, так что в Париже, в части Шампани и Нормандии и во всех средиземных департаментах, кроме Гарского, при резком падении рождаемости среди населения наблюдается значительное повышение преступности.

По словам Ги, департамент Тарн и Гаронна, очень бедный и изолированный, характеризуется сравнительно менее интенсивной преступностью, несмотря на рост населения в нем, между тем как в богатых и плодородных департаментах замечается, наоборот, быстрое уменьшение населения и увеличение числа преступлений при постоянном увеличении иммиграции.

Напротив, в Бретани, в департаментах Шер, Сена, Дром, Вьенна и Вандея, наблюдается очень много законных рождений и ранних браков, но мало преступлений.

Зависит это здесь не столько от рождаемости, сколько от иммиграции. Значение последней подтверждается обратным явлением, имеющим место в Италии, где — как уже замечено — ее вовсе нет, но где зато происходит довольно сильная эмиграция, достигающая 193 человек в год на каждые 100 тысяч населения.

Изучая по новейшим данным Боско влияние эмиграции на количество убийств в Соединенных Штатах в 1889 году, мы убеждаемся, что из содержавшихся в тюрьме за убийство приходилось на 1 миллион населения местных уроженцев 95, а иностранцев — 138.

В Италии максимум рождений почти всегда наблюдается в тех провинциях, которые более всего известны своей преступностью и бедностью: так, ежегодное число рождений в Южной Италии и на островах за период времени с 1876 по 1888 год определено в среднем в 40 душ на каждую 1 тысячу человек населения, между тем как в остальной Италии число это равно только 36.

Точно так же и на острове Сицилия максимум рождений наблюдается в четырех провинциях, отличающихся наибольшей пропорцией убийств. Но здесь приходится считаться еще и с другой причиной, а именно с повышенным, благодаря жаркому климату, половым инстинктом.

Результаты сильной рождаемости в Южной Италии парализуются огромной смертностью и значительной эмиграцией, имеющими здесь место. Вот почему при исследовании, предпринятом в 1881 году, ни в одной семье не оказывалось в среднем более 4,10 человек в Сицилии и 4,5 в Базиликате, в то время как в Тоскане число их было равно 4,92, а в Венето — даже 5,17.

Из стран с минимальной рождаемостью незначительное количество убийств наблюдается в одной только Ирландии.

В Италии, Англии и Германии высокой рождаемости соответствует значительная пропорция краж, чего нельзя сказать о Венгрии и Швейцарии.

4. Городское и деревенское население. Влияние плотности населения на преступность подтверждается на жителях городов и деревень, и наиболее обстоятельные исследования в этом направлении принадлежат Файе, Соке и Лакассаню.

По их наблюдениям, число осужденных было больше среди деревенского населения, чем среди городского, в период с 1843 по 1856 год, но с 1863 года начинает преобладать в этом отношении последнее.

Деревенское население так сильно эмигрирует в города, что составляет в них пятую часть всего населения, а так как эмигрирует преимущественно лучшая и наиболее интеллигентная часть его, то результат этого сказывается в

падении деревни. Положение дела усугубляется еще вредным и порочным влиянием на деревенское население возвращающихся обратно из города индивидов.

В общем, количество осужденных за преступления против собственности уменьшилось в деревне на две трети, а в городах — наполовину, так что в 1843 году осужденные в деревнях составляли 73%, а в городах 64%. В 1878-м в деревнях — 27%, а в городах 36%.

Деревенское население превосходило городское по числу осужденных за преступления против личности в течение 1823–1878 годов, но с 1859 года оно начало заметно уступать ему в этом отношении.

Соке доказывает, что в более отдаленные времена, в период с 1846 по 1850 год, деревенское население превосходило городское количеством осужденных за убийство почти втрое (20 и 7,6%), но в позднейшие годы — в 1876–1880 годах — только вдвое: 63 и 31%. Таким образом, оказывается, что в деревнях преступность этого рода уменьшилась, а в городах, наоборот, увеличилась почти на одну треть.

Осужденные за предумышленное убийство составляли:

	В деревнях	В городах
В 1846–1850 годах	72%	65%
В 1876–1880 годах	26%	31%

то есть количество этих убийств в последнее время уменьшилось как в городах, так и в деревнях.

По числу покушений на честь взрослых женщин крестьяне превосходят горожан, по-видимому, вследствие отсутствия в деревнях домов терпимости. Так, крестьянское и городское население дали в этом отношении следующие цифры:

	Крестьяне	Горожане
В 1846–1850 годах	74%	24%
В 1876–1880 годах	67%	27%

причем преступления этого рода, очевидно, уменьшаются среди первых и, напротив, увеличиваются среди вторых.

Что касается покушений на целомудрие детей, то:

	У крестьян	У горожан
В 1846–1850 годах	59%	39%
В 1876–1880 годах	53%	45%

что объясняется большей праздностью и злоупотреблением спиртными напитками среди деревенского населения.

Далее, горожане превосходят крестьян вдвое или даже втрое по числу выкидышей, но уступают им по количеству отцеубийств, очевидно, потому, что в городе легче найти соучастников в преступлении и труднее попасться. Осужденные за выкидыши составляли во Франции на 1 миллион населения:

	В деревнях	В городах
В 1851–1855 годах	9,3%	19,6%
В 1876–1880 годах	4,2%	14,4%

А осужденные за отцеубийство:

	В деревнях	В городах
В 1851–1855 годах	32%	21%
В 1876–1880 годах	35%	22%

Кривая преступлений против собственности доказывает, что экономические кризисы сильнее отражаются на деревнях, чем на городах.

Хлебные урожаи сильно влияют только на население деревень, в которых число осужденных в урожайные годы заметно увеличивается, но мало или даже вовсе не отражаются на городском населении.

Итак, город и деревня имеют каждый свою специфическую преступность: деревенские преступления отличаются

дикостью и жестокостью, а мотивами их являются преимущественно месть, жадность, удовлетворение животного чувства. В городах преобладающими причинами преступлений являются праздность, лень, мошенничество и чувственность.

Особенно резко бросается в глаза высокий процент преступлений против собственности и относительно незначительное количество правовых преступлений среди населения собственно столиц.

Во Франции, например, Сенский департамент по числу убийств уступает (19,9 на 1 миллион жителей) окружающим департаментам Сена и Уаза (24,3), Уаза (25,8). Еще меньше пропорция наблюдаемых здесь детоубийств. Что же касается краж и растления детей, то эти преступления достигают огромных цифр.

В Италии крупные центры, такие как Турин, Венеция, Генуя, Неаполь, Палермо, Болонья и Рим, превосходят соседние провинции по числу преступлений против общественного порядка и нравственности. Что же касается убийств, то первое место по числу их занимает Рим и отчасти Турин по причинам, о которых мы скажем впоследствии; во всех же других крупных городах количество их постоянно падает.

В Вене насчитывается 10,6 убийств на 1 миллион населения, а в остальной Австрии — 25, но зато число краж в ней — 116, а в провинции — 113.

В Берлине преступления против собственности, кражи, мошенничество и бродяжничество заметно уменьшились с 1818 по 1878 год, несмотря на громадный рост населения, между тем как преступления против личности за это время увеличились, исключая 1870 год. Но число их в столице Пруссии все-таки меньше (11,6 на 1 миллион жителей), чем в провинции (в Бреславле — 18,2; в Магдебурге — 12; в Констанце —16). По числу краж Берлин оставляет далеко позади себя все другие прусские города.

Еще более поразительные цифры наблюдаются в Англии. На каждые 100 тысяч населения приходится 3-4 подозрительных дома в Лондоне, 3,9 — в провинции и 18 — в других городах Англии.

Глава 6

Питание. — Неурожаи. — Цены на хлеб

1. Факторами, значительно ослабляющими и даже уничтожающими влияние климата на преступления, являются плотность населения и условия питания его.

Сопоставляя, по Эттингену, преступления в Пруссии с колебаниями цен на предметы потребления первой необходимости, мы приходим к заключению, что на ежегодное число первых влияет (столько, сколько и цивилизация, если не больше) питание населения. Зависимость между последним и преступностью выражается в том, что по мере падения цен на хлеб уменьшаются преступления против собственности (кроме поджогов) и, напротив, увеличиваются преступления против личности, особенно же изнасилования, как это видно из следующих цифр:

Годы	Изнасилования	Поджоги	Преступления против собственности	Преступления против личности	Цена пшеницы, ржи, картофеля и прочих продуктов
1854	2,26	0,43	88,41	8,90	271,1
1855	2,57	0,46	88,93	8,04	252,3
1856	2,62	0,43	87,60	9,32	293,3
1857	4,14	0,53	81,52	13,81	156,3
1858	4,45	0,60	77,92	17,03	149,3
1859	4,68	0,52	78,19	16,63	150,6

В Пруссии в 1862 году, когда цена на картофель была очень велика, преступления против собственности составляли 44,38, а против личности — 15,8 от общего числа всех преступлений. Когда же цена упала, то соответственно этому преступления первого рода уменьшились до 41, а второго — возросли до 18.

Неурожай 1847 года был причиной увеличения в Пруссии среднего числа преступлений против личности на 24%.

Еще более убедительны цифры, собранные Старком для Пруссии и охватывающие 24-летний период, а именно с 1854 по 1878 год.

Одно преступление приходится в среднем на следующее количество населения	Годы с высокой ценой за хлеб (больше 12 за 50 кг)	Годы с низкой ценой за хлеб (меньше 10 за 50 кг)	Годы с ценой от 10 до 12 за 50 кг
Кражи вообще	1,990	2,645	2,512
Кражи леса	50,8	48,2	49,5
Мошенничества	76,285	71,787	68,600
Банкротства	77,600	56,300	56,100
Преступления против государств. порядка	4,282	3,587	3,005
Поджоги	68,328	46,960	71,666
Причинение поврежд.	37,328	54,563	45,933
Убийства	109,937	118,225	95,900
Детоубийства	230,700	227,000	227,000

Отсюда видно, что если цены на хлеб влияют в общем на преступления, то в частности влияние это больше всего отражается на кражах леса, максимум которых соответствует максимальной стоимости хлеба. С другой стороны, очевидно, что наиболее низкие цены на хлеб, указывающие на максимум благосостояния, совпадают с увеличением числа пожаров, драк и убийств, что может быть объяснено только большим злоупотреблением спиртными напитками вследствие дешевизны хлеба.

Средние цены на хлеб соответствуют наибольшему распространению мошенничеств, банкротств и преступлений против государственного порядка.

По графическим таблицам Корра мы видим, что во Франции начиная с 1843 до 1883 года кривая преступлений — почти исключительно против собственности и самоубийств — постоянно возрастает и до 1865 года идет почти параллельно кривой хлебных цен; с этого времени она с ней расходится, все еще продолжая увеличиваться, между тем как вторая кривая падает, вероятно вследствие влияния на нее каких-нибудь особенных обстоятельств. Что ка-

сается тяжелых преступлений, то они не имеют, по-видимому, никакой связи с ценами на хлеб.

Росси приходит к тем же заключениям в своем исследовании преступности в Риме в течение 1875–1883 годов в зависимости от атмосферного тепла и цен на хлеб. Оказалось, что число преступлений против собственности (за исключением квалифицированных краж и грабежей) напрямую зависело одновременно от зимних холодов и цен на хлебные продукты. Так, в Риме в течение указанных девяти лет максимальное число этого рода преступлений (70 738) наблюдалось в 1880 году, когда цены на хлеб были очень высоки и зима стояла суровая. В 1877 году, когда хлеб также был дорог, но зима была необыкновенно мягкая, число преступлений достигло только 61 498. Далее, в 1881 году при значительном понижении цен на хлеб и при теплой зиме число преступлений против собственности резко уменьшилось с 70 738 до 59 815. Это падение продолжалось в 1882 и 1883 годах, когда цены на хлеб были низкие и зимы стояли несуровые. Что касается побоев и увечий и других преступлений против личности, то на них в течение 1875–1883 годов незаметно было никакого влияния температуры, между тем как при всяком поднятии цен на хлеб число их, напротив, уменьшалось, и наоборот.

Но самым убедительным является, несомненно, соотношение между преступлениями и количеством рабочих часов, необходимых на то, чтобы добыть эквивалент одного килограмма хлеба, на котором основываются обыкновенно при сравнении хлебных цен с колебаниями заработной платы.

1. Отсюда мы видим, что все преступления против собственности, кроме пожаров, отчасти грабежей и особенно тех, которые сопровождаются убийствами, очень точно следуют (если этому не препятствуют какие-нибудь очень могущественные факторы) за кривой рабочих часов, необходимых рабочему человеку для добывания эквивалента одного килограмма муки или хлеба; и что в период 1875–1877 годов с увеличением этого числа рабочих часов кражи возросли с 137 до 153 и, напротив, упали с 184 до 111 в те-

чение 1879–1888 годов с их уменьшением. Между обманами в торговле, мошенничествами и тому подобными преступлениями и количеством рабочих часов не наблюдается никакого соотношения.

Что касается преступлений против личности, обязанных своим происхождением большей частью злоупотреблению спиртными напитками, то это зависит от цены на хлеб, а количество драк и повреждений, независимо от цен на хлеб, подвергается сильным колебаниям, причем максимум их и минимум приходятся на такие годы, в которых разница в ценах на хлеб была совершенно ничтожна.

2. Преступления против нравственности увеличиваются по мере уменьшения рабочих часов: с 1881 по 1888 год, когда число их упало со 122 до 92, количество этого рода преступлений увеличилось с 3,11 до 5,25.

3. Преступления против государственной безопасности, а именно против властей, общественного порядка и прочего, весьма мало подчиняются этому влиянию.

Статистический материал Форнасари ди Верче за 50 лет относительно Великобритании и Ирландии дает приблизительно те же отношения между преступлениями и колебаниями цен на хлебные продукты, а именно:

1. Преступления против собственности, не сопровождающиеся насилием, чаще всего увеличиваются с поднятием цен на хлеб, как это было в течение 1846–1847 годов, когда они с 19 510 возросли до 29 571. Годы с 1870 по 1873 представляют собой исключение в этом отношении, так как в этот период времени преступления эти уменьшились, несмотря на повышение хлебных цен. С другой стороны, с падением цен на хлеб преступления этого рода всегда уменьшаются, как мы это видим в 1847–1852 годах, когда цена хлеба упала с 50 до 40, а преступления уменьшились с 23 910 до 21 306, и в 1857–1858 годах, когда они с 23 917 упали до 20 619.

2. Преступления против собственности, сопровождающиеся насилием, не зависят, по-видимому, от цен на хлеб. Так, мы видим, что число их уменьшается в период времени с 1842 по 1845 годы и в 1862–1863 годах вместе с паде-

нием цен на хлеб, и увеличивается в 1881–1886 годах, хотя цены на хлеб были в это время очень низки. Но в общем можно сказать, что с вздорожанием хлеба они чаще всего увеличиваются, как это было в 1845–1847 годах, когда с 1491 они поднялись до 1732, и в 1867–1868 годах, когда они с 1940 возросли до 2253.

3. Преступления против собственности со взломом не находятся в очевидной связи с ценами на хлеб. Они уменьшились в числе в 1841–1845 годах и 1883–1884 годах, в течение которых держались низкие цены на хлеб, и увеличились в период 1852–1855 и 1862–1863 годов, несмотря на то что хлеб и в эти годы был так же дешев.

4. Мошенничество и сбыт фальшивых монет также, по-видимому, нисколько не подчиняются влиянию хлебных цен. Они то увеличиваются, то уменьшаются во время низких хлебных цен, существовавших в 1842–1845, 1848–1852 и 1884–1888 годах.

5. То же следует сказать о преступлениях против личности.

Относительно Нового Южного Уэльса, который дает нам представление о Европе XIX столетия, мы, по исследованиям Кохлана и Форнасари, приходим к тем же заключениям.

Что касается предумышленных убийств, то вряд ли можно говорить о влиянии на них количества потребления хлеба. Так, например, максимум потребления хлеба (7,1 в 1881 году) соответствует максимальному числу этого рода убийств (31), между тем как минимумы их и средние цифры далеко не совпадают друг с другом.

Между случайными убийствами и потреблением хлеба существует как бы обратное отношение, а именно: максимум последнего 7,8 (1887) соответствует минимуму первых — 7, а минимум потребления 5,5 (1891) — максимуму их — 25.

Количество потребляемого хлеба не оказывает также никакого заметного влияния на число повреждений, максимум которых — 102 (1886) и минимум — 61 (1884) совер-

шенно не соответствуют его максимальным и минимальным цифрам.

Что касается изнасилований, то их максимум — 41 (1886) соответствует средней цифре потребления хлеба — 6,1, а минимум — 7 (1887) — его минимуму.

Влияние потребления хлеба особенно заметно отражается на кражах: число последних уменьшается или увеличивается, хотя и не всегда пропорционально, по мере увеличения или уменьшения его. Так, в 1883, 1884, 1885 годах потребление хлеба последовательно растет — 6,0 — 6,8 — 7,0 и соответственно этому уменьшается последовательно число краж — 714 — 583 — 566, а в 1888, 1889, 1890 годах замечается неравномерность в потреблении хлеба — 7,6 — 5,9 — 7,2 и соответственно этому наблюдаются скачки и в числе краж 592 — 608 — 512.

Голод заглушает половые инстинкты, в то время как довольство и изобилие, напротив, возбуждают их. Недостаточное питание побуждает к воровству, а чрезмерное, ослабляя воровство, благоприятствует изнасилованиям. Таково же влияние и недостаточной заработной платы. Известно, что больше всего совершают преступления вследствие вздорожания пищевых продуктов именно женщины и слуги, вероятно, потому, что те и другие более всего страдают от этого. Особенно это следует сказать о слугах, которые, благодаря периодическому существованию в довольстве, быстро теряют способность противостоять лишениям.

Но, допуская значение недостаточного питания в увеличении числа краж, а изобильного — в возрастании количества преступлений против нравственности и повреждений, мы все-таки не можем отрицать ничтожного влияния его на преступность вообще, ибо если известного рода преступления увеличиваются при тех или иных условиях питания, то другие уменьшаются при них, и наоборот. Помимо этого, даже в одном и том же постоянном направлении питание не может существенно влиять на пропорцию известных преступлений, ибо при этом нельзя исключить значе-

ние таких факторов, как наследственность, климатические условия и т. д.

Временами замечается странное противоречие в том обстоятельстве, что при дороговизне хлеба и недоступности, при отсутствии денег, спиртных напитков уменьшаются и убийства, и случаи изнасилований. Но чаще случается как раз наоборот: именно недостаток денег увеличивает число убийств, как это наблюдается, например, в Новом Уэльсе. По словам Жоли, департаменты Морбиан и Вандея считаются первыми по нравственности своего населения. Несмотря на то что заработки его там почти нисколько не увеличились, а предметы первой необходимости удвоились в цене, среди населения их все-таки мало распространено употребление спиртных напитков. В департаментах Устье Роны и Эро заработная плата, напротив, увеличилась на 30 и 60%, а хлебные продукты вздорожали всего на 15%, и тем не менее оба этих департамента занимают последнее место по нравственности своего населения именно благодаря чрезмерному распространению спиртных напитков.

Несомненным остается факт, что неурожаи становятся все более редкими и незначительными, в то время как кражи все более и более учащаются.

Отсюда понятно, почему пропорция преступлений, обязанных своим происхождением недостаточности питания, то есть действительной нужде, более ограниченна, чем это вообще можно было бы предполагать. По статистическим данным Куэре, кражи съестных припасов составляют едва одну сотую часть общего числа краж, причем случаев, где мотивом преступления является именно голод, значительно меньше, чем тех, где причиной его служит обжорство и лакомство. Из 43 случаев воровства в Лондоне в 13 предметами кражи являются колбасы, птица и дичь, а в 30 — сахар, мясо и вино, и только в одном случае — хлеб.

По вычислениям Жоли, во Франции за период с 1860 по 1890 год случаи похищения денег, банковских ценностей значительно преобладали, составляя 39600 преступлений против собственности, а кражи муки, овса и домашних животных не превышали 5500. Точно так же и Маса

выражается на этот счет следующим образом: «Голод в общем редко является причиной воровства. Молодые люди обыкновенно воруют ножи и сигары, а из съестных припасов мужчины похищают преимущественно крепкие напитки (ликеры), а женщины — конфеты и шоколад».

То же можно сказать и о проститутках. Если, с одной стороны, говорит Локателли, голод и беспризорность часто толкают девушку на путь разврата, то с другой — нужно раздать тысячам девушек из народа Монтионовские премии[1] за то, что они, несмотря на всевозможные лишения и соблазны, остаются все-таки честными и невинными.

Нет ничего невозможного в том, что с течением времени не было доказано специальное влияние той или другой пищи на тот или другой род преступления. Ведь мы знаем, что растительная пища делает людей кроткими и послушными, между тем как люди, питающиеся преимущественно животной пищей, становятся, наоборот, грубыми и жестокими. Именно родом пищи и обусловливаются кротость и терпеливость жителя Ломбардии сравнительно с мстительностью и склонностью к насилиям романского крестьянина.

2. Восстания. Влияние голода на восстания слишком преувеличено, как я доказал это в своей «Политической преступности».

Фаралья приводит цены на съестные припасы почти за целых девять столетий из года в год. Мы находим у него, что за это время было 46 сильных голодовок в следующие годы: 1182, 1192, 1257, 1269, 1342, 1496–1497, 1505, 1508, 1534, 1551, 1558, 1562–1563, 1565, 1570, 1580, 1586–1587, 1591–1592, 1595, 1597, 1603, 1621–1622, 1623–1625, 1646, 1672, 1694–1697, 1759–1760, 1763, 1790–1791, 1802, 1810, 1815–1816, 1820–1821.

Оказывается, что в течение этих девяти столетий голод совпадал с восстаниями всего только шесть раз, а именно в

---

[1] Монтионовская премия — общее название французских премий за добродетель (prix de vertu), а также за сочинения на пользу нравственности, созданных филантропом, бароном Антуаном Оже Монтионом (1733—1820), и присуждаемых Французской академией и парижской академией наук.

1508, 1580, 1587, 1595, 1621–1622 и 1820–1821 годах. В знаменитом восстании Мазаньелло (1647) к экономической подкладке его присоединилось множество других причин, таких как сумасшествие самого зачинщика, жара, жестокие притеснения испанцев и др., ибо если в 1646 году и был голод, то следующий 1647 год отличался обилием если не хлеба, то фруктов, мяса, свинины и сыра. Впрочем, мы знаем, что восстаний и возмущений не было ни во время ужасного голода 1182–1187 годов, длившегося 5 лет, во время которого люди вынуждены были питаться дикими травами, ни в 1496–1497 годах, когда из-за голода появились такие ужасные эпидемии, что жители городов бежали от них в деревни, ни во время голода 1565 года, ни в 1570 году, когда «жители, спасаясь от голода, оставляли деревни и, голодные, оборванные, больные, направлялись толпами в Неаполь, заполняя его улицы», ни, наконец, во время голода 1568 года. Кроме того, необходимо припомнить еще, что если во Франции в 1827, 1832 и 1847 годах и были политические беспорядки параллельно с экономическими кризисами и голодовками, то они совпадали с необыкновенно знойными летами, и что на бунты 1834, 1864 и 1865 годов, по-видимому, не имели никакого влияния ни экономические, ни метеорические причины.

В Страсбурге в течение времени с 1451 по 1500 год и с 1601 по 1625 год цена на мясо поднялась на 134%, на свинину на 92%, при длившемся в течение многих лет падении заработной платы на 10%, и при всем том никаких беспорядков и бунтов здесь не было.

Во время ужасного голода 1670 года в Мадриде рабочие расхаживали по городу огромными бандами, грабя и убивая богачей, так что редкий день проходил без того, чтобы люди не платили своей жизнью за то, что имели хлеб. Между тем до настоящего восстания дело не дошло.

В Индии лучше, чем где-нибудь, можно проследить шаг за шагом все последствия ужасного голода. Так, из-за голода погибло в Ориссе в 1865–1866 годах 25% всего населения, а в Пури — даже 35%, но открытого возмущения и бунта все-таки нигде не было.

Наиболее известные в последние 100 лет голодовки, по крайней мере в провинции Неллуру, вследствие постоянного отсутствия дождей и чрезмерной плотности населения имели место в следующие годы: 1769–1770, 1780, 1784, 1790–1792, 1802, 1806–1807, 1812, 1824, 1829, 1830, 1833, 1836–1838, 1866 и 1876–1878.

Во время 1869–1870 годов здесь погибла почти треть всего населения, а в 1877–1878 умерло из 5 миллионов жителей более 200 тысяч. И однако, несмотря на все эти голодовки, они нигде никакими беспорядками не сопровождались.

Большое восстание в Индии 1857–1858 годов явилось следствием преимущественно сопротивления населения нововведениям цивилизации (телеграфу, пару и т. п.), затем вследствие заговоров различных князьков, лишенных власти, и, наконец, как утверждает Хантер, благодаря распространившемуся среди бенгальских сипаев слуху, что будто бы приказано смазывать патроны свиным салом. Таким образом, влияние суеверия на политические преступления оказалось более могущественным, чем действие продолжительного голода.

Другие известные нам восстания в Индии, как, например, бунт в Богале в 1751 году, бунт пенджабской секты Шик в 1710 году, сипаев[1] — в 1764, мятежи сект синтов и шиков в 1843 и 1848 годах, не имели в действительности никакой связи с дороговизной съестных припасов.

Что удивительнее всего, так это то, что в штате Орисса, больше других страдавшей всегда от голода, постоянно наблюдалось меньше всего восстаний.

Это объясняется тем фактом, доказанным уже при изучении влияния тропического и полярного климата, что жара делает человека не способным к более или менее энергичной деятельности.

Таким образом, с точки зрения политических преступлений крайние степени бедствий и несчастий имеют го-

---

[1] Сипаи — наемные солдаты в колониальной Индии (XVIII—XX век), рекрутировавшиеся европейскими колонизаторами, чаще всего англичанами, из среды местного населения.

раздо более благоприятное влияние на человека, чем довольствие и счастье. Это вполне совпадает с отмеченным уголовными статистиками обстоятельством, что во время голодовок и сильных морозов уменьшаются иногда преступления против личности вообще и в частности изнасилования и предумышленные убийства.

Глава 7

Алкоголизм

Как мы уже видели в предыдущей главе, влияние алкоголя на преступления нераздельно связано с влиянием питания вообще, и значение его в этиологии преступлений чрезвычайно велико.

Вредное влияние алкоголя. Известно, что алкоголь не только не предохраняет организм от действия крайних температур, а, напротив, даже увеличивает опасности их. Солдаты и матросы в полярных и тропических странах, употребляющие крепкие напитки с целью противодействия чрезвычайно резкому холоду или сильной жаре, тем самым еще более ухудшают свое положение. Во время холерных эпидемий было замечено, что пьяницы заболевают в несравненно большем количестве, нежели люди непьющие. Среди непьющих смертность от холеры достигает 19,9%, а среди пьяниц — 91%.

Равным образом и выкидыши значительно чаще встречаются у пьющих женщин, так что плодовитость их в четыре раза меньше, чем тех, которые ведут трезвый образ жизни. Алкоголь, возбуждая роковым образом чувственность, является частой причиной изнасилований и преступлений, хотя он нисколько не увеличивает в то же время плодовитости. Браки пьяниц дают в среднем 1,3 ребенка, а непьющих — 4,1 ребенка

1. Распространенность злоупотребления алкоголем побудила недавно предпринять в Швеции среди войск ряд реформ с целью борьбы со слабостью и огромной заболевае-

мостью. Последняя достигла в 1867 году 32%, но в 1868, после издания закона об алкоголе, упала до 28%.

В округах Франции, где из-за недостатка вина население употребляет водку, как, например, в департаменте Финистер, число непригодных к военной службе молодых людей поднялось с 72 до 155 человек.

Алкоголь влияет также на рост людей. Известно, что поляки отличались некогда большим ростом, но после долгого злоупотребления спиртными напитками начали вырождаться в людей ниже среднего роста. Точно так же и красавицы долины Бий стали терять свою красоту и рост, с тех пор как между ними распространилось пьянство.

После всего сказанного не должно казаться удивительным, что алкоголь уменьшает среднюю продолжительность жизни. По вычислениям Нейсона оказывается, что смертность среди пьяниц по крайней мере в 3,25 раза превосходит смертность среди людей непьющих. Продолжительность жизни молодого человека 20 лет, начавшего пьянствовать, определяется приблизительно в 15 лет, а непьющего — в 44 года. Средняя продолжительность жизни лиц, злоупотребляющих пивом, равна 21,7 г., спиртом 16,7, спиртом и пивом 16,1. Из 97 детей, рожденных от алкоголиков, только 14 оказались здоровыми.

2. Пауперизм. Одним из самых очевидных и роковых последствий алкоголизма является нищета. От отца-алкоголика является на свет слепое, хромое, паралитическое и вообще болезненное потомство; если даже оно богато, то неминуемо беднеет, а если бедно, то лишено возможности трудиться и потому обречено на нищенство.

Замечено, что с увеличением заработной платы населения сильно возрастает число пьяниц и количество совершаемых ими преступлений. Когда в Ланкашире поденный заработок рудокопов поднялся с 6 до 8 и 11 франков, смертность от пьянства возросла между ними с 495 до 1304 и 2605, а число преступлений — с 1335 до 3878 и 4402. Но несравненно хуже, если падает заработная плата: тогда люди начинают пьянствовать с целью пополнить недостаток в пище и одежде, для того чтобы утолить свой голод и

согреться. Алкоголь делает все более и более слабым и бедным того, кто начинает к нему прибегать. Таким образом, мы можем сказать, что алкоголизм имеет место столько же при благосостоянии, сколько и при бедности и нищете населения. В 1874 году вследствие кризиса в Америке было закрыто 80 фабрик, и заработок рабочих сразу уменьшился на одну треть: число нищенствующих семейств поднялось тогда с 1864 до 2255, число кабаков с 183 до 305, а количество проституток с 37 возросло до 101, между тем как число браков уменьшилось с 785 до 630. Вместе с тем увеличилось заметным образом и число краж и поджогов. Во время неурожаев 1860 и 1861 годов в Лондоне ни один из 7900 членов общества трезвости не обращался к общественной благотворительности. С 1823 по 1826 год филадельфийские богадельни принимали ежегодно от 4 до 5 тысяч лиц, впавших в нищету вследствие пьянства. Из 3 тысяч нищих Массачусетса около 2900 стали ими от злоупотреблений спиртными напитками.

Гюйш полагает, что из каждых 100 фунтов стерлингов, раздаваемых в виде милостыни, 30 уходит на водку. Бертран и Ли приходят к заключению, что самыми бедными общинами являются те, где очень распространено пьянство и где число питейных домов очень велико. Верхняя Силезия является поразительным доказательством гибельного влияния алкоголя: бедность достигала там одно время таких размеров, что жители умирали от голода, а пьянство было так распространено, что брачные пары являлись к венцу, а родители новорожденных — к крещению своих детей совершенно пьяными. Один проповедник писал о Силезии: «Там, где царствует такое пьянство, бедность и порок следуют, как тени, за человеком».

Известно, что алкоголизм был некогда в Германии одной из самых частых причин разлучения и развода супругов в ней, достигающих 2–6% всех браков. С другой стороны, также известно, что дети, рожденные от разведенных и вторично вступивших в супружество родителей, обыкновенно составляют огромный контингент преступников и проституток.

3. Алкоголизм и преступность. Статистика. Тесная связь между алкоголизмом и преступностью с социальной и патологической точек зрения прежде всего подтверждается статистическими данными, свидетельствующими о постоянном увеличении числа преступлений в цивилизованных странах. Увеличение это только до известной степени (13–16%) зависит от прироста населения, преимущественно же оно является следствием пьянства.

Другое блестящее подтверждение этой связи мы находим в работах Ферри о преступности во Франции, указывающих на полную параллельность, существующую между ней и потреблением алкоголя и вина, как в годы обильных урожаев (1850–1858–1865–1869–1875), так и в неурожайные годы (1851–1853–1854–1866–1867–1873). Исключением отсюда является только 1870 год — год войны, 1876 и 1860–1861 годы. Параллельность эта тем более любопытна и странна, что многие авторы пытались приписать вредное влияние пьянства не вину, а алкоголю, так что появилась даже мысль о замене последнего вином в странах, в которых обычно наблюдается наибольшая преступность. Из статистики же Ферри следует, что соответствие между убийствами и большим количеством наносимых ран и повреждений с одной стороны и алкоголем с другой не так очевидно, как между этими преступлениями и вином, исключая, впрочем, годы с 1855 по 1868 и с 1873 по 1876. Это очень хорошо объясняется тем обстоятельством, что ссоры и драки гораздо легче возникают в погребах виноторговцев, чем в лавках у продавцов водки, где покупатели обычно остаются недолго. Другое подтверждение этого мы находим в повседневном наблюдении, доказывающем, что чаще всего повторяются те преступления, которые являются именно следствием злоупотребления вином. Так, Шретер приходит к заключению, что в Германии из 2178 преступлений 58% имели место по субботам вечером, 3% — по воскресеньям и только 1% — по понедельникам. В эти дни преобладали, в размере 82%, преступления против нравственности, сопротивления властям и поджоги, а 50% приходилось на долю обманов и мошенничеств.

Рассматривая уголовную статистику Франции за 1827–1869 годы, Ферри нашел, что в то время как число преступлений против личности вообще падало в ней быстро начиная с августа до декабря, количество тяжких ран и увечий, наоборот, возрастало в ноябре, то есть во время приготовления нового вина.

Диксон нашел в Америке местность, где в течение уже многих лет не наблюдается никаких преступлений. Это Сент-Джонсбери — городок, населенный довольно большим количеством рабочих. Здесь законом воспрещена продажа крепких напитков, вина и пива, которые, как яды, имеются только у фармацевтов и отпускаются ими всегда не иначе как по письменным требованиям потребителей, подписанным еще и мэром. Имена нарушителей означенных постановлений заносятся там в особые списки.

По вычислениям бельгийских ученых, алкоголь является в Бельгии причиной преступлений в 25–27%.

В Нью-Йорке из 49 423 осужденных 30 509 были привычными пьяницами. В Соединенных Штатах из 100 отбывавших заключение в тюрьмах в 1890 году было 20 горьких пьяниц, 60 — пивших умеренно и только 20 — вовсе не пивших.

В Голландии злоупотреблению вином приписывается 4/5 всех преступлений, 7/8 общего числа драк и полицейских нарушений, 3/4 покушений против лиц и 1/4 покушений на чужую собственность.

В Швеции три четверти всех преступлений происходит по причине алкоголизма. Убийства и другие кровавые драмы совершаются чаще всего в состоянии опьянения, между тем как в кражах и мошенничествах играет значительную роль наследственность от родителей-алкоголиков.

В Англии 10 тысяч из 29 752 лиц, осужденных уголовными судами, и 50 тысяч из 90 903, приговоренных к разным наказаниям обыкновенными судами, совершили свои преступления вследствие частого посещения кабаков.

Во Франции Кулеман определяет в 50% число преступлений, совершенных под влиянием алкоголя, а для Германии Бауэр считает его равным 41%.

Самое большое количество пьяниц наблюдается в департаментах, в которых вследствие незначительного развития виноделия население употребляет много алкоголя. 73% преступников, которых наблюдал Марро, были отчаянные пьяницы, и только 10% из них были люди непьющие.

В описанной мной «преступной сотне» Росси нашел 81% пьяниц, из числа которых 23% предавались этому пороку уже с детства. Среди взрослых пьянство распространено сильнее, чем между молодыми людьми, только на 10%.

Из 100 преступников моложе 20 лет пьяниц оказалось 64, так что пьянство — порок, свойственный в значительной степени и молодому возрасту.

4. Действие алкоголя. Не подлежит сомнению, что все вещества, ненормальным образом возбуждающие головной мозг, рано или поздно приводят к преступлению, самоубийству и помешательству.

Меджидубы и айсаоны, которым совершенно неизвестны наркотические средства, приводят себя в состояние, похожее на опьянение, при помощи продолжительных колебательных движений головой. «Это люди, — говорит о них Бербруггер, — опасные, жестокие, склонные к воровству». У курильщиков опиума часто развивается страсть к убийству. Моро рассказывает, что под влиянием гашиша он испытывал непреодолимое желание украсть что-нибудь. Еще гибельнее действие вина и особенно алкоголя, который по своему вредному влиянию может быть назван концентрированным вином, равно как и других крепких напитков вроде абсента и вермута, содержащих, кроме алкоголя, еще и другие вредно действующие на нервные центры вещества.

Нойман в 1876 году доказал, что алкоголь изменяет гемоглобин крови и уменьшает на $^1/4$ сродство красных кровяных шариков к кислороду, вызывая активный прилив крови к тканям и мозговой коре. При продолжительном употреблении его появляется расширение сосудов, паралич мышц сосудистых стенок, отек и, наконец, жировое перерождение раздраженных мозговых клеток.

Крепелен доказал, что 30–45 граммов абсолютного этилового алкоголя замедляют и даже парализуют все ду-

ховные функции организма: отупение и оцепенелость, напоминающие собой физиологическую усталость, увеличиваются по мере увеличения дозы принятого алкоголя и длятся от 40 до 50 минут при малых и от 1 до 2 часов при больших количествах его. При небольших дозах алкоголя паралитическому ослаблению духовных функций предшествует период большего или меньшего возбуждения нервной системы, который длится не более 20–30 минут.

Этот же ученый доказал, что если под влиянием алкоголя и наблюдается известное, быстро проходящее возбуждение в двигательной сфере, то при этом умственная деятельность, апперцепция, концепция и ассоциация идей даже от самых малых доз его замедляется и почти приостанавливается. То же самое следует сказать и о чувствах и ощущениях. Таким образом, это первоначальное возбуждение, производимое алкоголем, есть, так сказать, фейерверк, обязанный своим происхождением преимущественно усилению внешних ассоциаций идей (ассоциаций слов, ощущений и прочего) в ущерб внутренним, более логическим и более глубоким ассоциациям.

Под влиянием возбуждения, вызванного алкоголем, у пьяного появляются иллюзии и наклонность к самым зверским поступкам: ассоциация идей у него изменяется, и он делается способным беспрестанно повторять одни и те же слова и поступки, не замечая их грубости и пошлости. Объясняется это тем, что под влиянием этого возбуждения у него парализуются функции задерживающих центров.

Таким образом, алкоголь, возбуждая и направляя в дурную сторону деятельность своей несчастной жертвы, мало-помалу совершенно овладевает ею, парализуя ее лучшие и благороднейшие чувства и болезненно изменяя ее центральную нервную систему. Алкоголь может служить новым доказательством истинности той аксиомы, что преступление есть следствие болезненного изменения организма, преимущественно головного или спинного мозга.

К сожалению, преступление является наиболее постоянным и частым следствием этого болезненного состояния, чему у нас множество доказательств. Я недавно видел

в тюрьме очень редкий экземпляр вора, некто Р., ни воспитание, ни физическая организация которого нисколько не объясняли причин подобной преступности его, но все стало понятным, когда субъект этот заявил, что его отец и сам он — пьяницы. «Видите ли, — говорил он, — я с самого детства пристрастился к водке, и теперь я выпиваю в день от 40 до 80 рюмок; мое опьянение от водки проходит, если я выпью две-три бутылки вина».

Пьяницы не только постоянно совершают преступления против нравственности, но и производят на свет психически ненормальных или преступных и преждевременно испорченных детей, что мы лучше всего докажем на примере семейства Джуке. Острое опьянение также часто ведет к преступлениям. Галль рассказывает про одного разбойника, называвшегося Петри, который в пьяном виде испытывал всегда желание убить кого-нибудь, и упоминает об одной женщине из Берлина, жаждавшей крови всякий раз, когда она напивалась пьяной.

Итак, алкоголь является очень частой причиной преступлений, потому что одни совершают их из-за того, чтобы напиться, другие — в состоянии опьянения, а третьи в вине ищут средство приободрить себя, готовясь к исполнению задуманного преступного предприятия, и потом в нем же находят оправдание совершенного. Наконец, большинство молодых людей вовлекаются в преступления именно благодаря пьянству. Кабаки служат обыкновенно местом свиданий соучастников задуманных преступлений, и в них же преступники пропивают деньги, добытые своими злодеяниями. Число кабаков Лондона, посещаемых исключительно ворами и проститутками, в 1880 году достигло 4938.

Наконец, алкоголь находится в прямой связи с преступлением еще и в том смысле, что всякий преступник, пробывший более или менее долгое время в тюрьме, совершенно порвавший сношение со своими родными и потерявший всякое представление о порядочности, ищет часто в спиртных напитках забвения. Вот почему среди рецидивистов

так распространено пьянство и почему Мэйхью находил после обеда пьяными всех лондонских воров, умирающих от алкоголизма обыкновенно на 30–40-м году жизни.

То же наблюдается среди ссыльных в Нумее, которые пьянствуют не только в силу давней привычки, но также с целью забыть свой позор, разлуку с семейством, родиной, причиняемые надзирателями и товарищами мучения, а также угрызения совести. Вино вполне заменяет им деньги, на него они покупают себе все: рубаха стоит у них литр, сюртук — два литра, панталоны также два литра и т. д.

5. Специфическая преступность. Здесь мы займемся рассмотрением тех преступлений, на которые алкоголь оказывает влияние особенно сильно.

Наиболее частые преступления — нанесение побоев, причинение увечий, преступления против нравственности и возмущения; за ними по частоте следуют убийства и, наконец, поджоги и кражи. Но последний род преступлений встречается чаще, чем другие, у привычных пьяниц. Менее часты случаи обманов и мошенничеств, ибо для подобной деятельности необходимо, как говорили мне многие мошенники, «иметь здоровую голову, и чтобы она находилась притом на месте».

На 3 тысячи осужденных, исследованных Марамбо, пьяниц оказалось 78%, несколько больше — 79% — бродяг и профессиональных нищих, убийц было 50%, осужденных за поджог — 57%, за преступления против нравственности — 53%, за воровство и мошенничество — 71%. В общем преступления против личности составляли 88%, а против собственности — 77% всех преступлений.

Марро в своих исследованиях приходит к заключению, что среди пьяниц наибольший процент дают разбои, именно 82%; за ними идут другие преступления в таком порядке: нанесение ран и увечий — 77%, кражи — 78%, мошенничества — 66%, убийства — 62% и изнасилования — 61%.

В общем можно сказать, что влияние алкоголя сильнее всего отражается на преступлениях против личности, именно на количестве причиняемых увечий и на преступ-

лениях против собственности (воровство и разбой), но в первого рода преступлениях влияние его выступает резче, чем в последних.

При изучении влияния алкоголя на преступность Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, по данным Форнасари ди Верче, мы наблюдаем следующие отклонения от обычных явлений:

1. С увеличением потребления алкоголя часто уменьшаются, хотя и в неправильной степени, преступления против собственности, совершаемые без насилия. Что увеличение или уменьшение потребления алкоголя не оказывает большого влияния на преступления против собственности, совершаемые без насилия, видно, между прочим, из того, что преступления эти возросли с 20 035 до 23 571 в 1847 году и с 21 545 до 23 017 в 1854 году параллельно увеличенному потреблению алкоголя. Но, с другой стороны, они уменьшились в течение 1864–1871 годов с 14 075 до 13 202 и с 12 294 до 11 265, хотя потребление за это время алкоголя заметно возросло. С другой стороны, при уменьшении потребления алкоголя означенные преступления то увеличиваются, то уменьшаются в одинаковой степени. Но при этом бывают и исключения. Так, в 1875–1876 годах эти преступления увеличились с увеличением потребления алкоголя, точно так же они увеличились и в 1877–1878 годах, хотя потребление его в этот период уменьшилось.

2. На преступления против собственности, совершаемые с насилием, потребление алкоголя не оказывает заметного влияния.

3. Преступления против собственности, совершаемые со взломом, чаще всего уменьшаются по мере увеличения потребления алкоголя. Так, с 1870 до 1875 года и с 1863 до 1865, по мере того как потребление его все более возрастало, преступления эти падали с 276 до 260 и с 519 до 238, исключая, впрочем, период 1848–1855 годов, в течение которого наравне с увеличенным потреблением алкоголя возросли и эти преступления. С другой стороны, с уменьшением потребления алкоголя данные по преступлени-

ям и увеличиваются, и уменьшаются: так, в течение 1875–1884 годов с уменьшением количества алкоголя наблюдалось то увеличение, то уменьшение преступлений.

4. Осуждения за мошенничество и сбыт фальшивых монет уменьшаются до 1884 года по мере падения цен на вино, но после этого года они учащаются независимо от падения.

5. Преступления против личности колеблются при употреблении спиртных напитков, увеличиваясь постепенно по мере поднятия цен на алкоголь, как это наблюдалось в период с 1848 по 1857 год, но не уменьшаясь с падением цены на него, как это было в течение 1879–1889 годов.

6. Другие преступления не находятся в очевидной зависимости от потребления алкоголя, хотя в общем число тяжких и легких преступлений падает по мере его уменьшения.

Антагонизм между алкоголизмом и преступностью в цивилизованных странах. Здесь, прежде всего, нас поражает факт, что пьянство, как, например, в Новом Уэльсе и в Англии, влияние крепких напитков на преступления все более и более ослабевает. Боско доказывает, что в Соединенных Штатах только 20% убийц оказываются пьяницами, между тем как 70% из них — люди вовсе не пьющие.

В таблице приведено количество (в галлонах) употребляемых каждым жителем спиртных напитков (эквивалент чистого алкоголя) и число убийств на каждые 100 тысяч населения.

Страна	Спиртные напитки	Убийства
Австрия	2,80	25
Испания	2,85	74
Германия	3,08	5,7
Италия	3,40	96
Англия, Уэльс, Ирландия и Шотландия	3,57	5,6
Бельгия	4,00	18
Франция	5,10	18

Как справедливо замечает Кольянни, эти цифры объясняют нам, почему тяжкие преступления, возбуждаемые алкоголем, составлявшие в период с 1826 по 1840 год 7–11%, упали в течение 1861–1880 годов до 5 и даже 3% общего числа преступлений. Алкоголизм продолжает увеличиваться, но вместе с тем растет и задерживающая его влияние цивилизация, и именно в этом кроется причина уменьшения некоторых обусловливаемых им преступлений.

Прибавим, что на севере холод хотя и заставляет человека прибегать к спиртным напиткам, но он вместе с тем и ослабляет его импульсивность, уменьшая, таким образом, в общем число убийств и подобных тяжких преступлений.

6. Алкоголизм и гениальность. Я уже указал в «Гениальности и помешательстве» на то, что некоторые гениальные люди и их родители были алкоголиками (Бетховен, Байрон, Авиценна, Александр Македонский, Мюрже). На алкоголизм в данном случае следует смотреть как на потребность этих недюжинных умов в постоянных и новых возбудителях.

Алкоголизм до известной степени свойствен и целым народам (особенно северным), среди которых он тем сильнее развит, чем выше стоит их цивилизация.

7. Табак. По наблюдениям Вентури, среди преступников наблюдается более значительная пропорция (45,8%) нюхальщиков табака не только по сравнению с нормальными людьми (14,3%), но даже и с душевнобольными (25,88%). Максимальные цифры среди них дают осужденные за кровавые преступления (48%), а наименьшие — воры и мошенники (43%).

Преступники и психически больные очень рано приучаются нюхать табак, в противоположность нормальным людям. Но, в то время как у душевнобольных привычка эта усиливается в больницах, у преступников она, наоборот, в тюрьмах большей частью пропадает.

Проститутки в Вероне и в Капуе почти все нюхают или курят табак.

Марамбо утверждает, что страсть ребенка к табаку делает его сперва ленивым, затем приучает к пьянству и пре-

ступлению. Из 603 преступных детей в возрасте от 8 до 15 лет 51% употребляли табак до своего тюремного заключения. Из 103 молодых людей 16–20 лет пропорция употребляющих табак оказалась равной 84%; а из 850 пожилых людей 78% приучились употреблять табак еще до 20 лет. Из этого числа в первый раз попали в тюрьму, не достигнув 20 лет, 516 человек, то есть 57%, между тем как у некурящих пропорция попадающих в этом возрасте в тюрьмы равна всего 17%. Число курящих и нюхающих табак среди судившихся за бродяжничество, нищенство, воровство, мошенничество и тому подобные преступления достигает 89%; среди осужденных за пьянство курящих насчитывается 74%, а среди непьющих — всего 43%. Среди первых наблюдаются рецидивисты в 79%, а среди вторых — лишь 55%.

Из этих цифр мы ясно убеждаемся, что между табаком и преступлением существует известная связь, идентичная со связью последнего с алкоголем, причем курьезно то, что в странах, где употребление табака наиболее значительно, наблюдается не наибольшая, а, напротив, наименьшая преступность. Явление это, впрочем, не постоянно, ибо максимальное потребление табака, как и алкоголя, имеет место у наиболее цивилизованных народов, располагающих наибольшими средствами в борьбе с вредным влиянием обоих этих ядов.

8. Морфий. Курильщики опиума отличаются, как известно, апатией и в то же время импульсивностью и наклонностью к убийству и самоубийству. У морфинистов наблюдаются притупление умственных способностей, страсть ко лжи и наклонность к преступлениям против нравственности и убийству. Морфинисты постепенно теряют способность противостоять своим импульсивным наклонностям, так что они становятся в этом отношении похожими на курильщиков гашиша, у которых внезапно обнаруживается склонность к преступлениям.

На что способны бывают морфинисты, лишенные возможности предаваться своей пагубной страсти к морфию, доказывают следующие примеры.

Один китаец с целью добыть денег для курения опиума играл с условием, что он будет при проигрыше вместо денег платить своими пальцами, и сам отрубал себе по пальцу всякий раз, как проигрывал.

Доктор Лэмсон, морфиноман, отравил морфием своего зятя, не понимая даже, что он совершил.

При насильственном лишении морфинистов морфия у них наблюдаются припадки бешенства и меланхолии и попытки к убийству и самоубийству, но чаще у них появляется страсть к воровству с целью добыть себе яд.

Марандон де Монтижель сообщает об одном адвокате, который, будучи лишен морфия на пароходе во время плавания, украл провизию, взломав для этого кладовую.

Одна женщина из почтенной семьи настолько страдала от лишения морфия, что, желая непременно добыть денег на покупку его, начала продавать себя.

Другая женщина, сделавшись морфинисткой, убила свою маленькую дочь и затем показала, что морфий неудержимо влек ее к кровавым преступлениям.

Некая 28-летняя истеричка, воспользовавшись чужим именем, присвоила себе мошенническим образом в одном магазине разного товара на 120 франков, но несколько дней спустя сама вернулась в тот же магазин и отдала часть взятых ею вещей, говоря, что они ей не нравятся. Оказалось, что она весь остальной товар продала, для того чтобы купить себе морфий, и что она в одну аптеку задолжала за него 1600 франков, что, собственно, и побудило ее совершить это преступление.

Глава 8

Влияние просвещения на преступность

Господствовавший еще недавно взгляд на то, что между просвещением и преступностью существует полный параллелизм, в настоящее время признан совершенно ошибочным.

Морано выяснил, что в 1878 году в Палермо из 53 преступников, совершивших преступление в школах, 34 были школьниками, а 19 — учителями школ, то есть людьми с педагогическим образованием.

По данным Курчо, в Италии один преступник приходится на 284 неграмотных и на 292 грамотных, а среди образованных преступники еще реже.

Эта ничтожная разница в пропорции преступников среди грамотных и неграмотных еще более сглаживается для некоторых известных категорий преступлений.

Среди осужденных Курчо определил $^3/_7$, получивших элементарное образование, среди преступников против нравственности ‘$/_2$ и среди преступников против личности и собственности $^{10}/_{25}$, получивших некоторое образование. Среди преступников вообще процент безграмотных, по его мнению, достигает 50–75%, а среди малолетних только 42%, но в некоторых провинциях значительно меньше, а именно в Пьемонте — 17%, а в Ломбардии даже 5%.

В 1872 году на 453 неграмотных преступника приходились: 51 — умевших читать, 368 — умевших читать и писать, 401 — умевших читать, писать и считать, и только 5 — получивших более высокое образование.

Согласно наблюдению Жоли оказывается, что в департаменте Эро, в котором в 1866 году наблюдался минимум безграмотных среди новобранцев, именно 1%, преступность населения, бывшая прежде ничтожной, в настоящее время, когда в нем появилось множество школ, возросла до высокой степени. То же следует сказать о департаментах Ду и Рона.

Напротив, минимум преступлений наблюдается в департаментах Дё-Севр и Вандея, где процент безграмотных достигает 12%, в департаментах Вьенна — 14%, Эндр — 24% и в Морбиан — 35% безграмотных.

Токвиль доказывает, что в Коннектикуте преступность возрастала, по мере того как там поднялся общий уровень образования.

В Северо-Американских Штатах максимальные цифры преступности (0,35–0,30 и 0,37% на 1 тысячу человек)

наблюдались в Вайоминге, Калифорнии, Неваде, в которых процент необразованных ничтожен (3,4–7,7 и 8,0%), а минимальная преступность наблюдалась в Нью-Мексико (0,03%), Каролине(0,06%), Алабаме, Миссисипи, Джорджии, Луизиане, где процент безграмотных очень велик (65,0–55,0%, а в трех последних — 49,1–50,9%). Исключение составляют штаты Небраска, Айова, Мэн и Дакота, в которых пропорция преступников и безграмотных очень мала вследствие причин, о которых мы сейчас скажем.

В Англии округи Кентский, Глостерский и Миддлсекский занимают первое место по уровню образования своего населения и отличаются в то же время высокой преступностью, между тем как в округах, стоящих на низком уровне образования, как, например, в Северном Уэльсе, Эссексе и Корнуолле, преступность очень мала.

В России, по данным Эттингена, среди осужденных 25% грамотных, между тем как пропорция грамотного населения во всем государстве вообще не выше 8%.

«Загляните в судебные летописи, — говорит Ловернь, — и вы увидите, что наиболее упорные преступники-рецидивисты — все грамотны».

Наиболее убедительны цифры, приводимые Кохланом по Новому Южному Уэльсу: в 1880 году неграмотные составляли в нем среди честного населения 12%, а среди нарушителей закона было: неграмотных 54,5%, людей образованных 6,2%, между тем как в 1891 году показатели эти выглядели так: 7, 4,1 и 7,4%, что свидетельствует о том, что образованные люди совершают абсолютно и относительно больше преступлений, чем неграмотные.

С 1881 по 1891 год число школьников возросло со 197 412 до 252 940, а число арестованных — с 39 758 до 44 851, то есть на каждого прибавившегося школьника приходилось по одному арестованному.

В странах, где просвещение очень распространено, увеличивается процент преступников с высшим образованием, но в то же время вырастает процент неграмотных преступников, а процент преступников со средним образованием уменьшается.

В Северной Америке среди осужденных за убийство было 33% совершенно неграмотных, 64% умевших читать и писать и 3% людей с высшим образованием, между тем как среди нормальных людей процент неграмотных равен там всего 10%.

В Австрии среди молодых людей Зальцбурга и Тироля неграмотных вовсе нет, но преступников из их числа 16–20%.

1. Специальная преступность грамотных и неграмотных. Из всего сказанного мы можем сделать вывод: образование влияет на преступность по-разному, смотря по своему распространению. То есть, если оно еще ограничено и не достигло известной высоты, оно увеличивает число всех преступлений, кроме убийств, но когда оно достигает обширного распространения, то уменьшает количество самых тяжких преступлений, кроме преступлений против нравственности и политических.

Но влияние просвещения остается постоянным в том, что оно изменяет сам характер преступлений, делая их менее жестокими.

Файе и Лакассань пришли к следующим выводам относительно преступности во Франции:

1. Среди неграмотных преобладают главным образом детоубийства, кражи, грабежи и поджоги.

2. Среди малограмотных (едва умеющих читать и писать) встречаются преимущественно вымогательства, письменные угрозы, шантажи, грабежи и нанесения побоев и ран.

3. Люди со средним образованием чаще всего совершают такие преступления, как взяточничество, преступления против нравственности, подлоги и угрозы в письмах.

4. Наконец, среди людей с высшим образованием более всего распространены подлоги, хищения денег и документов и политические преступления.

Итак, среди неграмотных преобладает наиболее грубая и жестокая форма преступности, а среди грамотных — наиболее мягкая.

По позднейшим наблюдениям Соке оказывается, что во Франции число преступлений, совершенных неграмотными преступниками, уменьшилось в 1876–1880 годах сравнительно с количеством их в 1831–1835 годах, причем случайные и предумышленные убийства, равно как и преступления против нравственности, упали наполовину, детоубийства и выкидыши — на одну треть; среди же преступников с высшим образованием уменьшились наполовину только убийства, а остальные преступления остались на прежней цифре.

В Австрии среди неграмотных преступников преобладают грабежи, разбои, детоубийства, выкидыши, убийства, кражи, двоемужество и нанесение ран.

Таким образом, если нельзя сказать, что образование всегда служит уздой для преступления, то еще менее можно принять, будто оно является для него стимулом.

Польза и благодетельное влияние просвещения выступают тогда с особенной очевидностью, когда оно широко распространяется по всем классам населения, ибо оно способствует уменьшению преступлений среди малообразованных людей, делая их более мягкими и облагораживая их.

Глава 9

Экономическое влияние. — Благосостояние населения

Влияние благосостояния на преступность далеко не так определенно, как влияние образования, и самое тщательное и беспристрастное исследование в этом направлении не дает точных результатов, так как для решения этой задачи не имеется достаточно точек опоры.

Бодио говорит о том, что благосостояние народное не поддается более или менее точной оценке, ибо мы не располагаем данными для определения ценности земельной собственности или минеральных богатств; что же касает-

ся частных состояний, то и они не могут служить мерилом народного благосостояния, ибо у нас нет точных данных о всех движимых и недвижимых собственностях. Поэтому для решения этого вопроса мы должны основываться исключительно на таких сведениях, как дарственные записи, духовные завещания и т. п.

Можно было бы при определении благосостояния страны руководствоваться средним поденным заработком населения или размерами налогов, которые оно платит, но и здесь нам приходится иметь дело с очень непостоянными данными. Вот почему так затруднительно говорить о связи, существующей между благосостоянием и преступлениями.

Подати и налоги. Сопоставляя благосостояние Италии, определяемое на основании данных о подушных податях населения, налогах на предметы первой необходимости (пищевые продукты, табак, соль), налогах прямых (на земли, недвижимое и движимое имущество, судебные пошлины) и пошлинах на дела с цифрами главнейших преступлений, мы находим, что при максимальном благосостоянии (1856–1886 года; (каждый житель платит податей от 33 до 40 франков):

Средняя степень состоятельности каждого жителя, франков	Провинция	Преступления против нравственности	Кражи	Убийства
74,9	Ливорно	26,4	224	21,3
71,3	Рим	22,1	329	27,8
55,1	Неаполь	20,7	161	26,7
54,5	Милан	11,7	157	3,4
45,6	Флоренция	12,6	120	9,9
42,5	Генуя	17,2	147	7,8
41,4	Венеция	14,3	246	6,6
38,4	Турин	17,9	121	9,1
33,3	Болонья	11,3	216	7,6
33,0	Кремона	6,8	134	2,3
31,7	Феррара	7,2	387	6,1
31,4	Мантуя	15,6	254	7,8

При среднем благосостоянии (от 20 до 26 франков)

Средняя степень состоятельности каждого жителя, франков	Провинция	Преступления против н равственности	Кражи	Убийства
25,4	Новара	8,1	100	6,3
25,1	Гроссето	22,4	105	15,4
24,6	Казерта	17,0	189	31,2
24,4	Кунео	6,9	87	8,8
24,1	Анкона	11,7	100	19,0
23,5	Палермо	21,8	150	42,5
23,3	Лечче	16,7	126	10,3
23,0	Бергамо	9,5	115	4,0
22,5	Форли	7,4	174	21,5
20,4	Кальяри	17,2	296	21,8
20,3	Перуджа	12,7	140	15,9

При минимальном благосостоянии (10–18 франков)

Средняя степень состоятельности каждого жителя, франков	Провинция	Преступления против нравственности	Кражи	Убийства
10,5	Беллуно	6,3	108	5,1
13,6	Сондрио	13,0	120	5,4
14,0	Тераме	14,7	108	20,4
14,7	Козенца	34,8	125	38,2
15,0	Кампобассо	22,2	190	41,2
15,4	Л'Акуила	18,5	118	31,1
15,8	Кьети	31,1	119	25,7
16,3	Реджо-ди-Калабрия	30,5	214	30,5
16,4	Мессина	17,9	148	19,2
16,5	Асколи	13,3	82	11,9
16,6	Авеллино	23,3	179	45,4
18,3	Маджента	9,8	273	13,0

Мошенничества, как и кражи, возрастают с увеличением благосостояния населения; но если в числе последних считать и кражи хлеба на полях, то максимум преступлений совпадает с минимумом благосостояния. То же самое следует сказать и об убийствах.

Еще яснее доказывается это влиянием, безусловно, случайного характера действительной нищеты на мелкие преступления, чаще всего на кражи леса, как мы доказали это в главе о питании, в которой выяснили, что, в то время как в Германии число краж в общем возрастает по мере падения цен на хлеб и уменьшается с поднятием ее, кражи леса, напротив, подвергаются совершенно обратным колебаниям.

Что касается преступлений против нравственности, то относительно их получаются довольно неожиданные выводы: именно минимум этих преступлений наблюдается у нас при среднем благосостоянии населения, а максимум — при минимуме его.

Это очевидно противоречит обычному ходу преступлений против нравственности, которые всегда возрастают по мере увеличения народного благосостояния.

Но сделанные нами заключения подвергаются многочисленным исключениям.

Так, в трех городах, население которых очень бедно, в Сондрио, Реджо-ди-Калабрии и Л'Акуиле, наблюдается вдвое меньше краж и почти втрое меньше мошенничеств, чем в столь же бедной Мадженте. То же следует сказать об убийствах, число которых в общем более значительно в беднейших провинциях, исключая южные города Агридженто, Кампобассо, Козенца, Авеллино, где они значительно чаще встречаются, чем в северных и столь же богатых Сондрио, Беллуно и Удине, что объясняется, по-видимому, влиянием климата.

Итак, максимум и минимум благосостояния не всегда соответствуют в каждой провинции тем выводам, которые получаются из средних цифр.

1. Налог на наследства. Фовилль полагает, что частные состояния могут быть определены на основании данных о передаче собственности из одних рук в другие, но, изучая подобные статистические таблицы, составленные Панталеони для Италии, мы с трудом лишь можем составить себе

какое-нибудь представление о положительной или отрицательной связи преступления с благосостоянием.

В самом деле, из его таблиц (см. ниже) оказывается, что в наиболее богатых местностях, как Пьемонт, Лигурия, Ломбардия и Тоскана, процент преступлений против собственности меньше среднего для всего государства, а в беднейших провинциях, таких как Сардиния, Сицилия и Неаполь, процент преступности, напротив, очень высок.

Но рядом с этим оказывается, что в провинции Марке-Умбрия, принадлежащей к числу беднейших, преступность совсем невелика и что число краж в богатейших провинциях — Тоскане, Ломбардии, Эмилии, Пьемонте и Лигурии, — как и в беднейшей Марке, совершенно одинаково.

Далее доказано, что максимум краж наблюдается одновременно в богатейшей провинции, Лацио, и в беднейшей, Сардинии, так что между этого рода преступлением и степенью благосостояния населения нет, по-видимому, никакого соотношения. Бодио вообще считает налог на наследство неверным показателем степени народного благосостояния, ибо он очень часто взимается с капиталов, которые не остаются на месте, а уходят в чужие страны.

Затем минимум мошенничеств наблюдается в очень бедной провинции Марке-Умбрия, за которой следуют Тоскана, Эмилия, Венето, Пьемонт, Лигурия и Ломбардия, являющиеся, как известно, богатейшими провинциями, и, наконец, минимум разбоев приходится на богатые Венето и Ломбардию и на очень бедную Марке-Умбрию; средняя их — на Тоскану, Эмилию, Неаполь, Пьемонт и Лигурию; максимум — на бедные Сардинию и Сицилию и на богатый Лацио.

Итак, из перечисленных примеров мы видим, насколько сбивчивы и противоречивы заключения, которые можно сделать из этих данных.

ТАБЛИЦА,
выражающая соотношения между благосостоянием населения и преступлениями (средняя 1887–1889 годов на 100 тысяч населения)

Провинция	Среднее	Кражи	Мошенничества	Разбои	Убийства	Повреждения
Лацио Пьемонт	3,333	639	116	18	25	513
Лигурия	12,746	267	44	7	7	164
Ломбардия	2,400	227	44	3	—	124
Тоскана	2,164	211	34	6	7	165
Венето	1,935	389	43	3	4	98
Трентино	1,840	320	49	7	13	287
Эмилия	1,762	250	38	6	6	130
Сицилия	1,471	346	65	16	26	410
Неаполь	1,333	435	47	6	21	531
Марке Умбрия	1,227	222	33	3	10	239
Сардиния	—	670	113	14	20	277

2. Праздность. Прежде предполагали, что праздность имеет огромное влияние на преступность, но на самом деле значение ее далеко не так существенно. Так, в Южном Уэльсе прогулы рабочих не оказывают, по-видимому, никакого влияния на повышение преступности среди них.

Райт утверждает, что при промышленных кризисах увеличиваются все преступления, но он не приводит никаких доказательств в пользу своего мнения. Он основывается на том, что в Массачусетсе среди 220 осужденных оказалось 147 душ, не имевших никаких занятий, и что среди преступников, которых он наблюдал, он определил 68% людей, ничем не занимавшихся. Но эти факты свидетельствуют только о том, что преступники избегают всякого труда, что, впрочем, всем и каждому хорошо известно.

Однако данным Райта противоречат наблюдения Боско, который нашел среди убийц в Соединенных Штатах 82% людей, имевших постоянную работу в тот момент, ко-

гда они совершали свое преступление, и что только 18% из них ничем не занимались.

На основании этого мы и думаем, что праздность и отсутствие работы отнюдь не составляют такой важной и существенной причины тяжких преступлений.

3. Поденный заработок. Более точным критерием для разрешения интересующего нас вопроса является поденный заработок среднего рабочего человека, эквивалентный годовому расходу его на свое пропитание. Рассматривая эти данные, мы приходим к следующим заключениям:

1. Чрезмерная работа в связи с минимальной поденной платой, то есть с наиболее скудным питанием, находится в известной связи с количеством убийств. Действительно, в Шотландии, Англии и Ирландии, где поденный заработок рабочего очень мал, наблюдается также очень мало убийств (0,51–0,56–1,05). Напротив, в Испании и Италии, где поденная плата достигает максимальных цифр (153–154), мы наблюдаем и максимум убийств (8,25–9,53).

2. Далее, между количеством причиняемых ран и повреждений и цифрой поденного заработка также замечается известное соответствие, а именно: в Англии, Ирландии и Шотландии, в которых заработок рабочего достигает, как мы только что сказали, самого низкого уровня (127), наблюдается и минимум этих преступлений (2,67–6,24–11,59); наоборот, в Австрии и Италии, где поденная плата достигает своего максимума (152–230). Однако Испания и Бельгия представляют собой исключения в этом отношении.

3. Что касается преступлений против нравственности, то минимум их чаще всего совпадает с максимумом заработков: Испания при ее максимальной поденной плате (154) дает минимум этого рода преступлений (1,03), а Бельгия при ее минимальной плате — максимум их. Но в Англии при минимуме поденного заработка (127) наблюдается также минимум преступлений против нравственности (1,41).

4. Между поденной платой и кражами нет, по-видимому, никакой связи: преступления эти колеблются в очень широких размерах в Испании, Бельгии, Франции и Ита-

лии совершенно независимо от заработков населения этих стран.

5. Сберегательные кассы. Я полагаю, что цифры вкладов в сберегательные кассы могут служить более верным критерием для определения благосостояния населения, ибо вклады эти свидетельствуют о его бережливости и способности бороться с пороком и преступлением.

В Италии наименьшему числу вкладов, приходящихся на каждого жителя, соответствует наибольшее количество кровавых преступлений, краж и изнасилований и минимум мошенничеств, и наоборот: там, где благосостояние достигает средних и максимальных размеров, наблюдается максимум мошенничеств и минимум убийств, краж и изнасилований. Таким образом, кровавые преступления и изнасилования, в противоположность тому, что обыкновенно имеет место, преобладают именно в беднейших провинциях.

Тем не менее там, где выступает влияние расы и климата, значение благосостояния сводится почти к нулю. Так, мы находим сравнительно большое количество убийств в наиболее богатых провинциях, таких как Палермо — 42, Рим — 27, Неаполь — 26, Ливорно — 21; но это объясняется отчасти географическим положением означенных провинций, отчасти расой и распространенным в них пьянством. Точно так же и в беднейших провинциях географические условия, климат и раса уничтожают влияние благосостояния.

Таким образом, рассматривая влияние экономических факторов на преступность, мы должны принимать во внимание также расу, климат и прочее.

6. Сбережения во Франции. Что касается Франции, то, если считать мерилом благосостояния ее населения число вкладов в сберегательные кассы, приходящихся на каждые 1000 человек, мы увидим, что количество преступлений правильно возрастает по мере возрастания благосостояния населения.

7. Поразительная разница во влиянии сбережений во Франции и Италии объясняется до известной степени опять иммиграцией. Во Франции, в самых богатых областях ее, где более всего процветает промышленность, заме-

чается и наиболее сильный прилив иммигрантов, которые в общем совершают в четыре раза более преступлений, нежели коренные французы.

Помимо этого нельзя не считаться, с одной стороны, со значением расы и климата, особенно в Южной Италии, а с другой — со степенью благосостояния французского населения, превосходящего более чем в четыре раза благосостояние итальянского населения.

Наконец, увеличение сбережений является в Италии скорее следствием расчетливости и умеренности, чем действительного благосостояния, в то время как во Франции, по крайней мере в промышленных областях, особенно в департаментах Эро и Устье Роны, они служат показателями действительного богатства населения. Всем этим и обусловливается разница между этими двумя государствами во влиянии сбережений: небольшое благосостояние, постепенно нарастающее, служит уздой для преступности, в то время как огромное, сразу приходящее богатство способствует, наоборот, ее усилению.

8. Земледельческие и промышленные области. В местностях, где очень развита промышленная деятельность, окончательно вытеснившая сельское хозяйство, наблюдается обыкновенно и значительная преступность.

Так, если мы разделим Францию на земледельческие, земледельческо-промышленные и промышленные округа, то увидим, что преступность нарастает тем в большей степени, чем более промышленность преобладает над земледелием. Нижеследующая диаграмма показывает, что из 42 земледельческих департаментов только 11, то есть 23%, превосходят по числу наблюдаемых в них убийств среднее количество их во Франции, между тем как из 26 земледельческо-промышленных департаментов его превосходят 10, то есть 38%, а из 17 промышленных — целых 7, то есть уже 41%.

9. Благосостояние как причина преступлений. Тот, кто утверждает, что преступность является результатом исключительно бедности, не знаком с другой стороной этого вопроса, а именно с влиянием на преступления благосостояния.

Спенсер говорит, что благосостояние народа, смотря по его нравственному достоинству или испорченности, может вести его то к добродетели, то к пороку. Это относится, собственно, к высшей степени благосостояния, то есть к богатству, которое делает возможным половые излишества и злоупотребление спиртными напитками, создавая этим почву для преступлений.

Стало быть, благосостояние может служить источником поднятия и падения нравственности в одно и то же время, и ниже мы постараемся подробнее объяснить это кажущееся противоречие.

Именно поэтому в Северной Америке, Соединенных Штатах, высокая преступность наблюдается то при минимальном, то при максимальном благосостоянии народных масс.

В очень богатом Род-Айленде (где на каждого индивида приходится в среднем по 913 франков) наблюдается сравнительно ничтожный процент преступлений — 0,11; в столь же богатом Массачусетсе (888) пропорция эта удваивается — 0,20, а в Колумбии, средней по благосостоянию населения (559), преступность достигает 0,21, между тем как в Вайоминге она почти удваивается — 0,35. При этом наименьшая преступность (0,04–0,03) наблюдается в беднейших штатах, как, например, в Дакоте (где на каждого индивида приходится в среднем по 150 франков), Алабаме (97) и Нью-Мексико (95), но рядом с этим в Делавэре при среднем благосостоянии (408) населения преступность достигает уже больших размеров — 0,05.

Из всего изложенного мы убеждаемся, что во Франции и Италии по мере промышленного роста преступность в общем увеличивается. В частности, в Италии наибольшую преступность дает Артена, хотя население ее далеко не отличается — по наблюдению Сигеле — бедностью, ибо каждый житель ее является хозяином-собственником.

Это нисколько не противоречит увеличению преступности в бедных странах, где цивилизация находится на очень низкой ступени развития, как, например, на остро-

ве Корсика, преступлений против личности, так же как и простых краж.

10. Объяснение. Что касается причин подобного двойственного влияния благосостояния населения на его преступность, то они довольно ясны.

С одной стороны, лишения и недостаток необходимого для жизни всегда наводят бедного человека на мысль удовлетворить свои потребности путем преступления, а с другой стороны, нищета делает его импульсивным вследствие злоупотребления вином и алкоголем, этим страшным ядом, к которому обыкновенно прибегают все пролетарии, чтобы заглушить муки голода и потопить свое горе.

Бедность является косвенным образом причиной преступлений против нравственности, с одной стороны, потому, что бедняки лишены возможности удовлетворять свои половые влечения, а с другой — вследствие того, что на фабриках и в рудниках оба пола, работая вместе, находятся постоянно в близком общении друг с другом, что делает легко возможным разврат.

Само собой разумеется, что более или менее состоятельный человек, крепкий физически и нравственно, благодаря достаточному питанию и нравственной выдержке, имеет возможность гораздо легче устоять против всякого преступного искушения. Тем не менее и благосостояние, являясь источником вырождения вследствие сифилиса, истощения и прочих причин, также ведет часто к преступлениям против чужой собственности, мотивами которых являются тщеславие, желание превзойти других, блистать в обществе и т. п. Форнасари совершенно прав, говоря, что там, где благосостояние достигает значительной степени, оно постоянно сосредоточивается в немногих руках, так что рядом с ним всегда встречаются примеры крайней бедности, кажущейся из-за этого контраста еще более резкой. Такое существование нищеты рядом с богатством не может не благоприятствовать зарождению преступных побуждений.

Помимо этого, в бедных местностях нет и такой скученности, как в богатых; особенно мало в них тех опасных

субъектов, которые приезжают в большие и богатые города единственно с целью заниматься в них преступной деятельностью.

Таким образом, бедность является источником преступлений, хотя и очень грубых и жестоких по своей форме, но зато довольно ограниченных по своему числу. Между тем искусственные бесконечные потребности богатых людей создают и многочисленные виды особых преступлений. Достаточно припомнить хотя бы только все разнообразие видов преступности, встречающихся на почве Венеры и Бахуса, чтобы согласиться, что благосостояние, когда оно достигает значительной степени, служит часто не тормозом, а, напротив, двигателем преступлений.

Резюмируя все вышеизложенное, мы видим, что влияние экономических факторов на преступность населения зависит не только от его бедности, но и от богатства и вообще благосостояния. Но значение как одной, так и другого часто сглаживается и совсем уничтожается благодаря влиянию расы, климата и тому подобных факторов.

Глава10

Воспитание. — Незаконнорожденные и сироты

1. Незаконнорожденные. Влияние воспитания на преступность доказывается косвенным путем соотношением незаконнорожденных преступников, все более и более возрастающим у наиболее цивилизованных наций, особенно в последнее время.

В Пруссии число незаконнорожденных преступников, составлявшее в 1859 году 3% общего количества их, поднялось в 1873 году среди мужчин до 6%, а среди женщин даже до 8%. Во Франции из 800 несовершеннолетних преступников, арестованных в 1864 году, было 60% незаконнорожденных и сирот и 38 детей проституток и преступников. В Австрии в 1873 году среди незаконнорожденных преступников было 10% мужчин и 21% женщин. В Гамбурге

30% проституток, а в Париже даже одна пятая часть населения — по происхождению незаконнорожденные.

В вюртембергских тюрьмах насчитывалось незаконнорожденных среди заключенных в 1884–1885 годах—14,3%; в 1885–1886 годах—16,7%; в 1886–1887 годах — 15,3%; между тем как среди свободного населения они составляли в это время в среднем только 8,76%. Зихерт при исследовании 3181 заключенного в тех же тюрьмах нашел между ними даже 27% незаконнорожденных, распределявшихся следующим образом: на 100 воров приходилось их 32,4; мошенников 23, 1; преступлений против нравственности 21,0; клятвопреступников 13,0; поджигателей 12,0. Так что процент незаконнорожденных среди случайных преступников определен им равным 17,5, а среди привычных — 30,6. Кроме того, Зихерт нашел: среди 1248 законнорожденных воров 52% питавших отвращение к труду; 32% нищих; 42% бродяг. Среди 600 незаконнорожденных 52,3 % питавших отвращение к труду, 32% нищих и 49 % бродяг.В Италии по тюремным статистикам оказывается среди заключенных незаконнорожденных мальчиков 3–5%, а девочек 7–9%. Кроме того, следует заметить, что среди рецидивистов наблюдается здесь очень высокий процент незаконнорожденных — 36.

Чтобы понять огромное значение этих цифр, следует припомнить, что громадное большинство незаконнорожденных детей, от 60 до 89%, погибает в первые 18 месяцев своей жизни, и весьма малое число их доживает до 18 лет. Марбо может поэтому с уверенностью сказать, что из 4 подкидышей 3 умирают в возрасте до 12 лет, а 4-й обречен на преступление.

Со своей стороны и я произвел исследование 3787 детей, находившихся в убежищах Павии, Имолы (завед. д-р Лоли) и Падуи (проф. Тебальди), и 1059 детей, находившихся в 1871 году в больницах в Павии. Я нашел в общем среди первых 1,5% незаконнорожденных, а среди вторых — 2,7%. При этом следует заметить, что среди незаконнорожденных в Павии наблюдается гораздо меньшая смертность,

чем во многих других странах. Не выше 25% в первый год жизни.

При одинаковых условиях и в одинаковом возрасте подкидыши дают в 20 раз более преступников, чем помешанных. Оказывается, что большинство из них, не умершие в раннем возрасте, непременно попадают на путь преступления. При этом, конечно, играет значительную роль и наследственность. Незаконнорожденные являются обыкновенно на свет плодом греха и увлечения: они не имеют имени, которое могли бы охранять; у них нет никого, кто удерживал бы их от скользкого пути увлечений и страстей; нет отца или матери, которые воспитали бы в них добрые чувства и заглушили бы дурные инстинкты; в большинстве случаев они лишены возможности вести честную трудовую жизнь. В силу всего этого они неминуемо становятся преступниками, если не вследствие врожденной наклонности ко злу, то вследствие дурных примеров, которые они постоянно видят перед собой.

2. Сироты. Что беспризорность и отсутствие всякого воспитания имеют огромное влияние на преступность, доказывается громадным числом преступников среди сирот и детей от второго брака. В Италии среди малолетних преступников насчитывалось в 1871–1872 годах от 8 до 13% детей от второго брака. Барче сообщает, что в Нью-Йорке в течение известного времени было арестовано сирот 1542 и детей от второго брака — 504. По его же наблюдениям, 55% заключенных в исправительных домах являются круглыми сиротами, а 60% арестованных не имеют одного из родителей или же живут отдельно от них. По вычислению Марбо, на 100 малолетних заключенных приходится 15 покинутых своими матерями.

В Италии, по сведениям, обнимающим 10-летний период, среди преступников оказывается 33–35% сирот. Но среди 580 душевнобольных в моей клинике сирот было 47%, а среди 1059 находившихся в госпиталях в Павии их было 78%, так что процент сирот среди преступников оказывается в Италии меньше, чем среди честного населения.

Сироты, лишенные отца, дают, по итальянским статистикам, около 26% преступников, а те, кто не имеют матери, — только 23%. Среди душевнобольных мы считаем 57% первых и 10% вторых.

Среди сирот и особенно подкидышей несомненно преобладает по численности преступлений женский пол, помимо даже проституции. Эттинген вычислил даже, что, в то время как на пять преступных мужчин приходится одна преступная женщина, на трех подкинутых девочек приходится один подкинутый мальчик.

Огромным числом подкидышей среди преступников и объясняется именно значительный процент среди городского населения.

3. Порочные родители. Воспитание. Еще более вредное влияние, чем беспризорность, оказывает на преступность дурное воспитание. Припомним здесь болезненную наследственность, которая, по словам Зихерта, передается 36%, а по мнению Марро, даже 90% потомства, наследственность со стороны родителей-эпилептиков в 67%, а самоубийц — в 4,3%, пьяниц — в 16% и помешанных — в 6,7%. Среди пьяниц преступные родители наблюдаются, по Марро и Вирлио, в 37–41%, а среди преступников — в 27–45%.

После этого неудивительно, что ребенок не может устоять против преступного искушения, являющегося ему порой в самых обольстительных формах, когда он видит на каждом шагу только дурные примеры со стороны своих родителей или окружающих, отвечающих за его воспитание.

Приведем следующие примеры этого.

В., сестра нескольких воров, была воспитана своими родителями как мальчик. Она носила мужскую одежду и научилась очень ловко владеть ножом. Сделавшись взрослой, она нападала на больших дорогах на прохожих и грабила их. Арестованная, она во всем обвинила своих родителей.

Все семейство Корню состояло сплошь из воров и разбойников, приученных к преступлениям своими родителями в самом нежном детстве. Из пяти братьев и сестер в этом семействе одна, самая младшая, обнаруживала непре-

одолимое отвращение к преступлению, но родители нашли средство подавить в ней это отвращение тем, что заставили ее носить в течение нескольких часов в ее переднике отрезанную голову одной из их жертв. В короткое время девушка эта так вошла во вкус преступления, что сделалась самым жестоким членом разбойничьей шайки и выдумывала для своих жертв самые мучительные пытки.

К. уже в три года бил камнями своих товарищей и любил выдергивать перья у живых птиц. До 9-летнего возраста отец оставлял его постоянно одного в лесу, где он в одиночестве проводил все свое время.

Фрежье рассказывает про 3-летнего мальчика, сына одного вора, которым отец очень гордился, так как он уже в трехлетнем возрасте умел делать восковые слепки замочных скважин и ключей.

«Жены разбойников, — пишет Видок, — гораздо опаснее своих мужей: они систематически приучают своих детей к своему ремеслу, награждая их за каждое преступление».

На многих индивидов воспитание не оказывает никакого влияния: они рождаются испорченными и остаются таковыми, несмотря на все отчаянные усилия родителей исправить их.

Из числа малолетних преступников, отмеченных в 1871–1872 годах, 84% мальчиков и 60% девочек происходили от нравственных, честных родителей, слабость которых явилась во всех случаях первым благоприятным моментом для создания будущих преступников.

Так, Фра Диаволо, Картуш, Троппман и многие другие происходили от честных людей. Росати признавался мне, что отец неоднократно бил его, желая отучить от воровства, а мать много раз со слезами на глазах упрашивала исправиться и сделаться честным человеком. Он каждый раз обещал им, но каждый раз нарушал свое обещание.

Очень часто приходится видеть, как многие воры и проститутки, разбогатев, прилагают все усилия, чтобы повести своих детей по доброму пути и сделать из них хороших и честных людей.

Глава 11

Возраст. — Раннее проявление преступности

Возраст. Влияние возраста на преступление особенно резко выступает при разграничении его от помешательства. Наибольшее число первых приходится на возраст между 20 и 30 годами, а последних — между 30 и 40 годами. Душевнобольные в 40 и более лет дают заметную пропорцию преступников, именно в два и даже более раз, чем честные люди, среди которых число последних, начиная с этого возраста, заметно падает.

По более точным исследованиям оказывается, что возраст, на который падает максимальная преступность, колеблется между 15 и 25 годами. Так, в Англии, где пропорция молодых преступников в возрасте 12–21 года в настоящее время заметно уменьшается, она относится к количеству честных молодых людей как 24:45. В возрасте от 21 года до 30 лет пропорция эта удваивается, и соотношение между обеими категориями молодых людей становится уже равным 50:26, а в возрасте 50 лет и старше она выражается соотношением 23,5:24,8.

Марро нашел, что из 462 преступников 86 совершили свое первое преступление, не имея 13 лет от роду, а 9 — даже 11 лет, то есть в общем 18,6% преступников находились в возрасте до 16 лет, и если сюда присоединить еще заключенных в исправительные дома, то пропорция молодых преступников достигнет 21,7%. Подобный же высокий процент преступности, в смысле проявления порочных наклонностей, Марро определил и у школьников из хороших честных семейств. Так, из 917 учеников, находившихся в возрасте между 6 и 10 годами, он нашел: с хорошим поведением — 48,3%, с посредственным — 33,3, а с дурным — 18,21%. Кроме того, из 3012 более взрослых — 11–18-летних — школьников он нашел: с хорошим поведением 64%, с посредственным — 45 и с дурным — 9,2%.

Распределяя их по возрастам, он получил следующие данные:

В 1-летнем возрасте	С дурным поведением	С хорошим поведением
В 1-летнем возрасте	69%	6,0%
В 1-летнем возрасте	62%	10,2%
В 1-летнем возрасте	63%	14,1%
В 1-летнем возрасте	58%	10,1%
В 1-летнем возрасте	60%	11,7%
В 1-летнем возрасте	62%	7,0%
В 1-летнем возрасте	68%	8,6%
В 1-летнем возрасте	74%	7,8%

Подобное необыкновенно раннее проявление преступности служит несомненным доказательством того, что она, как и психические заболевания, имеет врожденный и атавистический характер. Раннее развитие есть вообще один из признаков, свойственных дикарю.

У некоторых дикарей эта ранняя преступность связана с религиозными обрядами. Так, у племени ваника молодые люди, достигнув известного возраста, отправляются голыми в лес и остаются в нем до тех пор, пока им не удастся убить какого-нибудь человека.

1. Постепенность преступления. В одном случае мне действительно удалось констатировать нечто вроде постепенности в ряду краж, совершенных одним мальчиком, который сперва украл 4 су, чтобы купить себе волчок, потом 8 су, затем 1 франк и, наконец, 3 франка. Но обыкновенно никакой постепенности в преступлениях установить не удается: многие преступники начинают свою карьеру сразу крупным делом, именно убийством или изнасилованием, так что самые тяжкие преступления являются в то же время и наиболее ранними. Однажды в Милане был на улице поднят труп старика, на котором были найдены 82 раны. Раны эти были нанесены ему, как оказалось, пятью юношами, находившимися в возрасте от 15 до 19 лет, совершившими это убийство с целью грабежа, чтобы достать денег для своих кутежей.

Все выдающиеся преступники обнаруживали необыкновенную испорченность уже в раннем возрасте, особенно в период половой зрелости или даже раньше ее. Бусеньи совершил свое преступление на 18-м году, Було — на 17-м, знаменитая маркиза де Бренвиллье — на 18-м. Домбей был уже в 7,5 года вором, а в 12 — святотатцем.

Сальваторе Б., написавший для меня свою биографию, сознается, что в 9 лет он совершал уже кражи и изнасилования. Крокко в 3 года проявил большое зверство, выдергивая перья у живых птиц, а Лазань в 11 лет занимался тем, что вытягивал у волов языки и прибивал их гвоздями к скамьям. Верцени был уже в 17 лет убийцей и насильником, а знаменитый впоследствии Картуш, имея от роду всего 11 лет, пользовался среди своих товарищей по школе репутацией очень ловкого вора. Лемер в 19 лет был так испорчен и развит, что далеко превосходил в этом отношении своего сообщника Авиньяна, которому было тогда под 60 лет. Лафарк, когда ей было 10 лет, находила удовольствие в том, что душила цыплят. Фербах сообщает об одном отцеубийце, который, будучи ребенком, ослеплял цыплят и забавлялся, глядя, как они кружатся и падают.

В парижских тюрьмах в среднем ежегодно содержится не меньше 2 тысяч молодых людей в возрасте 16–21 года, половина которых бывает обыкновенно осуждена за убийства и кражи, причем преступления, совершенные этими молодыми преступниками, отличаются сплошь да рядом особыми жестокостями.

Майло и Жиль убили с помощью товарищей свою благодетельницу и вырвали ей несколько пальцев с целью овладеть ее кольцами. Самому молодому из этой шайки было всего 15 лет, а самому старшему — 18.

Пипино, Баньи, Куортерли, Верцени, Моро, Превос начали свою преступную карьеру убийствами. Превос был в течение более 20 лет примерным агентом полиции, а Мартин, убивший свою жену, отличался всегда кротким нравом и слыл повсюду за честного человека.

2. Специфическая преступность. Всякому возрасту, как доказали это Куэтеле и Месседалья, свойственна особая,

специфическая преступность. Юный и старческий возрасты дали в Австрии максимум преступлений против нравственности — 33%. Со своей стороны и Герри пришел к заключению, что подобные преступления наблюдаются чаще всего в возрастах между 16 и 25 годами, с одной стороны, и 65 и 70 — с другой. В Англии максимальные цифры преступлений против нравственности приходятся на возраст между 50 и 60 годами. Но если припомнить, что старческая деменция[1], равно как и эротическое помешательство, наступают обыкновенно после 50 лет, то очень может быть, что и психические заболевания часто смешиваются с преступлениями.

Другая категория преступлений, свойственных преимущественно молодому возрасту, суть кражи и поджоги, составляющие в Австрии, по Месседалье, 30,8% всех преступлений. Но Куэтеле замечает, что воровские наклонности только раньше других проявляются, но что воровство, в сущности, одинаково свойственно всем возрастам.

Среди людей зрелого возраста преобладают (в 78–82%) случайные и предумышленные убийства, детоубийства, выкидыши и хищения, а среди глубоких стариков — преимущественно соучастие в совершении преступлений, мошенничества и — по аналогии с юным возрастом — поджоги и утайка доверенных вещей.

Глава 12

Наследственность

Согласно нашим официальным статистикам, за 1871–1872 годы оказывается, что из 2800 малолетних преступников 3% происходят от родителей, отбывающих наказание в тюрьмах. Эти же цифры свидетельствуют о том, что влия-

[1] Деменция — приобретенное слабоумие, стойкое снижение познавательной деятельности с утратой в той или иной степени ранее усвоенных знаний и практических навыков и затруднением или невозможностью приобретения новых.

ние отца на потомство всегда гибельнее, чем матери, что объясняется меньшей преступностью женщин.

Из этих же статистик мы определяем далее число алкоголиков-родителей равным более чем 7%, причем на долю отцов из этой цифры приходится 5,3%, матерей — 1,7% и весьма небольшой процент тех и других вместе.

Наконец, отсюда же мы узнаем, что семейства малолетних осужденных пользуются в 28% сомнительной, а в 26% — дурной репутацией. Данные эти очень точно совпадают с результатами, к каким пришел на этот счет и доктор Вирлио.

Томпсон из 109 осужденных нашел 50 бывших между собой в родстве, 8 — принадлежавших к одному и тому же семейству, глава которого был преступник-рецидивист. Кроме них, он наблюдал двух сестер и трех братьев-воров, отец, дяди, тетки и двоюродные братья которых были убийцами. В одной семье, в которой 14 членов были осуждены за сбыт фальшивых монет, 15-й член был, по-видимому, честный человек, но... он кончил тем, что застраховал в четырех местах свой дом и затем поджег его.

Мэйхью из 175 арестантов нашел 10, у которых был осужден за преступления отец, 6 — мать, а 53 — братья.

Подобное же влияние наследственности замечается также по наблюдениям Тарновской, Марро, Парана дю Шателе и других у преступниц и проституток.

Из 5583 преступниц, находившихся под наблюдением у дю Шателе, 252 были между собой сестры, 13 — матери и дочери, 32 — двоюродные сестры, 4 — тетки и племянницы. Одна из этих несчастных на вопрос Парана дю Шателе о родных ответила так: «Отец мой находится в тюрьме, а мать живет с тем, кто обольстил меня; она прижила с ним ребенка, которого я и брат воспитываем».

1. Клинические данные. Я наблюдал в тюрьме в Павии мальчика с резким прогнатизмом, густыми волосами, женоподобной физиономией и с выраженным косоглазием. В 12 лет он совершил уже убийство, а после него 6 раз его судили за воровство. Двое из его братьев были воры, мать — утайщица краденых вещей, а две сестры — проститутки.

В семействе Форсеев пять братьев и один шурин были осуждены за разбой; дед и отец их были повешены, а двое дядей и один племянник содержались в остроге.

Любопытное доказательство влияния наследственности сообщено нам Гарвисом, который был поражен множеством преступлений, совершенных в Гудзоне лицами с одной и той же фамилией. Просматривая списки населения, он открыл, что значительная часть жителей этой местности происходит от некой Мотгар, женщины дурного поведения, жившей двести лет тому назад, потомство которой достигло 900 душ, из числа которых было 200 преступников и 200 душевнобольных и бродяг.

2. Сродство путем подбора. Итак, мы видим, что наследственность, столь редко проявляющаяся при союзе двух преступных семейств, кроется в каком-то тяготении к пороку, сродстве к нему путем подбора, в силу которого преступная женщина выбирает себе в любовники непременно наиболее преступного мужчину.

Припомним только Рене из семейства И., искавшего себе любовниц лишь среди проституток и преступных женщин; браки Кретьенов и Лемеров (см. выше).

Другим убедительным примером подобного сродства или тяготения к преступлению могут служить роковое влечение известной маркизы Бренвиллье Сен-Круа, Луизы П. и Марии К., этих известных воровок, мошенниц и проституток, к знаменитому Россиньолю. Первая из них заочно влюбилась в него, когда в тюрьме ее соперница рассказывала ей о его подвигах. Вторая происходила из благородной фамилии, но пала на 14-м году, а на 15-м совершала уже разбои на больших дорогах в компании с Россиньолем. В Турине некая Камбурцано, будучи еще несовершеннолетней девочкой, вступила в любовную связь с каким-то вором и была вследствие этого заключена родными в исправительный дом. Она убежала оттуда, в этот же день отдалась известному наемному убийце Тото и стала соучастницей многих его кровавых подвигов.

3. Атавистическая наследственность семейства Джуке. Но самым поразительным примером наследственности пре-

ступления и связи его с душевными болезнями и проституцией бесспорно служит прекрасная, недавно опубликованная работа Дагдэйла относительно семьи Джуке, имя которой стало в Америке синонимом преступления и разврата.

Родоначальниками этой печальной семьи были Ада Валькс, родившаяся в 1740 году, воровка и пьяница, и известный развратник Макс Джуке, охотник, рыболов, родившийся в 1720 году. К старости он ослеп и имел громадное потомство, законное (в 540 душ) и незаконное (в 169 человек).

Цифры проституции выражают только незначительную часть действительных размеров ее. Об этом мы можем судить по громадному числу незаконных рождений, процент которых достиг 21 в мужском и 13 в женском поколении, по числу сифилитиков и особенно падших женщин, которые с 60% в первом поколении и с 37% во втором поднялись до 69% — в третьем, 48% — в пятом, 38% — в шестом и в общем до 52,40%. Цифры эти относятся к прямому потомству; в побочном число падших женщин выразилось в общем цифрой 42%.

Данные о чрезмерной плодовитости и проституции могут служить доказательствами того, что половые эксцессы суть одна из главнейших причин пауперизма[1], под которые подпадают наиболее молодые индивиды. Пауперизм следует за преступлением и болезнями вследствие того, что многие страдают одновременно сифилисом, уродливостью органов и наклонностью к преступлению и бродяжничеству.

С другой стороны, наблюдается факт, что в тех семьях, где братья — преступники, сестры обыкновенно проститутки и что между ними распространены преимущественно преступления против нравственности. Это служит новым доказательством, по словам Дагдэйла, того, что проституция у женщин есть эквивалент мужской преступности, так как та и другая имеют одно и то же происхождение.

---

[1] Пауперизм — есть явление массовой бедности; под бедностью же разумеется такое состояние лица, когда оно не имеет самых необходимых средств для поддержания своего существования.

В данной семье сильно распространена проституция, которую мы должны признать наследственной, так как не можем объяснить ее бедностью или какими-нибудь иными причинами и так как ее можно предупредить только ранними браками.

Далее, незаконнорожденные дети в этой семье достигают 21% в мужском и 13% в женском поколении. Цифры эти указывают на странное преобладание мужского пола над женским, между тем как в законном потомстве наблюдается совершенно обратное явление. Что же касается перворожденных детей в этой семье, то среди законных преобладают девочки, а среди незаконных — мальчики.

Цифры пауперизма свидетельствуют о связи преступления и проституции с болезнями нервной системы и уродствами.

Ужасный Галетто из Марселя был племянник еще более ужасного людоеда Ортолано; Дюмолар был сын убийцы, дед и прадед Патело также были убийцами; деды Папа, Крокко и Серраваля умерли в остроге, как и отец, и дед Кавалланте. Вся семья (отец и сыновья) Корню состояла из убийц; то же следует сказать и о семействах Вердюров, Церфбееров и Натанов, 14 членов которых находились в заключении одновременно в одной и той же тюрьме. Знаменитая Мароция, отравившая своего мужа и открыто продававшая себя, была плодом кровосмесительной связи. Проститутки — большею частью дочери преступников и пьяниц. Мадам Помпадур была, как известно, дочерью пьяницы и помилованного вора.

4. Психические болезни родителей. Среди родителей преступников, как свидетельствуют только что приведенные печальные генеалогии, всегда наблюдается известный процент психических заболеваний. По нашим личным наблюдениям, из 314 преступников у семи оказался отец помешанным, у двух — он был эпилептиком, у трех — брат был кретин, у четверых — мать страдала идиотизмом, у четверых — дяди и у одного — кузен страдали тем же. Кроме того, у двух преступников отцы и у двух других дяди оказались также кретинами, у одного брат и у другого отец

страдали конвульсиями, а у двух — запоем. Из 100 других преступников у пяти была психически больна мать, у троих — отец, у шести — братья и у четверых других братья были эпилептики.

Я наблюдал в Павии одно семейство с подобной же генеалогией; в нем из поколения в поколение помешанные чередовались с преступниками и проститутками, как это видно из следующей схемы. Моэли нашел у родителей 67 душевнобольных преступников 41 раз помешательство и эпилепсию, а преступность и самоубийства среди них составили 15%, психические заболевания у братьев их — 21% и такие же заболевания и эпилепсии у других родственников — 23%.

Кок, оставив в стороне все сомнительные и неточные случаи, нашел болезненное вырождение у 46% прямого потомства преступников.

Доктор Вирлио изучал 266 осужденных, одержимых хроническими болезнями, и нашел между ними 10 душевнобольных и 13 эпилептиков. У родителей их, именно у отцов, он определил психические заболевания в 12%, а эпилепсию даже в 14,1%. Кроме того, у одного отец оказался глухонемым, у другого — полупомешанным, а у шестерых отцы отличались эксцентричностью характера.

Доктор Пента нашел психические заболевания у 16% врожденных преступников.

В Эльмире число душевнобольных и эпилептиков среди родителей 6800 преступников дошло до 127.

У Готена, поджегшего дом своего благодетеля, дед был психически ненормальный человек. Душевнобольными были также: у Мио — его отец и дед, у Агордо — отцеубийцы его братья, у Коста и Мрлителло — их дяди и дед, у отцеубийцы и братоубийцы Виццокаро, как и у убийцы Пальмирини, — их дяди и братья. Сестра Мартинати страдала кретинизмом, а у Бюсси отец и мать, как у Альберти отец и дед, были помешанные. У Фаелла отец, а у Гито, кроме того, его дяди и двоюродные братья были люди психически больные. Мошенник и убийца Перуцци, макроцефал, происходил от безумной матери, покончившей самоубий-

ством. Мать и братья Верже также покончили жизнь самоубийством, а у Годфруа, убившего свою жену, мать и братьев с целью получить страховые премии за них, бабушка со стороны матери и дядя были помешанные. Отец Дидье, отцеубийцы, страдал безумием, а мать Луизы Бринц, убившей своего мужа, была эпилептичка, в то время как сестра ее страдала умопомешательством. Родители Череза, Аббадо и Кульмана были точно так же психически больные.

В отношении наследственности, как и относительно алкоголизма, помешанные находятся почти в таких же условиях, как и преступники. Голд Стюарт и Тиггес доказали, что у душевнобольных, как и у преступников, мужское потомство наследует чаще отцовскую психическую организацию, чем материнскую.

Но для судебного врача важно знать, что преступники далеко не так часто имеют психически больных родителей, как помешанные: достаточно указать только, что Тиггес определил душевные заболевания у родителей 3115 помешанных только у 28%, хотя Стюарт нашел их у 49% и Гольджи даже у 53%.

Что касается эпилепсии и других неврозов, то мы вместе с Гольджи должны принять наследственность их в общем равной 78%.

5. Эпилепсия родителей. Кнехт нашел эпилепсию у родителей 400 преступников в 60 случаях, то есть у 15%. Бранкалеоне Рибаудо определил ее у 10,1% родителей 559 преступных солдат, а Пента — у 9,2% родителей 184 врожденных преступников. Кларк точно констатировал эпилепсию у 46% родителей преступников-эпилептиков, между тем как у эпилептиков-непреступников он нашел ее всего у 21%.

Дежерен считает, что у родителей эпилептиков-преступников эпилепсия наблюдается в 74,6%, а у родителей непреступных эпилептиков — лишь в 34,6%.

6. Наследственность алкоголизма. Пента определил алкоголизм в 33% родителей преступников, а я — лишь в 20%. В Эльмире у 6300 малолетних преступников родители-пьяницы отмечены в 37,5–38,4%.

В Италии алкоголизм родителей реже является причиной душевного расстройства, чем преступления. Мы определили его у 17% наших психических больных, между тем как среди осужденных на долголетнее тюремное заключение в Аверце он наблюдался у 22%.

Легрен подметил, что первым признаком наследственного алкоголизма является необыкновенно раннее проявление его. Он находил алкоголиков даже среди четырехлетних детей. Другим характерным признаком наследственности этого порока является ничтожная сопротивляемость организма действию алкоголя. Так, например, Легрен знал одного человека, ставшего пьяницей, который не заговаривался, даже несмотря на то, сколько бы он ни выпил, между тем как сын его после двухдневной попойки легко допивался уже до белой горячки. Наконец, для наследственного пьяницы характерно еще то, что у него проявляется неудержимая потребность все в больших дозах алкоголя.

Все эти признаки часто наблюдаются у преступников.

7. Возраст родителей. Марро определил возраст родителей различных категорий преступников.

По его словам, преступники превосходят честных людей не только своей плодовитостью, но и средней продолжительностью жизни.

Но особенно интересны и убедительны его исследования возраста родителей в связи с видом преступления их потомства.

«У преступников против собственности, — говорит он, — преобладают дети, рожденные молодыми родителями, исключая мошенников, у которых, напротив, чаще встречаются дети от пожилых родителей. Объясняется это тем, что подобные преступники должны отличаться ловкостью и изворотливостью, то есть качествами, которые свойственны пожилому возрасту, а не подвижностью и физической силой, характеризующими юность».

Но если Марро нашел у мошенников количество детей, рожденных от пожилых родителей, равным 37%, то еще большим оказался процент их у преступников против лич-

ности. Так, у убийц он достигает 52,9%, значительно превосходя все прочие категории преступников, причем пожилые матери наблюдаются здесь в 38%, между тем как у нормальных людей они составляют всего 17%.

Сыновья молодых отцов, напротив, встречаются в этой категории преступников в ничтожном количестве, а именно в 3%.

У осужденных за нанесение ран и увечий отцы в пожилом возрасте встречаются в количестве 40%. Потомство молодых родителей в этой категории преступников достигает 13,5%, превосходя потомство честных людей.

У насильников пропорция пожилых отцов достигает всего 30%, но зато у них преобладают пожилые матери.

Закон, выведенный для отцов различных категорий преступников, оправдывается и относительно матерей. Именно среди преступников выделяется огромный процент пожилых матерей у разбойников и насильников ничтожный процент пожилых отцов. Процент молодых матерей значителен у воров и осужденных за причинение увечий, у которых часто встречаются вместе с тем и молодые отцы. Но больше всего он у разбойников, у которых и процент молодых отцов также велик.

Максимум детей хорошего поведения наблюдается, стало быть, у наиболее юных матерей, что объясняется, быть может, мягкостью и ласковостью женского характера, особенно в юном возрасте.

Сопоставляя преступников с честными людьми, Марро заметил, что у родителей первых встречаются реже, чем у родителей вторых, браки в одном и том же периоде их развития и что отношения их между собой выражаются числами 63:70.

Что касается школьников, то он подметил факт, что чем моложе родители, тем поведение детей хуже, а интеллигентность, напротив, выше.

Возраст полного развития родителей дает максимум детей хорошего поведения и минимум дурного, а в отношении их интеллигентности он совершенно соответствует

той пропорции, которая наблюдается в случаях, когда мать находится в периоде полного развития. Если оба родителя находятся в периоде увядания, то дети хорошего поведения и интеллигентные встречаются реже, чем при полном развитии их.

6. Синтетические законы. Из всех неврозов после кретинизма самым типичным по своим дегенеративным признакам является так называемый преступный невроз. Особенно резко он проявляется в известном случае семейства Джуке. Мы видим, что жизнеспособность и плодовитость первых поколений этой семьи совершенно парализуется громадной смертностью новорожденных и полным бесплодием позднейших. Пента, отметивший все соматические аномалии, которые с течением времени были открыты у врожденных преступников, указал, между прочим, и на свойственную им быстро преходящую плодовитость их. Из 104 братьев преступников, которых он наблюдал, 70 умерли в раннем возрасте. Из 100 родителей преступников 53 отличались особенной плодовитостью, а 23 — очень ограниченной, между тем как у 46 преступных сыновей их она была чрезмерной уже только у 10 и очень ограниченной у 31.

На основании данных Марро и Зихерта следует прийти к заключению, что эпилепсия чаще всего наблюдается у воров; самоубийства — среди поджигателей и несколько меньше среди воров; алкоголизм родителей у насильников и меньше у мошенников и поджигателей; наконец, психические заболевания родителей — главным образом у поджигателей.

Мы раньше видели на примере семейства Джуке, что мужские потомки, особенно старшие, чаще подвержены преступной наследственности, чем женские, и незаконные — в большей степени, чем законные.

Кроме того, мы видели, что наследственность со стороны отца во многом превосходит наследственность со стороны матери как у честных людей, так равно и у преступников. Так, по данным Марро, оказывается: алкоголизм наследуется в 7%, а от матери в 3%, Душевные болезни в 6,5% от отца и в 5% от матери, болезни спинного мозга в 21% от

отца и в 18% от матери, болезни сердца в 6,5% от отца и в 3,2 от матери.

Точно так же и преступные наклонности наблюдаются у убийц в 25% при наследовании их от отцов и только в 7% — от матерей, а у осужденных за причинение увечий — в 20% от отцов и в 16% — от матерей.

Что касается возраста родителей, то в общем он почти одинаков у обоих полов; исключение составляют мошенники, у которых наблюдается меньшая пропорция пожилых матерей. Марро приходит к заключению, что мать обладает большей способностью передавать своим детям физические особенности, чем умственные способности.

Прежде чем закончить эту главу, постараемся резюмировать законы наследственности, как их изложил Оршанский.

Автор этот доказывает, что наследственная передача, будучи одной из функций организмов производителей, соответствует во всякий данный момент энергии других функций и их общему развитию. Каждому из родителей свойственна наклонность передать потомству именно свой пол, и из двух производителей одерживает в этом отношении верх тот, кто ближе стоит к периоду своего полового развития. В силу этого в каждой семье преобладают дети одного пола с более развитым производителем.

Дети в общем чаще бывают похожи на отца, хотя в частности у мальчиков наблюдается больше сходства с отцом, а у девочек — с матерью. Тот же закон соблюдается при передаче сложения с той особенностью, что мужчины представляют в этом отношении больше разнообразия, чем женщины.

Оршанский занялся исследованием специально болезненной наследственности и пришел к заключению, что тот из родителей, который болен, особенно если это отец, обладает большей способностью к передаче собственного пола исключительно больным детям. Это наблюдается особенно в невропатических семьях, тогда как физики представляют обратное отношение. От невропатического отца рождаются дети только с функциональными неврозами. Болезнен-

ная наследственность в общем, стало быть, прогрессивна у отца и регрессивна у матери.

Следовательно, болезненная наследственность зависит от двух факторов: от пола больного родителя и от интенсивности его болезненного состояния. Мальчики наследуют от обоих родителей большую степень болезненной наследственности и обладают поэтому способностью превращать функциональную наследственность в органическую, между тем как у девочек наблюдается обратное явление. Это влияние детей на ассимиляцию болезненного состояния также находится в тесной связи с полом и имеет для каждого из них свой особый характер.

Резюмируя все изложенное, мы приходим к следующим заключениям: тип развития организма неизменно передается по наследственности. Сами дети принимают довольно значительное участие в проявлении наследственности благодаря тому обстоятельству, что они более или менее активно ассимилируют переданные им по наследству свойства и особенности.

Наследственность не проявляется в известный только момент и один только раз во всю жизнь: она находится в скрытом состоянии в организме и обнаруживается в продолжение всего периода развития его.

То, что передается по наследству, как пол, сложение и прочее, подчиняется общим законам: так, наследственность известной части организма следует общему ходу развития этой части и достигает наибольшей силы тогда, когда эта часть находится в периоде наиболее энергичного развития своего. Антагонизм между влиянием отца, обусловливающим переменность и индивидуальность, и влиянием матери, которая стремится сохранить средний тип, сказывается уже в происхождении полов, в форме периодичности, с какой уравновешивается их распределение. То же относится и к болезненной наследственности, которую мать ограничивает, ослабляя степень своего влияния и энергично изменяя влияние отца. Дети развивают далее полученные по наследственности наклонности и особенности в духе, соответствующем родителям одного с ними пола.

Глава 13

Преступность женщин. — Проституция

Все статистики согласно показывают, что преступность женского пола меньше, нежели мужского, и что она была бы еще меньше, если бы из числа преступлений, совершаемых женщинами, исключить детоубийство. В Австрии преступные женщины едва составляют 14% общего числа преступников, в Испании — 11% и в Италии — всего 8,2%.

1. Возраст полов. Разница между полами в отношении преступности сказывается уже в их возрасте. Почти все статистики придерживаются того мнения, что женщина вступает на путь преступления гораздо позже, нежели мужчина. Эттинген относит максимум женской преступности на 25 — 30 лет, а Куэтеле — на 30-й год (Марро полагает, что максимум этот падает не на 30-й, а на 24–25-й год, в то время как у мужчин он приходится на 23–24-й год. В других возрастах между обоими полами существует полная аналогия), между тем как у мужчин этот максимум приходится, как мы уже видели, на 24-й год.

Во всех категориях преступлений — легких, средних и тяжелых — преступность женщин сравнительно с мужской преступностью достигает наиболее высоких цифр в молодом возрасте, то есть тогда, когда еще не развиты специальные половые признаки ее и когда проституция для нее еще невозможна. Действительно, среди осужденных уголовными судами на каждые 100 мужчин приходится женщин в возрасте старше 50 лет — 11,1, а в возрасте между 21 и 50 годами — всего лишь 5,5%. Наибольшая же преступность женщин наблюдается в детском возрасте (до 14 лет), в то время когда женщина еще совершенно не развита физически.

Но преступность женщин выражается в этот период не тяжкими преступлениями, а самыми легкими, потому что между девушками 14-летнего возраста ни одна не судима, как мы видим, уголовным судом, между тем как осужденных за разные преступления мальчиков того же возраста было 4650 из общего числа 10 миллионов.

В Германии мужчины в возрасте старше 60 лет составляют 2,6% общего числа осужденных, а женщины в том же возрасте — всего 3,8%. На 100 преступных мужчин приходится здесь преступных женщин: в возрасте старше 60 лет — 25,4; в возрасте между 20 и 40 годами—19,61 и, наконец, в возрасте от 12 до 21 года — 19,63.

Во Франции в 1876–1880 годах на 100 преступников моложе 16 лет приходилось женщин того же возраста 16,3, а на 100 мужчин выше 21 года — 17,7.

Приведенные цифры доказывают, что наибольшая преступность женского пола приходится преимущественно на самый юный возраст.

Громадная пропорция несовершеннолетних преступниц совпадает с огромным числом малолетних проституток. Во Франции, по словам Парана дю Шателе, девушки в возрасте 17 лет составляют 15% всех проституток, а в Лондоне, по наблюдениям Герри, 24% их суть девушки моложе 20 лет.

2. Специфическая преступность. Специфическая преступность женщин и мужчин совершенно различна. В Австрии наиболее частыми преступлениями женского пола являются выкидыши, двоемужество, клевета, соучастие в преступлениях (7,28%), поджоги, кражи (24,18%), а наиболее редкими — убийства и подлоги. Во Франции преступления женщины идут по частоте в следующем порядке: детоубийства — 94%, выкидыши — 75, отравления — 45, убийства родных и истязания детей — 50, домашние кражи — 40 и поджоги — 30%. В Англии среди женщин особенно распространены сбыт фальшивых монет, клятвопреступничество и клевета. В последнее время заметно также среди них увеличение числа убийств.

Сравнительно ничтожная распространенность среди женского пола разбоев, предумышленных и случайных убийств, а равно и причинений ран и увечий зависит от самого характера женской натуры. Для того чтобы убийство задумать, подготовить и привести его в исполнение, необходимы, по крайней мере в большинстве случаев, не только физическая сила, но еще известная энергия, известная

напряженность духовных сил. Женщины всегда уступают мужчинам в степени своего умственного и физического развития. Наиболее частые преступления, такие как укрывательство, отравления, выкидыши и детоубийства, требуют сравнительно ничтожной затраты умственных и физических сил.

Куэтеле объясняет разницу в преступности обоих полов не столько меньшей нравственной испорченностью женщин, сколько замкнутым образом жизни, благодаря которому для них становятся почти невозможными такие преступления, как вооруженные кражи и разбои. С другой стороны, и физическая слабость, и меньшая интеллигентность женщин также являются причинами меньшей преступности.

Зато в домашних преступлениях женщины не уступают и даже нередко превосходят мужчин. На их долю приходится около 91% всех отравлений и 60% всех домашних краж, а число детоубийств среди них значительно больше, чем среди мужчин, выражаясь отношением 1250:260.

Если мы прибавим, что проституция женщин, по крайней мере с психологической точки зрения, не только уравновешивает, но даже превосходит сравнительно большую преступность мужчин против нравственности, и примем во внимание, что количество преступных женщин растет во всех странах параллельно с развитием просвещения, приближаясь все более к преступности мужчин, то мы должны будем согласиться, что между обоими полами существует более значительная аналогия, чем это кажется с первого взгляда.

3. Проституция. Факт, что среди женщин реже встречаются такие преступления, как бродяжничество и полицейские нарушения, объясняется многими причинами. К таковым принадлежат: не столь распространенное среди них пьянство, благодаря чему они застрахованы от печальных последствий его, сравнительно небольшое участие их в торговле и особенно проституция, которая вполне заменяет собой преступность молодого возраста, нераздельно связанного с праздным образом жизни и бродяжничеством.

Если включить в число преступлений и проституцию, то преступность обоих полов будет уравновешена и численный перевес окажется даже на стороне женщин. По словам Райана и Тэлбота, в Лондоне на каждые 7 честных женщин и в Гамбурге на каждые 9 женщин приходится по одной проститутке. В Италии публичные женщины составляют в больших городах от 18 до 33% общего населения их.

В некоторых странах подобное соотношение не меньше. В Берлине, например, число продажных женщин с 600 в 1845 году возросло до 9653 в 1863 году. Максим дю Кан определяет число тайных проституток в Париже за последние годы в 120 тысяч женщин.

Мы уже отчасти видели и будем потом все более убеждаться в том, что проститутки по своим физическим данным и нравственным качествам сильно напоминают преступников и что между теми и другими существует огромное сходство.

Один статистик писал: «Проституция для женщины то же, что для мужчины преступление». Прибавим, что проституция также является очень часто следствием нищеты и лени, но еще чаще — алкоголизма, наследственности и врожденной склонности к ней организма. Лучше всего это доказал Дагдэйл на генеалогии семейства Джуке.

«Сопоставляя данные, почерпнутые из специальных сочинений, — пишет Локателли, — с результатами моих собственных наблюдений, я пришел к заключению, что все публицисты впадают постоянно в одну и ту же ошибку, указывая на беспризорность и нищету, в которой живет большинство девушек из пролетариата, как на главную причину проституции.

Проституция является, по моему мнению, результатом врожденных порочных наклонностей и особенностей, свойственных женскому полу, как, например, страсти к воровству и другие; недостаток же воспитания, беспризорность, нищета и дурные примеры могут быть рассматриваемы лишь как вторичные причины ее, так как воспитание и образование служат, как известно, спасательной уздой для порочных наклонностей.

Наклонность к проституции есть следствие недостаточно развитого чувства стыдливости, очень часто существующего рядом с полным отсутствием половой чувственности, ибо большинство из несчастных жертв проституции наделено бесстрастными, апатическими темпераментами.

Это автоматы, которые ничем не занимаются и которых решительно ничто не в состоянии возбудить: в своих многочисленных мимолетных связях они не отдают никому никакого предпочтения. Если же они и обзаводятся любовниками, то делают это не из влечения к ним, а из-за тщеславия и подражания своим товаркам: они одинаково индифферентно относятся как к нежным ласкам, так и к самому грубому обращению».

Апатия, в которой вечно пребывают проститутки, прерывается у них, правда, временными мимолетными вспышками страсти, но это еще более подтверждает их сходство с преступницами, в характере которых преобладают апатия, нечувствительность, бурные, быстро проходящие взрывы страсти и лень. Придерживаясь строго закона и официальных статистик, мы должны часть проституток зарегистрировать в число преступниц.

По наблюдению Герри, лондонские проститутки составляют в возрасте до 30 лет 80% всех преступниц, а в более пожилом возрасте — только 7%. Преступность женщины, как и проституция, увеличивается по мере развития цивилизации и приближается к преступности мужчин. В 1834 году на 100 преступных мужчин приходилось в Лондоне 18,8% преступных женщин, а в 1853 году — уже 25,7%, в то время как в Испании они составляют 11%, во Франции — 20%, в Пруссии — 22% и в Англии 23% от общего числа преступных мужчин.

Во всей Австрии женщины-преступницы составляют 14%, в столице ее — 25%, а в Силезии даже 26% от преступности мужчин.

Но и помимо этих данных много других веских аргументов заставляют нас считать женщину более преступной, чем она кажется нам на основании статистик. Преступления, чаще всего наблюдающиеся среди женщин, а имен-

но укрывательство, выкидыши, отравления и домашние кражи, принадлежат к числу тех, которые обнаруживаются более или менее трудно. Кроме того, нравственная извращенность в женщине сказывается, как мы уже видели, с большей силой, чем в мужчине. В Америке молодые девушки считаются более трудноисправимыми, чем юноши.

Как бы то ни было, факт меньшей преступности женщин согласуется с меньшим числом наблюдаемых у них дегенеративных признаков.

4. Цивилизация. Если мы займемся изучением влияния цивилизации на каждое преступление в отдельности, то убедимся, что в Италии среди обоих полов, но особенно среди женского, наиболее тяжкие преступления, такие как убийства, причинения ран и увечий, разбои и отравления, неизбежно возрастают. Наоборот, праздный образ жизни, бродяжничество, полицейские нарушения и преступления против нравственности увеличиваются в неправильной прогрессии.

Что касается выкидышей и детоубийств, то мы должны заметить, что чем страна цивилизованнее, тем моложе возраст лиц, совершающих эти преступления, и наоборот, чем страна менее культурна, тем и возраст их старше. Это, по-моему, объясняется тем, что в цивилизованных странах у девушек сильнее развито чувство стыдливости, и потому они энергичнее стараются избавиться от того позора, который связан для них с внебрачной беременностью. Но большая частота этого рода преступлений среди женщин в возрасте между 21 и 40 годами сравнительно с тем, сколько встречается их между 14–21-летними девушками, свидетельствует, с одной стороны, о том, что чувство стыдливости играет здесь меньшую роль, нежели печальная привычка. Достаточно припомнить, что выкидыши составляют обычное широко распространенное явление у дикарей.

Во Франции исправительные суды за время с 1831 по 1835 год приговорили к наказаниям за совершенные преступления 52 714 мужчин и 11 941 женщину; в течение 1851–1855 годов — 128 589 мужчин и 26 747 женщин и с 1876 по 1880 год — 146 210 мужчин и 25 035 женщин. Та-

ким образом, в период с 1831 по 1880 год преступность мужчин увеличилась в 2,8 раза, а женщин — только в 2,1 раза. Распространение образования во Франции — причина того, что преступность женщин не достигает там такой степени, как у мужчин. Действительно, в то время как в 1888 году на 1000 мужчин-рецидивистов приходился 1% людей с высшим образованием и 9% — с элементарным, у женщин на 125 рецидивисток приходилось с высшим образованием 0%, а с элементарным — 5%, безграмотные же составляли 30% у мужчин и 47% у женщин. В1887–1888 годы из числа 244 ссыльных было безграмотных 30% мужчин и 39% женщин; умевших только читать и писать 53% мужчин и 51% женщин; лиц с элементарным образованием — 15% мужчин и 10% женщин и, наконец, с высшим — 2% мужчин и 0% женщин.

Подобное же явление наблюдается и в Германии: в 1854 году на каждые 100 преступлений приходилось 77 совершенных мужчинами и 23 — женщинами. В 1875 году данные эти выражались уже цифрами 83 и 17, так что с 1854 по 1878 год замечается резкое прогрессивное падение женской преступности. Однако мы должны заметить, что падение это только относительное по сравнению с числом преступлений, совершенных мужчинами, ибо, рассматривая безотносительное число женщин, мы увидим, что оно представляет собой меньшее приращение, нежели это наблюдается у мужчин.

Наибольший процент детоубийств приходится на деревни, а выкидышей — на города. В Германии в 1888 году из числа 172 детоубийств только одно было совершено в Берлине, между тем как из 216 выкидышей в Берлине имели место 23.

Во Франции также 75% детоубийств падает на деревни, а 60% выкидышей — на города.

В некоторых наиболее цивилизованных странах (Англия, Австрия) женская преступность как бы приближается к мужской, но это замечается лишь в незначительных проступках (пьянство, праздный образ жизни), между тем как в наиболее тяжких преступлениях (убийство, мошен-

ничество) она ниже мужской преступности и склонна скорее уменьшаться, чем увеличиваться.

В малоцивилизованных странах женщины по своей преступности также значительно уступают мужчинам. Так, Лавли не находит совсем в болгарских тюрьмах женщин.

Рассматривая влияние больших городов на каждое преступление в отдельности, мы замечаем, что некоторые из них, а именно причинение ран, грабежи в общественных местах и кражи, более многочисленны в больших городах, чем в малых и деревнях. В Берлине, например, скученность населения есть одна из причин увеличения преступности среди женщин: на 100 осужденных мужчин приходится здесь 26,6 осужденных женщин, между тем как в других местах Пруссии пропорция их не превышает 19,7%.

В Англии в течение 1859–1863 годов на каждые 100 мужчин-преступников приходилось по 35, 36, 38, 33, 32 женщины, судившиеся в уголовных судах, между тем как в самом Лондоне число арестованных полицией женщин достигало в 1854–1862 годах 57 на 100 мужчин, в Ливерпуле — 69, а в Дублине даже 84.

Замужние женщины совершают в общем меньше преступлений против чужой собственности, нежели незамужние, равно как женатые мужчины — меньше холостяков. Но в прочих преступлениях замужние превосходят незамужних.

5. Рецидивисты. Мужчины рецидивируют гораздо чаще, нежели женщины, особенно по мере распространения цивилизации, как это видно из приведенных цифр. К такому выводу нужно прийти, если даже допустить, будто рецидивистов в настоящее время легче обнаруживать, чем прежде.

Месседалья доказывает, что множественные рецидивы среди австрийских женщин гораздо более часты, чем рецидивы простые, между тем как у мужчин те и другие одинаковы.

Подобный же факт наблюдается и в Пруссии, где число женщин, подвергающихся первому наказанию, равно 16%, число рецидивирующих в первый раз — 17%, в шестой раз — 24%, а в седьмой раз и больше — 30%.

6. Заключение. Итак, на основании всего изложенного, мы приходим к следующим выводам:

1) Преступность женского пола в 4–5 раз меньше преступности мужского, и женщины совершают в 16 раз меньше тяжких преступлений, нежели мужчины.

2) Преступность женщин сравнительно с мужской преступностью (на 100 мужчин) достигает наиболее высокой пропорции в юном и детском возрасте. Если рассматривать женскую преступность отдельно, не сравнивая ее с мужской, то оказывается, что высокая преступность юного возраста обусловливается главным образом тяжкими и значительно меньше легкими преступлениями. По Майеру, максимум преступности мужчин приходится на 18–21 год, а женщин — на 30–40 лет.

3) Во всяком случае, количество преступлений, падающих на юный возраст, велико у обоих полов.

4) При сравнении женской преступности с мужской оказывается, что женщины совершают тем больше преступлений, чем меньше они требуют физической силы, культуры и духовной энергии.

5) В юном возрасте у обоих полов преобладают главным образом преступления, обязанные своим происхождением пылкости характера, а в зрелом возрасте — преступления предумышленные с заранее обдуманным намерением; убийства и поджоги совершаются женщинами преимущественно в зрелом возрасте.

6) Количество осложненных преступлений, равно как и число каждого из них в отдельности, в общем отличаются большим постоянством для обоих полов в различных странах и в разные времена. Тем не менее можно сказать, что в Италии количество тяжких преступлений среди мужчин уменьшается, а число легких увеличивается у обоих полов. Что же касается женщин, то у них число тяжких преступлений, напротив, увеличивается.

7) Выкидыши и детоубийства совершаются женщинами тем чаще из чувства стыдливости и тем реже в силу своего рода привычки, чем более цивилизованна та страна, где они имеют место. В северной Италии они преобладают среди женщин юного возраста, а в южной, напротив, зрелого.

8) Влияние больших городов на увеличение преступности особенно отражается на женском поле и преимущественно выражается у него учащением краж, грабежей и нанесения ран.

9) Проституция объясняет и пополняет меньшую преступность женского пола сравнительно с мужским.

Глава 14

Семейное положение. — Профессия. — Отвращение к труду

1. Семейное положение. Мы уже знаем, что наибольшее количество преступлений совершается в возрасте между 15 и 25 годами. Среди женщин преступницы рекрутируются почти исключительно из проституток и несовершеннолетних, а среди мужчин наибольшую цифру преступности дают холостяки.

В Австрии холостяки и незамужние женщины среди преступников превосходят семейных людей в пропорции 50:37, а женатые и замужние уступают честным людям в отношении 45:52. Число вдов среди осужденных относится к числу вдов среди честного населения как 4:9.

2. Профессии. В общем, трудно определенно высказаться о влиянии профессии на преступления, ввиду того что они не являются чем-то постоянным, а часто меняются и, кроме того, различно обозначаются исследователями в различных странах. Тем не менее, по итальянским статистическим вычислениям, сделанным Боско, мы находим следующие данные о преступниках и их профессиях:

Класс	Число осужденных на 100 жителей
Земледельческий	8
Промышленный	7
Торговый	12
Лица, занимающиеся военной службой	3
Свободные профессии	3
Служба у частных лиц	5

Более высокий процент преступников (1894–1895) среди торгового класса населения, между прочим, объясняется, вероятно, его многочисленностью, увеличившейся особенно с 1881 года. Среди купцов и приказчиков не только наибольшее количество мошенничеств и обманов (23 на 100), что очень естественно, но также и огромное количество диффамаций[1] и оскорблений на словах (8 на 100).

Среди земледельческого класса населения преобладают кражи (26 на 100 осужденных) и причинение телесных повреждений (22 на 100); другие преступления встречаются у них в сравнительно слабых пропорциях.

Если мы займемся более детальным изучением отдельных профессий, то увидим, что максимальная цифра осужденных наблюдается у разносчиков мелких товаров (44 на 1000 жителей), у которых преобладающим преступлением являются кражи (3 на 100) и преступления против нравственности.

Мясники также дают значительную пропорцию осужденных (37 на 1000), и между ними большей частью наблюдаются насилия над представителями власти и обманы в торговле.

За мясниками следуют извозчики (26 осужденных на 1000), попадающиеся преимущественно в преступлениях против собственности и личности.

Очень слабую пропорцию преступности дают лица, занимающиеся свободными профессиями и частной службой (2,94 и 3,93 на 1000 жителей); среди первых преобладают преимущественно обманы, а среди вторых — кражи.

Минимум преступлений (1 на 500) Марро наблюдал в Турине среди охотников, священников, школьных учителей и рыбаков, несколько больше (4:500) — среди литографов, полировщиков мрамора, каретников, садовников и кожевников и еще больше (7:100) — среди маклеров, писателей, ткачей и парикмахеров (среди последних наблюдались почти исключительно преступления против нравственности).

---

[1] Диффамация — распространение порочащих сведений.

Каменщики дают значительно больший контингент преступников — 11% и булочники — 6,9%, что, быть может, объясняется тем, что этого рода рабочие получают расчет за свою работу ежесуточно и всегда имеют, стало быть, под руками деньги.

Наконец, слесари, сапожники и студенты дают следующие цифры преступности: 8,3, 7,3 и 0,33%.

Итак, наибольший процент преступников и особенно рецидивистов наблюдается среди некоторых городских профессий, особенно предрасполагающих к пьянству (среди поваров, сапожников, трактирщиков), или приводящих в постоянное соприкосновение богатых людей с бедными (прислуга), или, наконец, облегчающих самое совершение преступления (каменщики, слесари). Наименьший контингент преступников и рецидивистов дают, наоборот, лица, мало приходящие в соприкосновение с горожанами, как, например, судовщики и крестьяне.

Среди сапожников наблюдается огромная пропорция преступлений против нравственности, объясняющаяся, помимо распространенного среди них пьянства, еще постоянным раздражением половых органов, обусловливаемым их профессией. Вот почему среди них встречается и так много венерических болезней.

Минимум преступлений, если не считать лиц без профессий, под которыми подразумеваются, конечно, главным образом женщины и дети, наблюдается среди собственников и представителей свободных профессий.

Согласно старым исследованиям Файе оказывается, что земледельческий класс во Франции, составляющий 53% населения всей страны, дает 32% преступников. При этом следует отметить, что в то время как деревенская прислуга, хотя и находящаяся в худших условиях существования, дает преступность всего в 4–5%, среди городской последняя наблюдается не менее как в 7%, причем $^{1}/_{8}$ детоубийств, $^{1}/_{6}$ краж и $^{1}/_{9}$ отравлений в городах падает именно на нее. Это, несомненно, зависит от нравственного вырождения ее вследствие постоянной зависимости от других. В Америке, как замечено, дикари в состоянии рабства совершают более преступлений, чем живя на свободе.

Тем не менее максимальную цифру отцеубийц, 108 из 164, Файе наблюдал именно среди крестьян.

Больше всего преступлений против нравственности он нашел среди каменщиков и художников, изнасилований — среди извозчиков и детоубийств — среди прачек. Среди купцов, нотариусов и адвокатов им была определена наибольшая пропорция преступлений против нравственности.В Пруссии лица свободных профессий составляют 2,2% всего населения и дают 4,0% всех преступников. Домашняя прислуга, составляющая 3% населения, дает, однако, преступность в 12%.

В России за период времени с 1875 по 1879 год число лиц, осужденных за кровавые преступления, достигло 9229.

Возвращаясь к преступности среди женщин, мы видим, что среди них преобладают преступления, совершаемые в торговле, — обманы и мошенничества и личные оскорбления.

Женщины, принадлежащие к промышленному классу населения, дают меньшую пропорцию воровок, чем крестьянки, среди которых наблюдается большой процент так называемых деревенских краж.

Что касается специфической преступности женщин в зависимости от профессии, то следует заметить, что максимальная пропорция краж (55 на 100) наблюдается среди женской домашней прислуги; после них идут акушерки, дающие высокий процент осужденных (3 на 100) за производство выкидышей.

Но мы располагаем слишком ограниченными данными относительно женской преступности, чтобы на основании их нам можно было делать те или иные выводы. Кроме того, результаты исследований совершенно изменяются у женщин благодаря многочисленному классу проституток. Не подлежит сомнению, что многие деревенские девушки делаются преступницами именно благодаря проституции, которой они занимаются, являясь в города в качестве прислуги. «Знакомство с большими городами, — говорит Паран дю Шателе, — оказывается очень пагубным именно для

деревенских женщин, которые, по свидетельству статистики, составляют огромный контингент проституток».

В Париже половина всех проституток рекрутируется среди швей и гладильщиц, треть — среди разносчиц и модисток, треть — среди прачек и фабричных работниц и весьма небольшая часть — среди актрис.

3. Военные. Мы должны отдельно рассмотреть преступность военного сословия, которое, по Хаузнеру, превосходит в этом отношении другие классы населения в 25 раз. Но Хаузнер вряд ли исключил из массы невоенного населения стариков, женщин и детей, благодаря чему он и получил столь незначительную по сравнению с военными преступность. По крайней мере, в Италии мы получаем совершенно другие цифры на этот счет, именно здесь приходится в среднем среди военных 1 на 112 осужденных, причем большинство преступлений принадлежит к разряду тех, которые с общей точки зрения даже не могут быть названы преступлениями, как нарушения дисциплины, симуляции болезней и т. п.

Если мы сравним преступность военного сословия с преступностью населения вообще одного и того же возраста (между 21 и 31 годом), то она окажется, конечно, больше последней, но объясняется это тем, что среди военных нет женщин, которые понижают общую преступность на 80%.

Больше всего влияет на число преступлений среди военных то обстоятельство, что у них, по выражению Меседальи, почти сливаются условная и действительная преступность. Кроме того, здесь играет большую роль легкость, с какой среди военных открывается каждое преступление, между тем как в других сословиях обнаруживается и наказывается едва половина совершенных преступлений. Так, в 1895 году на 233 181 преступление, по которым шло следствие приходилось 70 276 таких, в которых виновные не были обнаружены. В 1862–1866 годах 68% тяжких и 54% легких преступлений остались в Баварии ненаказанными, так как преступники не были обнаружены.

4. Душевнобольные. Зависимость между профессиями и душевными заболеваниями выступает далеко не так

ясно, как связь между последними и преступлениями. Из статистических данных, собранных на этот счет во Франции и являющихся до сего времени самыми подробными, мы убеждаемся в странной аналогии, существующей между преступниками и душевнобольными.

В городах число последних превышает их количество вдвое, чем в деревнях (отношение между ними равно 223:100). Меньше всего наблюдается душевнобольных среди земледельцев, а больше всего среди лиц свободных профессий.

По исследованиям Жерара, душевные болезни больше всего распространены среди домашней прислуги, слесарей и рудокопов, а по наблюдениям Берда и Голда — среди сапожников (1,2–8% общего числа принятых в заведения больных) и поваров (1,3%). Дзани же отметил наибольшее количество психических заболеваний (до 5%) у лиц свободных профессий.

По данным Жерара и Барофио, среди военных наблюдается довольно значительная пропорция душевных заболеваний, именно 4–8%. По Лолли, психические болезни чаще встречаются у помещиков и купцов, чем среди ремесленников, у которых они, в свою очередь, чаще, чем среди крестьян.

Наконец, остается заметить, что преступления людей, привычных к виду крови, как, например, мясников и военных, отличаются в общем как у душевнобольных, так и у преступников особо жестоким характером.

5. Отвращение к труду. Следует заметить, что преступники в большинстве случаев только номинально занимаются теми или другими профессиями, настоящее же их занятие — бездельничанье.

В Турине нам пришлось видеть мнимых столяров, слесарей и тому подобных мастеровых, то есть преступников, содержавших мастерские, снабженные всеми инструментами для отвода глаз полиции, но совсем не занимавшихся своим ремеслом.

Зихерт из 3181 заключенного в тюрьме нашел 1347, то есть 42,3%, питавших полное отвращение к труду и рас-

пределявшихся по преступлениям следующим образом: из 1848 воров было ничем не занимавшихся 961, то есть 52%; из 381 мошенника 172 ничем не занимавшихся, то есть 45%; из 155 поджигателей 48 ничем не занятых, то есть 31%; из 542 преступлений против нравственности 145 ничем не занятых, то есть 26,7%; из 255 клятвопреступников 21 ничем не заняты, то есть 8,2%.

По последним данным Райта оказывается, что в Массачусетсе из числа 4340 осужденных было 2990, то есть 68%, не имевших никакой профессии. В Пенсильвании процент последних среди осужденных оказывается еще большим, достигая 88, а среди приговоренных к каторжным работам — 68,5. Из исследований Ф. Уайнса видно, что из 6958 осужденных за убийства 5175, то есть более 74%, не знали никакого ремесла.

Число лиц без занятий оказывается здесь весьма небольшим, но по поводу его мы в том же отчете находим следующее: «Многие из заключенных ложно показывали, будто они занимаются теми или другими ремеслами». На самом деле число тех, которые не занимаются никаким трудом, очень велико, несмотря даже на все применяемые здесь системы исправления лентяев. Так, по словам генерала Броквея, никакое нравственное воздействие не могло заставить 34% заключенных взяться за какую-нибудь работу.

В виде исправления лентяев среди преступников Броквей советует применять кнут и вообще телесные наказания, низводя этим личность преступника на уровень дикаря, который берется за работу не иначе как из-под палки.

Тот факт, что преступник часто меняет род своих занятий, отдавая предпочтение тем из них, при которых расчет производится ежедневно, доказывает, что он вообще не способен ни к какому правильному регулярному труду.

Но эта негодность его к постоянной работе отнюдь не доказывает, что он совершенно не способен к какой бы то ни было деятельности и находится в вечной инертности. Напротив, в известные моменты преступник проявляет значительную активность: так, например, некоторые виды преступлений, такие как воровство и мошенничество, тре-

буют особенной подвижности и деятельности со стороны тех, кто ими занимается. Преступник питает отвращение, собственно, ко всякой правильной регулярной работе: он не может примириться с тем, что в обществе всякий его член должен в каждый известный момент отправлять то или другое назначение свое, подобно тому как в часовом механизме несет свою функцию каждая, даже мельчайшая часть его. Неспособные противостоять своим постоянно меняющимся капризам, будучи до известной степени инертными и в то же время импульсивными, преступники находятся в вечной войне с тем обществом, которое не соответствует их наклонностям.

Таким образом, по своему характеру преступник вполне напоминает дикаря, обыкновенно неподвижного и инертного, проявляющего, однако, время от времени бурную деятельность на войне или охоте, которым он отдается порывисто, до полного изнеможения своих сил.

Совершенно справедливо замечает Марро, что «примитивный некультурный человек отличается от цивилизованного именно своей неспособностью к подобному продолжительному настойчивому труду и что весь прогресс человеческий к тому именно и сводится, чтобы по возможности развить и укрепить эту способность в человеке».

«Всякий правильный труд, — говорит он далее, — должен удовлетворять двум основным условиям: он должен именно быть полезен индивиду, который совершает его, и обществу, среди которого он живет.

Труд преступника характеризуется тем, что он полезен только ему, но вреден обществу.

Если же труд этот вреден и совершающему его, и обществу, то он характеризует уже не преступного, а психически больного человека».

НОВЕЙШИЕ УСПЕХИ В НАУКЕ О ПРЕСТУПНИКЕ

Предисловие автора

I

Быстрое, стремительное развитие уголовной антропологии лишает ученых возможности спокойно выжидать появления новых исследований, обыкновенно очень объемистых, снабженных обильным материалом и требующих для своего появления продолжительного времени. Специальные журналы хотя и дают ясное представление обо всех вновь появляющихся работах, но следить за ними доступно не всякому. Поэтому я счел полезным в настоящее время сделать краткий очерк успехов уголовной антропологии.

Но прежде всего я должен ответить обширной критике, возбужденной изучением этой новой отрасли знаний; размеры критики уже сами по себе служат доказательством серьезного значения уголовной антропологии.

Топинар не признает за мной права устанавливать существование типа преступника, так как я сам определяю, что этот тип не подтверждается в 60 наблюдениях из 100.

Конечно, если с понятием о типе связывать представление о том, что он должен встречаться во всех наблюдениях, то его нельзя признать. Но уже в моих первых трудах я указывал на то, что к понятию о типе преступника надо относиться так же, как мы относимся к понятию среднего данного; если в статистике говорят, что средняя продолжительность жизни равна 32 годам, а наибольшая смертность падает на декабрь, то никому не придет в голову предполагать, что все или почти все должны умирать в 32 года и в декабре.

И не я один придерживаюсь такого определения средних.

Я могу сослаться на следующие строки замечательного труда Топинара, наиболее ярого из моих противников.

«Тип, — говорит Гратьоле, — это синтетическое впечатление».

Тип, по Гёте, есть абстрактное общее представление, которое мы получаем, наблюдая сходства и различия. Родовой тип, замечает Изидор Сен-Илер, нельзя видеть глазами, его можно только представить себе мысленно.

«Типы людей, — говорит Брока, — не существуют в действительности; это — абстрактные идеальные представления, являющиеся результатом сравнения расовых разновидностей; эти представления составляются из совокупности характерных черт, общих известному числу расовых разновидностей».

«Мы вполне согласны с этими взглядами: тип есть собрание характерных черт по отношению к той группе, которую он выражает; тип есть собрание отличительных черт, наиболее выдающихся и чаще всего встречающихся. Отсюда вытекает целый ряд выводов, которых антрополог не должен забывать ни в своей лаборатории, ни среди народов Центральной Африки».

«Тип, по прекрасному выражению Изидора Сен-Илера, — это неподвижная точка, общий центр, а разновидности представляют уклонения в различных направлениях; бесчисленно разнообразные колебания. Природа играет вокруг этой точки, по выражению древних анатомов, сохранившемуся до последнего времени в германском наречии».

«В примерах при таком прекрасном определении нет надобности. Тем не менее возьмем сотню однородных черепов, например серию овернских черепов, описанную Брока. Эта серия черепов была добыта на древнем горном кладбище, в уединенной местности; прибавим, что череп дает полное представление об индивидууме, которому принадлежит, с тем преимуществом, что череп можно измерять, вертеть в руках, словом, обходиться с ним, как угодно.

При первом взгляде вас поражают различия черепов: нет двух черепов совершенно схожих между собой; после самых тщательных исследований надо сознаться, что все они отличаются друг от друга какой-либо чертой. А между тем за малыми исключениями они все имеют нечто общее, что соединяет их в одну семью и отличает их от других групп, например от сотни черепов соседних басков или, еще более, от сотни новокаледонцев[1].

В некоторых черепах такое семейное сходство очень сильно выражено. Приступая к исследованию характерных черт и измеряя черепа для более точного ознакомления с ними, мы замечаем, что среди них попадаются более или менее брахицефалические[2], мезоринические[3] и прочие. Выражая это в цифрах, служащих числовым выражением особенностей черепа, и располагая эти цифры по разрядам согласно нижеизложенному методу, мы заметим, что известная степень черепных особенностей повторяется наибольшее число раз и что следующие степени идут, постепенно уменьшаясь. То же и по отношению к прогнатизму[4], мезоринизму и двадцати другим подобным отличительным чертам. Череп, представляющий собрание характерных черт, выраженных в чаще всего встречающейся степени, есть полное выражение этой группы черепов; в нем выразится искомый фамильный облик ее, ее совершенный тип. Но такого идеального черепа не существует в действительности; и в серии из тысячи черепов, вы, быть может, не встретите ничего подобного».

---

[1] Новая Каледония — заморское особое административно-территориальное образование Франции, расположенное в Тихом океане.

[2] Брахицефалия — короткоголовый; форма головы, отличающаяся высоким отношением показателя наибольшей ширины головы наибольшей длине.

[3] Мезориния — относительно средняя ширина носа (носовой указатель — до 70,0-84,9).

[4] Прогнатизм — антропологический термин, обозначающий один из типов строения лица человека. Прогнатизм предполагает выступающие вперёд челюсти, кроме того, нижняя челюсть лишена подбородочного выступа.

«Измеряя характерные черты черепов и выводя из этих измерений средние величины, Брока получил так называемый “средний череп”. Но этот череп, обладающий всеми средними размерами или, по крайней мере, средними отношениями и представляющий среднюю форму, пожалуй, даже средний объем, тем не менее представляет искусственное создание. Такой череп не соответствует, строго говоря, ни идеальному черепу, полученному при исследовании по сериям, только что указанным, ни какому бы то ни было реальному черепу. Только случайно можно встретить средний, или типический, череп».

«Тип какой-нибудь серии черепов, или индивидуумов, не представляет осязаемого предмета, доступного ощупыванию; это — продукт работы, это — желание, надежда, “абстрактный и общий образ”, по выражению Гёте. Тот же результат получается, если вместо математических измерений исследовать черепа чувством и осязательными движениями, сохраняя впечатление каждого черепа, отбрасывая исключительные черты, накопляя черты, наиболее часто встречаемые и представляющие наибольшее различие с другими группами, создавая в своем воображении типический результат, квинтэссенцию его черт».

«Родовой, расовый тип, тип народности или группы черепов, вообще какой-либо группы предметов — это собрание наиболее выраженных, наиболее постоянных и выдающихся черт, отличающих данную группу от других групп».

«Несомненно, что не все характерные черты имеют одинаковое значение: одни характерные черты малозначащи, другие имеют решающее значение и, чтобы употребить настоящее слово, характеристичны. Само собой разумеется, что иногда ни одна черта в отдельности не имеет значения, а важна их совокупность».

«Типы бывают хорошими, дурными и безразличными, резкими и сомнительными. Но возникает вопрос, какое же минимальное число характерных черт необходимо для определения типа? Этот вопрос неразрешим. Всякий решает его по-своему, сообразно точности, какая необходима в каждом частном случае. На практике вполне достаточно двух

или трех хороших физических признаков, особенно если они обоснованы и опираются на физиологические, исторические и тому подобные данные».

Таким образом, сам Топинар совершенно согласен с нами.

Он не допускает, однако, мысли об атавизме преступников, потому что, по его мнению, между людьми и животными нет непрерывной связи. Мне было бы очень легко ответить на это, указав лишь на имена Дарвина, Ламарка, Уолесса и даже Бюффона, доказавших непрерывность цепи органических существ, пробелы которой ежедневно пополняются новейшими палеонтологическими открытиями; однако в этом нет надобности, ибо если бы даже этой цепи не существовало в зоологии, то ее можно указать в эмбриологии человека.

Еще удивительнее то, что многие, вполне допуская атавизм у преступников, в нем именно и видят невозможность допустить патологическое его значение. Манувръе, наоборот, вполне признавая патологическое значение атавизма, которым объясняется асимметрия лица, беспорядочное размещение зубов у преступников, черпает из этого соображения, чтобы отрицать атавизм у преступников. Но разве мы не видим во многих случаях душевных болезней (например, при микроцефалии) соединение, почти слияние патологии и атавизма? И как же иначе понимать явления атавизма у человека, если не признавать участия патологического состояния зародыша?

II

Припомним здесь, что во всех этих открытиях, как и вообще во всем, что представляется действительно новым в области эксперимента, наибольший вред приносят логика и так называемый здравый смысл — самый страшный враг великих истин. В подобных начальных исследованиях приходится прибегать скорее к телескопу, нежели к лупе. При помощи лупы, при помощи силлогизма и логики вам

докажут, что солнце движется, а земля неподвижна, что астрономы ошибаются!

Рассуждая строго логически, Мануврье говорит, что не следует сравнивать преступников с солдатами, потому что солдаты претерпели уже подбор; но он забывает, что мы сравнивали преступников со студентами и со светскими людьми, Марро сравнивал их с туринскими рабочими, а Тарновская сопоставляла преступниц с крестьянками и русскими женщинами.

Он говорил, что следует делать сопоставление с добродетельными людьми; но мы могли бы ответить, что добродетель в нашем мире уже сама по себе представляет большую аномалию.

Вы видите, что при помощи логики мы, подобно отцу, сыну и ослу — героям известной басни, — поставлены в невозможность сделать какой-либо выбор и ни на шаг не можем продвинуться вперед.

Мануврье обвиняет нас в том, что мы остановились на нескольких чудовищных преступниках, «чего недостаточно для доказательства, что преступники суть анатомические чудовища».

Признаюсь, я не ожидал такого упрека со стороны столь достойного анатома, как Мануврье. Так же как на свете нет случайностей, так и в природе не существует чудовищ: все явления подчинены закону; уродства, может быть, более, чем другие явления, ибо весьма часто они суть не что иное, как продукты тех же самых законов, доведенных до крайности.

Но сверх того, справедливость этих упреков опровергается той частью критики, в которой мне ставится в упрек, что «я собрал слишком много примеров без всякого выбора».

В этом упреке есть, впрочем, доля правды; совершенно верно, что, подвигаясь вперед, мы увидели, что существует не один общий тип преступника, а несколько частных, довольно резких типов: воры, мошенники, убийцы — и что преступницы обладают наименьшим количеством призна-

ков вырождения, почти не отличаясь в этом отношении от непреступных женщин.

Правда и то, что при изучении черепов и мозга я соединил наблюдения многих ученых, несогласных между собой. Но эти несогласия вполне объясняются тем, что каждый наблюдатель предпочтительно останавливался на некоторых аномалиях и пренебрегал другими. И лишь после того, как Корр указал на асимметрию, Альбрехт — на лемуров придаток челюсти, а я указал на среднюю затылочную ямку, антропологи стали обращать внимание и на эти аномалии и заметили их у преступников. Анализ всегда предшествует синтезу; наоборот, если бы я не упомянул всех моих предшественников, меня легко обвинили бы в недобросовестности.

Мануврье, в свою очередь, забывает, что, ничуть не пренебрегая выводами других наблюдателей, я подробно ссылался на 177 черепов преступников, которые изучал я сам и все детали которых, выраженные в цифрах, я изложил в первом итальянском издании моего «Преступного человека». И этим именно черепам я придавал наибольшее значение. Чтобы избежать на будущее всех подобных упреков, я в последние годы стал применять к изучению типа преступника гальтоновскую фотографию; и непреложные показания солнца подтвердили мои наблюдения лучше всех людских показаний.

Таким образом, доказано, что действительно существуют типы преступников, которые, в свою очередь, подразделяются на типы: мошенников, воров и убийц. В последнем типе сосредоточены все характерные черты, тогда как в других типах они менее резки. В этом типе ясно видны анатомические особенности преступника и, в частности, весьма резкие лобные пазухи, очень объемистые скулы, громадные глазные орбиты, птелеиформный тип носового отверстия, лемуров придаток челюсти.

Сравнивая эти выводы с результатами статистических таблиц, лежащих в основе этой критики, вы найдете, что, вопреки кажущемуся обилию противоречий, отношения между аномалиями вполне верны.

Так, для лобных пазух мы имеем 52%, для асимметрии 13%, для падающего лба 28%.

Вот что получается при исследовании одних лишь черепов.

Мануврье неизвестно также, что относительно живых наши исследования далеко не ограничились несколькими уродами, а коснулись 26 880 преступников, которые сравниваются с 25 447 нормальными людьми.

Неточно и то, будто частный тип каждого вида преступников не подвергался исследованию. Правда, я этим занимался лишь мимоходом, но Ферн — первый, а затем Оттоленги, Фриджерио и в особенности Марро, а в России Тарновская разработали эту тему с поразительным обилием деталей.

Вполне естественно, что в первых трудах имелись в виду лишь общие черты и только впоследствии стали изучать различия каждого вида; так бывает при всякой работе — всегда от простого переходят к сложному, от однородного к разнородному.

Все эти упреки в большинстве случаев являются прямыми последствиями незнакомства с тем, что печатается на иностранных языках. Они все еще ссылаются, например, на моего «Преступного человека», который представляет лишь первую часть сочинения, уже устаревшего, в то время как после уже напечатано на ту же тему много других работ, гораздо более ценных.

III

Профессор Маньян, пред которым я преклоняюсь как пред одним из величайших европейских психиатров, который так же велик, как Шарко в области алкоголизма, оспаривает мое мнение, что детскому возрасту свойственно врожденное предрасположение к преступлениям. Он начинает с того, что приводит две-три странички из Майнерта об ощущениях новорожденного. Но цитаты эти бесполезны: чтобы доказать существование у детей преступных наклонностей, я изучал ребенка не в первые дни его жизни.

В это время ребенок ведет растительную жизнь, и его можно сравнить скорее всего с зоофитами[1]; конечно, в этом периоде не может быть и речи об аналогии с преступниками. Обрушившись на сравнение, которое не имеет никакого отношения к настоящему вопросу, Маньян затем лишь вскользь говорит два слова о другом периоде, на который ему и следовало бы главным образом обратить внимание.

«Дитя, — говорит он, — от растительной жизни переходит к жизни инстинктивной». Было бы хорошо, если бы он подробнее развил мысль, резюмированную в этих двух строках; тогда он разгадал бы загадку. Он нашел бы, как и Перес, у дитяти склонность к гневу, доходящую до битья людей и всего другого, до состояния дикаря, приходящего в ярость во время охоты за бизонами. Он узнал бы из сочинений Моро, что многие дети не в состоянии ждать ни минуты того, что они требуют, не приходя в ярость; среди детей многие завистливы до такой степени, что суют нож в руки родителей, требуя казни своих соперников; он узнал бы, что существуют дети-лжецы, о которых Бурден написал замечательное исследование. Он знал бы, что у всех детей бывают скоропреходящие вспышки страсти; он нашел бы у Лафонтена мнение, что «этот возраст не знает жалости»; он узнал бы из Бруссе, что дети любят мучить животных слабых; он узнал бы, что у них, как и у преступников, встречается полнейшая леность, идущая рука об руку с кипучей деятельностью, лишь только дело коснется удовольствий и забав; тщеславие, которое заставляет их хвастать новыми ботинками, шапками, вообще малейшим своим превосходством.

Вот где Маньян должен был бы указать ошибку мне или, вернее, Пересу, Моро, Бурдену, Бруссе, Спенсеру, Тэну, которые все это заметили раньше меня.

---

[1] Зоофиты — устаревшее название, которым с XVI века обозначалась группа беспозвоночных животных (преимущественно губки и кишечнополостные), имевших некоторые черты, считавшиеся признаками растений (например, прикрепленный образ жизни).

И тогда он не сказал бы, что «наклонность к жестокости, свирепость по отношению к животным встречаются лишь у детей совершенно больных, душевно неуравновешенных».

Конечно, в вырожденных детях, заклейменных наследственностью, эти наклонности продолжают существовать во всю жизнь и обнаруживаются при первом удобном случае, задолго до полной зрелости, так как случаев делать зло достаточно и в этом возрасте. Мой противник, конечно, согласится с тем, что воспитание в подобных случаях бессильно; в лучшем случае оно может дать только внешний лоск, который и служит источником всех наших заблуждений.

Наоборот, у хороших детей воспитание очень плодотворно, облегчая их перерождение, переход от состояния чисто физиологического к состоянию, которое можно было бы назвать состоянием нравственной зрелости. Перерождение это могло бы вовсе не иметь места, если бы дурное воспитание его задержало. Мы наблюдаем подобное явление на лягушках-тритонах, которые в очень холодной среде не переходят в последнюю стадию превращения, а остаются головастиками.

Но, быть может, Маньян соглашается сам с нашим взглядом, говоря, что указанные нами явления следует признавать не естественным предрасположением к преступлению, а скорее патологическим клеймом, вырождением, влекущим за собой расстройство мозговых функций.

В таком случае я здесь позволю себе сделать одно справедливое замечание.

Если бы так выразился юрист старой метафизической школы, мне были бы понятны эти схоластические тонкости, подобная византийская игра слов, но в устах такого почтенного медика, как Маньян, это совершенно непостижимо.

Маньян не замечает, что именно в этом клейме, упрочивающем и способствующем развитию врожденной наклонности к преступлению, гнездится уродливая и болезненная природа врожденного преступника, тогда как при отсутствии такого наследственного патологического клейма преступные наклонности атрофируются, подобно тому

как в хорошо, правильно развивающемся теле атрофируются органы зародышевой жизни, например зобная железа.

Отрицая врожденную наклонность к преступлению, Маньян вслед затем сам приводит целый ряд случаев подобной врожденной наклонности. Не думаю, чтобы это делалось с целью доказать неосновательность своего собственного мнения; если же Маньян желал только сказать, что так называемые врожденные преступники суть дети алкоголиков, то он повторил лишь то, что уже сказано в моем итальянском издании и что лучше меня и раньше меня объяснили Сори, Кнехт, Якоби, Моте и раньше нас всех наш общий учитель Морель.

Уважая Маньяна за его личные качества и за талант, я просил бы его сознаться, не были ли его типы вырождения без физических признаков тщательно подобраны из сотен других, имевших физические признаки и не упомянутых Маньяном. При физическом исследовании этих вырожденных, произведенном знаменитыми клиницистами больницы св. Анны, найдено много таких признаков, хотя и в меньшем количестве, чем у преступников. Было найдено: лемуров придаток у вора, боковые резцы и чрезмерная челюсть у ниморомана; у всех притупление осязания и т. п.

Я же не прибегал к такому подбору; я прямо без всякого выбора взял 400 преступников из сборника германских преступников.

Маньян также утверждает, что выставленные нами характерные черты недостаточны для судебных деятелей и ими не признаются. Конечно, если даже просвещенные медики способны отрицать очевидные факты и сомневаются в своих собственных открытиях, то что ожидать от судей; они найдут в этом еще лишний повод не доверять нам. Но, само собой разумеется, что виноваты здесь мы сами.

Впрочем, мы трудимся не для юридического применения; ученые занимаются наукой ради науки, а не для практического применения, которое осуществляется нескоро.

Никто не сомневается, что физический способ исследования всегда имеет больше шансов на успех, может быть

более точным, нежели психологический, часто затемняемый симуляцией.

Маньян, как и многие другие ученые, слишком занят собственными исследованиями, чтобы знать и изучать труды других; однако ему могло быть известно, что мы строим свои выводы не на одних только физиологических данных, которые очень часто отсутствуют, но на биологических и функциональных. Эти последние почти всегда находятся у настоящего преступника; так, все они левши, у всех у них замечается расстройство рефлексов и органов чувств — все это характерные черты, очень часто заслоняющие пробелы, остающиеся после исследования черепа и физиономии.

Может ли он отрицать присутствие таких функциональных аномалий также и у новорожденных?

Нас упрекают в том, что мы недостаточно внимательно исследуем влияние физической и нравственной среды. Относительно первого критика ошибается; нас скорее могли бы упрекнуть в противном, ибо мы написали обширное исследование, где разбирается исключительно влияние физической среды; относительно значения нравственной среды — упрек справедлив, но легко найти и оправдание: наши противники так много занимаются этими вопросами, старинные писатели придавали этому вопросу такую важность и так осветили его со всех сторон, что мы не считаем нужным заниматься им; не стоит тратить труда для доказательства того, что солнце светит.

Тард и Колайанни отрицают соотношение между органами и их функциями, что a priori лишило бы всякого значения уголовную антропологию.

«Соотношение между органом и его отправлением, — пишет Колайанни, — очень темно. По существованию органа нельзя заключать с положительностью о существовании его отправления; существуют органы без активных функций». «Но это, — справедливо возражает Серджи, — просто несообразность. Для чего же служат эти органы без функций? Может быть, это запасные органы для замены органов, разрушаемых деятельностью, подобно новому платью, заменяющему старые отрепья? А если соглашаться

с ним, что функции создают орган, то как же рождается орган, лишенный всяких функций?»

И если действительно органы укрепляются и увеличиваются от деятельности, то не менее верно и то (а это забывают Тард и Колайанни), что для их деятельности прежде всего они должны быть налицо. Икры танцовщиц, остроумно замечает Бруар, укрепляются от танцев, но для того, прежде всего, необходимо иметь... икры!

Но чем в особенности Колайанни думает уничтожить нас вконец, это тем, что, по его мнению, мы противоречим сами себе. Очень легко, конечно, найти противоречия у одного и того же писателя, вырвав из его книги два положения, но еще легче, как в данном случае, найти разноречия у различных авторов. Так как группы наблюдаемых индивидуумов различны, то и результаты могут не совпадать. И это известно всем, кто занимается антропологическими исследованиями. Если я, например, измерю 100 овернских черепов, то найду известный размер и величину; если же я измерю 100 других черепов, то большей частью получу иные размеры и величины.

Почему же не может случиться того же самого и относительно емкости черепа, веса мозга, веса тела, роста, признаков вырождения у преступников различных стран, различных национальностей и даже преступников одной и той же страны? Искусство наблюдателя состоит в том, чтобы найти однородность среди разнообразия; и лишь поверхностный наблюдатель и противник, добросовестный или недобросовестный, найдут здесь хаос и противоречие.

Фере также не согласен с моим заключением, что «зародыши нравственного помешательства и преступления нормально встречаются в первые годы жизни человека подобно тому, как в зародыше постоянно существуют известные образования, которые в юношеском возрасте представляются уродствами». Он основывается на том, что род человеческий образовался главным образом благодаря людям, отличавшимся антисоциальными наклонностями детского возраста. Он при этом, очевидно, забывает о диких

народах. Но, быть может, в данном случае мы не понимаем вполне друг друга. Указывая у детей различные расстройства речи (лаггорея[1], дисфазия и прочее), свойственные помешанным и идиотам, Прейер не считает, конечно, идиотов и сумасшедших детьми и обратно; он лишь указывает на атавистическое происхождение этих аномалий; он указывает, что эти странные явления, ненормальные у сумасшедших, свойственны известному возрасту человека, и, таким образом, он эмбриологическим путем объясняет происхождение уродств.

Неверна также мысль, что вырождение преступника исключает возможность типа преступника, ибо всякое вырождение (кретины, золотушные) представляет свой особый тип.

Лист, вполне одобряя, как мы увидим ниже, наши практические выводы, не согласен принять наших теорий только потому, что многие их критикуют и оспаривают.

Но такова участь всех тех, которые осмеливаются прилагать новые пути в науке, не считаться с общественной рутиной, в то время как слащавые эклектики, подобные губкам, впитывающим все, ничего не отвергая, удовлетворяют всякого и не встречают ни с чьей стороны критики, но они обречены на немедленное забвение.

Чезаре Ломброзо

Глава 1

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ

Если верно, что плодовитость семьи есть истинный признак здоровья, то уголовная антропология, по моему мнению, не нуждается в доказательствах своего процветания, хоть и находятся люди, которые считают ее мертворожденной и отказывают ей в крещении и имени, в которых

[1] Лаггорея, дисфазия — разновидности расстройств речи.

вообще не принято отказывать невинным новорожденным. Che moi non fur vivi (Данте).

Всего четыре года тому назад, к изумлению врагов современного прогресса, собралось в Риме со всех концов Европы 128 ученых с докладами о последних открытиях в этой новой, но уже созревшей науке, открытиях, наглядно продемонстрированных прекрасной выставкой. Но с того времени развитие уголовной антропологии, без преувеличения, удвоилось как по быстроте, так и по значению сделанных успехов. Все области этой науки изобилуют новыми наблюдениями.

I

Мозг. Укажем лишь на аномалии мозговых извилин, которые, как полагали, вообще не поддаются научному исследованию, а в действительности не поддавались ему лишь потому, что не удавалось установить их нормальный тип. Лемуан у одного клептомана, бывшего коммунара, указал нам аномалию, пока единственную в науке, а именно врожденное слияние двух лобных долей. Гетцен описывает у Марии Каустер, 15-летней матереубийцы, убившей с целью воспользоваться наследством и не обнаруживавшей ни малейшей психической аномалии, геморрагический пахименингит (разновидность хронического рецидивирующего пахименингита верхнелатеральной поверхности полушарийголовного мозга, сопровождающаяся кровоизлиянием в твердую мозговую оболочку, возникающая врезультате травмы, артериальной гипертензии, болезней крови, со значительным ее утолщением вследствиеорганизации гематом. Проявляется головной болью, настающими менингеальными симптомами,эпилептиформными припадками), атрофию лобных извилин и затылочной доли, не покрывавшей мозжечок, и большое количество атрофированных участков в извилинах, особенно левого полушария.

Ламбль нашел у молодой девушки, обвиненной в мошенничестве, полную поренцефалию (наличие в полушариях большого мозга кист, сообщающихся с боковыми же-

лудочками; встречается как аномалия развития или последствие травмы) с разрушением восходящей лобной извилины у места ее происхождения. Рихтер показал в Берлинском психологическом обществе мозг преступника с раздвоенной роландовой бороздой (борозда коры головного мозга, которая отделяет двигательную область коры (предцентральную извилину) от сенсорной зоны коры (постцентральной извилины); Фалло, Бенедикт, Браун, Тенчини, Виллиг и Миньяццини наблюдали в 5 случаях из 112 настоящую затылочную крышечку, то есть большую глубину второй переходной складки, что очень редко встречается в нормальном мозге, но очень часто у микроцефалов (4 из 12). Из 112 преступников у 7 наблюдалось отделение птичьей борозды (валикообразный выступ на медиальной стенке заднего рога бокового желудочкаголовного мозга, расположенный соответственно прохождению шпорной борозды) от затылочной, между тем как то же явление наблюдалось всего 1 раз у 100 обыкновенных субъектов и 1 раз у 12 негров.

Другой факт, ныне прочно установленный, — это увеличенный мозжечок в сравнении с величиной мозга.

Даже преступницы, у которых обыкновенно очень мало аномалий, в этом отношении сходны с мужчинами. Вес мозжечка и его придатков у преступниц равен 153 граммам, у обыкновенных женщин он весит 147 граммов; у мужчин — около 169 граммов.

Все наблюдатели подтверждают частоту ненормальных слияний борозд, что часто совпадает с увеличенным объемом мозга; эти аномалии подтверждают пророческие слова Брока, отца антропологии, а следовательно, праотца уголовной антропологии. «Одно или несколько таких слияний, — сказал он, — не препятствуют мозгу быть совершенно развитым, вполне уравновешенным; если же таких слияний много и они поражают существенные части мозга, то это служит указанием на его неправильное развитие. Такие аномалии можно часто видеть на маленьких мозгах бедных разумом слабоумных, также на мозгах убийц, с тем разли-

чием, что в первом случае весьма незначительное развитие переходных борозд, или анастомозов, находится в связи с недостаточным развитием борозд вообще и с малой величиной мозга; тогда как во втором случае оно совпадает, наоборот, с полным развитием большей части борозд и свидетельствует о неравномерном развитии мозга».

II

Череп. Вполне понятно, что именно на черепе, нормальный тип которого хорошо известен, наблюдалось наибольшее количество аномалий не только в новейшее время, но и в предшествующие века.

Начнем с аномалии, быть может, наиболее характерной и наиболее атавистической у преступников, а именно со средней затылочной ямки. Частое повторение ее замечено всеми наблюдателями: Бенедикт, Тенчини, Миньяццини, за исключением Фере, который, мы полагаем, не обратил достаточно внимания на этот признак.

Интересно отметить, например, что Марино, предпринявший свои изыскания с целью опровергнуть атавистическое значение и важность этой аномалии, наоборот, принужден был подтвердить ее, установив следующие пропорции:

4,19	у нормальных европейцев (1320);
16	у европейских преступников (150);
50	у зеландцев (22);
22	у австралийцев (222);
26	у американцев (46);
19	у египтян и этрусков (126).

Ромитти, Тенчини, Миньяццини и Фриджерио нашли еще большие числа.

Частое повторение преждевременного сращения костей также подтверждено исследованиями Миньяццини и Ромитти, а частое появление чрезмерно развитого лобного гребня (разобранное Тенчини в заседаниях первого кон-

гресса) подтверждено Миньяццини, Варалья, Марино, которые нашли эту аномалию у 47% преступников и у 14 из 100 непреступников.

Марино нашел вормиевы косточки в 23% своих преступников; я нашел то же самое отношение: у папуасов — 36%, у австралийцев — 28, у южных итальянцев —16%, у северных итальянцев — 85%. Пента, со своей стороны, наблюдал очень оригинальный атавистический признак: присутствие двух ненормальных косточек по бокам затылочной кости, соединяющихся с крыловидной костью, как у плейронектилов.

Миньяццини, изучая 30 черепов преступников, нашел в 16% метопизм, в 6% слияние костей носа, в одном случае базиотическую кость, в 33 случаях из 100 — выпуклость надбровных дуг, в 10% субмикроцефалию, в 20% полное уродство черепа, то есть асимметрию, стенокротафию, громадную челюсть и т. п. на одном и том же черепе.

Севен, а еще раньше Варалья нашли большую емкость черепных затылочных ямок, что подтверждает и объясняет большую величину мозжечка у преступников.

Применяя сложную (гальтоновскую) фотографию к изучению типа преступника, я нашел в 6 черепах убийц и в 6 черепах разбойников два типа, удивительно схожие и представляющие с очевидной ясностью характерные черты врожденного преступника и даже, скажем прямо, дикого человека: очень резкие лобные пазухи, скулы и челюсти очень большие, орбиты громадные и удаленные одна от другой, асимметрию лица, птелеиформный тип носа, лемуров придаток челюстей. Другие 6 черепов мошенников и воров дали тип менее резкий, но асимметрия, ширина орбит, выпуклость скул — ясно выражены, хотя и не так резко. На фотографии, полученной со всех 18 черепов, эти аномалии менее ясны.

Наблюдение это, на мой взгляд, существенно и с более общей точки зрения как сильный довод в пользу важности и значения так называемых статистических средних, которые, казалось, должны были погибнуть от ударов, нанесен-

ных им в последнее время. Теперь мы имеем прочные устои для наших теорий, производя наблюдения над вполне однородными группами.

III

Скелет. Изучая 63 скелета преступников, Тенчини нашел в них 6% прободения локтевого отростка, что наблюдается в 31% европейцев и в 34% полинезийцев; он заметил также в 10% излишнее количество и в 10% недостаточное количество ребер и позвонков, что напоминает сильные колебания численности этих костей у низших позвоночных.

В последнее время Тенчини нашел у одного преступника отсутствие 4 крестцовых позвонков, замещенных 4 дополнительными шейными позвонками.

IV

Аномалии у живых. Марро изучил все разновидности «преступного человека» и нашел, что аномалии, названные им атипичными (например, кривой нос, зоб и прочее), встречаются у преступников против телесной неприкосновенности реже, чем у нормальных людей; обратное замечается у воров и плутов. Единственный только тип мошенника приближается к средней физиологической норме, оставаясь, однако, ниже ее.

Патологические аномалии (парезы и прочее), зависящие почти всегда от пьянства или тюремной жизни, встречаются всего чаще у убийц, а у преступников против телесной неприкосновенности их меньше.

Увеличенный объем и большую окружность головы он нашел у плутов и простых воров, у которых также замечалась увеличенная поперечная кривизна головы; наименьший вертикальный диаметр черепа (4,3) был найден у убийц-рецидивистов, а у убийц-нерецидивистов этот диаметр равнялся 1,6. Ферри нашел у убийц большую длину лица, чем у преступников против телесной неприкосновенности и у плутов.

Марро заметил, что у мошенников брахицефалия выражена слабее, а микроцефалия встречается реже.

Он нашел среди преступников 86% узколобых и 41% низколобых. Те же размеры лба у нормальных людей составляют соответственно 51,9 и 15%.

У убийц Марро часто встречал сильно выраженный челюстной диаметр, выдающиеся скулы, черные и густые волосы, отсутствие бороды и бледность лица.

Брахицефалия встречается у преступников против телесной неприкосновенности чаще, чем у других преступников. Длина рук и даже кистей рук тоже характерна для этих преступников. Наоборот, у насильников характерные черты суть: узкий лоб, короткие руки и короткие кисти рук, что приближает их к типу преступных женщин, как это увидим ниже.

У бродяг замечается отсутствие физических признаков, характеризующих энергию (каковы лобные пазухи, массивные челюсти), и, наоборот, присутствие аномалий, указывающих на физическую и нравственную дряблость (например, грыжи).

Телесные и психические аномалии достигают у убийц 45%, у насильников 33%, у воров (со взломом) 24%; они часто встречаются также у случайных преступников.

Что касается страданий нервной системы, то они часто встречаются у убийц (45%) и еще чаще у поджигателей (85%), реже у воров (36%) и бродяг (38%), еще реже у насильников (33%) и у разбойников (23%), у воров (со взломом) (24%), у преступников против телесной неприкосновенности и у мошенников.

Относительно особенности рук Марро нашел, что вообще толстые и короткие руки встречаются часто у убийц, тогда как у других преступников преобладают удлиненные кисти рук, причем длина пальцев равна длине ладони, а иногда и больше.

Особенности в области чувствительности замечаются в различных группах преступников и даже у отдельных лиц одной и той же группы. Марро нашел, что понижение

общей чувствительности наиболее часто встречается у насильников, затем у убийц, разбойников и мошенников.

Относительно умственного развития можно сказать, что вообще оно понижено у преступников против личности и повышено у преступников против собственности и у мошенников.

Страсть к игре велика у насильников и преступников против телесной неприкосновенности; не так сильна у бродяг, разбойников и убийц.

Аномалии эти выражаются в следующих процентных отношениях:

Убийцы	37%
Насильники	66%
Преступники против телесной неприкосновенности	66%
Разбойники	51%
Поджигатели	14%
Мошенники	45%
Бродяги	63%
Воры	59%

Как и следовало ожидать, склонность к пьянству очень распространена среди преступников. Действительно, Марро нашел этот порок в 74,7 случаях из 100. По его же исследованиям, религиозность развита у преступников почти в той же степени, как у нормального человека; даже у убийц и насильников она еще сильнее; быть может, потому, что преступников последних категорий больше среди деревенских жителей; наоборот, у случайных преступников, за исключением воров, религиозность развита слабо.

Склонность к рецидиву и преждевременное развитие порока преобладают среди случайных преступников, имеющих вообще мало признаков вырождения.

Что касается наследственности, то она прежде всего зависит от пожилого возраста родителей, от алкоголизма, раздражительности отца, затем, на втором плане, от сумасшествия или преступности родителей.

Аномалия	Отца	Матери	У предков со стороны отца	У предков со стороны матери
Алкоголизм	41	5,1	—	—
Старость	32	17	—	?
Сумасшествие	9,2	3,3	2,7	1,1
Страдания головного и спинного мозга	21,1	18	—	—
Эпилепсия	1,7	0,9	0,1	0,1
Преступность	3,3	6,3	—	—
Безнравственность или буйный характер	22,6	11,0	—	?
Чахотка легких	5,1	10,1	—	?

Причина смерти родителей:

Алкоголизм	7,2	2,1
Самоубийство	1,4	—
Душевная болезнь	6,5	5,3
Страдания головного и спинного мозга	21,1	18,2
Туберкулез	5,1	10,7

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что у убийц преобладают кривизна и поперечный диаметр головы; задняя полуокружность головы более развита, чем передняя; нижняя челюсть массивна и скулы далеко расставлены; чаще всего волосы у них черные и курчавые, борода редкая, часто бывает зоб и короткие кисти рук. У преступников против телесной неприкосновенности наиболее постоянный признак — брахицефалия, а затем следуют удлиненные руки и кисти рук. У насильников замечается маленький рост с относительно большим весом тела, короткие руки и кисти рук, узкий лоб и очень маленькая передняя полуокружность головы. Часто встречаются аномалии половых органов и носа, и почти всегда очень низкое умственное развитие.

Курчавые волосы, редкая борода, происхождение от алкоголиков или невропатов — характерные черты разбой-

ников. Многие из них татуированы и имеют повышенные рефлексы.

Поджигатели — почти все сумасшедшие и происходят от умалишенных родителей.

Для мошенников характерны: массивная челюсть, далеко расставленные скулы, очень большой вес тела, пожилые родители, удовлетворительное, иногда хорошее умственное развитие.

Воры (со взломом) похожи на разбойников по своим физическим и психическим особенностям. Среди них много притворных помешанных. У воров других категорий бывают черные волосы и редкая борода; умственное развитие выше, чем у прочих преступников, за исключением мошенников; среди них много хронических алкоголиков, между тем как алкоголизм у их родителей встречается редко.

У бродяг Марро нашел много психических аномалий: приостановившееся умственное развитие, падучую и другие болезни, объясняющие их странные наклонности.

Преступницы сильнее поддаются влиянию социальных условий, нежели преступники; затем большое влияние на них оказывают старость, сумасшествие и алкоголизм родителей, которые дают почти столько же преступниц, сколько и преступников.

Утверждали, что приведенные наблюдения стоят в противоречии с моими; напротив, они только точнее подтверждают их; они указывают на виды там, где я подметил только род; а подразделение явлений, которые на первый взгляд казались простыми, есть признак прогресса. Всегда переходят от простого к сложному.

Изучая при помощи статистического метода 100 новых типов преступников, позировавших (я заимствую это выражение у художников) в моей лаборатории, профессор Росси подтвердил почти все наблюдения Марро. Средняя окружность черепа оказалась равной 552 сантиметрам (по Марро—550 сантиметров); переднезадняя кривизна равна 345 сантиметрам (по Марро —340 сантиметров); поперечная кривизна равна 229 сантиметрам (по Марро — 211 сантиметров).

Брахицефалия встречалась чаще (83,3%), тогда как долихоцефалия составляла всего 8%, амезатицефалия — 8,3%. Емкость черепа 15,48 (по Марро —15,72).

Наиболее часто встречались следующие аномалии головы:

Чрезмерные лобные пазухи	20
Оксицефалия	5
Платицефалия	5
Скафоцефалия	4
Плагиоцефалия	5

И следующие аномалии лица:

Асимметрия лица	24
Чрезмерное развитие челюстей	23
Петлистые уши (a anse)	24
Косоглазие	14
Зубы с бороздками	8
Отсутствие средних резцов	2
Отсутствие средних глазных зубов	1
Чрезмерное развитие средних резцов	3
Чрезмерное развитие средних глазных зубов	2

Средняя чувствительность осязания, по Росси (69 преступников), равнялась 2,62 миллиметра на правой стороне и 2,41 миллиметра на левой стороне.

Отсутствие болевой чувствительности найдено в 15%; повышенная болевая чувствительность на левой стороне — в 34%, на правой стороне — в 39%; одинаковая на обеих сторонах — в 15%.

Левая половина тела оказалась более сильной в 40 случаях из 100. Падучая в 38 случаях. Из 100 преступников 81 предавались пьянству (причем 15 с детства).

Вспыльчивость, раздражительность замечались в 40 случаях из 100.

Непостоянство в 18 случаях; религиозность в 25 случаях; татуировка наблюдалась в 23 случаях.

Оттоленги исследовал носовую выемку на 526 черепах, из которых 397 принадлежали нормальным людям, 129 преступникам и 50 сумасшедшим. Он нашел аномалии в 23,92% у нормальных, в 39,52% у преступников (48,14% у мужчин, 33,33% у женщин).

Большее значение имеет открытая им истинная обезьянья борозда — высшая степень аномалии, встречающаяся в 1,70% у нормальных людей и в 16,60% у преступников.

На 20 черепах кретинов из Ломбардии и Пьемонта аномалия носовой выемки составляла 55%. У сумасшедших (почти все пьемонтцы) эта аномалия давала почти тот же процент (42%). 13 эпилептиков дали 38,16%. Оттоленги искал аномалии носового гребня на черепах 60 нормальных людей, 30 преступников, 13 эпилептиков, 50 сумасшедших и 20 кретинов; и нашел их очень развитыми у преступников (48,7%), в особенности у убийц, и у сумасшедших (40%); эти аномалии реже встречаются у нормальных людей (24%).

Были изучены также размеры, направление, поверхность и выпуклость носовых костей.

Наиболее развиты носовые кости у преступников, в особенности у убийц (40%); у нормальных людей такое же развитие носовых костей встречается всего в 4 случаях из 100.

Относительно направления Оттоленги нашел весьма частое (36%) отклонение носовых костей у преступников; у эпилептиков оно составляло 30%; у нормальных людей всего 16%.

Также встречалось асимметрическое носовое отверстие, названное Велекером птелеиформным; эта аномалия, очень редкая у нормальных людей (8%), преобладает у преступников (37,5%), в особенности у воров (37,5%) и сумасшедших (32%), у кретинов (20 наблюдений — 20%) и у эпилептиков (13 наблюдений — 32%).

Оттоленги изучал также на живых людях (630 нормальных людей, 392 преступника, 40 эпилептиков и 10 кретинов) форму носа, его профиль, основание, ширину, выпуклость, по правилам, намеченным Бертильоном.

Преступники имеют вообще прямой нос (60,31%) с горизонтальным основанием (60,97%), умеренной длины

(48,73%), не слишком выпуклый (38,53%), часто несколько отклоненный в сторону (48,13%) и довольно широкий (54,14%).

Довольно резко различаются нос вора и нос насильника.

Воры преимущественно имеют нос прямой (40,4%), часто вогнутый (23,3%), вздернутый у основания (32,3%), короткий (30,92%), широкий (53,28%), сплющенный (31,33%) и во многих случаях отклоненный в сторону (37,5%).

Насильники чаще имеют прямой нос (54,5%), сплющенный (50%) и отклоненный в сторону (50%), умеренных размеров.

У нормальных людей нос или кривой (26,87%), или волнистый (25,4%), несколько длинный (57,7%), умеренной ширины (54,8%); у основания весьма часто опущенный (42%) и очень редко отклоненный в сторону; чаще всего выпуклый (30%).

Таким образом, гораздо чаще нос преступника отличается от носа нормального человека прямым профилем и отклонением в сторону; носы различных типов преступников довольно резко различаются друг от друга длиной, шириной и выпуклостью.

Нос эпилептика часто волнистый (42%) и кривой (32,8%); у основания горизонтальный (72,3%), очень длинный (75%), во многих случаях довольно широкий (30%); часто отклоненный в сторону (25%), почти всегда выпуклый (59,94%).

У кретина нос сплющенный, очень часто вогнутый (50%), с горизонтальным основанием (100%), короткий (60%), широкий (100%), сплющенный (100%), часто отклоненный в сторону (40%).

V

Относительно аномалий уха у преступников Фриджерио обнародовал исследования, имеющие большое значение. Вот выводы, им полученные:

1) ушная раковина занимает первое место среди органов, указывающих на вырождение;

2) угол между ухом и височной костью заслуживает наибольшего внимания с точки зрения антропологии и определения тождества лица;

3) этот угол нормально больше 90°; нормальный угол много меньше такого же угла у преступников и сумасшедших;

4) среднее процентное отношение увеличивается от нормального человека к сумасшедшему и к преступнику. Оно выше у обезьяны, у которой этот угол в редких случаях меньше 100°;

5) отношение между величиной конхи и величиной остального уха уменьшается у здоровых людей от первых дней рождения до юношеского возраста.

Это отношение вместе с величиной угла между ухом и височной костью, кажется, находится в соотношении со степенью умственного развития;

6) наибольшая изменчивость показателя конхи сравнительно с изменчивостью показателя всего уха у здоровых людей дает повод думать, что с первых годов жизни и до зрелого возраста конха развивается сильнее в продольном направлении, нежели в поперечном;

7) если взять средние отношения между конхой и всем ухом на обоих ушах у сумасшедших, то найдем, что, хотя величина конхи выше, чем у нормального человека, величина остального уха ниже, чем у нормального человека. У сумасшедших конха развита сильнее, чем остальное ухо, особенно в поперечном направлении;

8) сообразно величине конхи сумасшедших и преступников можно расположить в следующем нисходящем порядке: ненаследственные — 0,69; вырожденные и насильники — 0,67; разбойники — 0,66; убийцы — 0,65; воры и фальшивомонетчики — 0,65; наследственные преступники — 0,64; поджигатели — 0,60.

Фриджерио получил эти результаты при помощи отометра, очень остроумного и простого инструмента, которым он обогатил антропологическую лабораторию.

Профессор Градениго изучал изменения уха на более обширном материале.

Количество произведенных им наблюдений очень велико; кроме внимательного исследования 650 лиц (350 мужчин и 300 женщин), он бегло осмотрел уши у 25 тысяч лиц в Турине (15 тысяч мужчин и 10 тысяч женщин). Он исследовал также 330 сумасшедших (180 мужчин и 150 женщин), 76 кретинов (50 мужчин и 26 женщин), 352 типичных преступника (304 мужчины и 48 женщин).

Вот его выводы:

	Преступники	Мужчины	Женщины
Нормальные уши	29,2	50,55	62
Добавочные доли	25	28	22
Петлистые уши (a anse)	24	12,15	6
Уши Вильдермута	18	6,2	9,12

У обыкновенных людей уши a anse встречаются приблизительно вдвое реже среди женщин, чем среди мужчин; уши Вильдермута, наоборот, попадаются чаще у женщин.

Аномалии в образовании уха встречаются в Турине приблизительно вдвое чаще у преступников, чем у непреступников. Что касается цифры, выражающей количество добавочных долей, то исключение это только кажущееся, потому что у преступников очень часто находят добавочные доли, продолжающиеся вдоль щеки, — аномалию более существенную, чем простые добавочные доли. Затем Градениго нашел, что у преступников чрезвычайно часто встречаются дарвиновские уши: плохое развитие завитка и противузавитка, асимметрическое прикрепление ушей и прочее.

Из его исследований можно вывести, кроме того, что процентное соотношение аномалий уха осязательно изменяется даже независимо от пола, соответственно стране, городу, общественному положению и даже по отношению к известным аномалиям соответственно возрасту. Ему попадалось гораздо большее число петлистых ушей (a anse) у детей (25%), чем у взрослых (12,15%).

VI

Тарновская, изучая публичных женщин, воровок и крестьянок, нашла, что емкость черепа у проституток меньше, чем у воровок и крестьянок, а особенно в сравнении с женщинами высших классов.

	50 публ. женщ.	100 публ. женщ.	100 воров.	50 дерев. баб (север)	50 дерев. баб (юг)	50 дам из хор. общества
Переднезадн. диаметр	17,7	17,8	17,9	18,3	18,0	18,3
Наибольший поперечный диаметр	13,9	14,4	14,9	14,5	14,5	14,5
Наибольшая окружность	52,9	53,3	53,5	52,7	53,6	58,8
Расстояние скуловых костей	14,4	11,4	11,2	10,9	11,4	11,3
Расстояние обоих углов челюстей	10,1	10,18	9,1	9,1	9,9	9,8

И наоборот, скулы и челюсти более развиты у проституток, у которых вообще больше аномалий (87%), чем у воровок (79%) и крестьянок (12%). 33% проституток происходят от алкоголиков, тогда как такое же происхождение у воровок составляет 41%, а у крестьянок 16%.

Де Альбертис, исследуя 300 проституток Генуи, нашел татуировку в 70%. Он нашел у них также очень пониженную тактильную чувствительность (3,6 миллиметра на правой стороне, 4 миллиметра на левой стороне).

По отношению к преступницам Сальсотто сделал совершенно новые наблюдения (на 130 воровках); он нашел, что признаки вырождения, аномалии лица, черепа у преступных женщин встречаются реже, чем у мужчин. Брахицефалию он нашел у 7%, оксицефалию у 29%, плагицефалию у 7%, подавшийся назад лоб у 7%, косоглазие у 11%, уши а

anse у 6%, нормальную осязательную чувствительность у 2%, ослабление сухожильных рефлексов у 4%, повышение их у 12%.

Марро и Морселли объяснили эту громадную разницу, которая встречается также у эпилептиков и умалишенных, половым подбором: мужчины, конечно, не выберут уродливых женщин с признаками вырождения; тогда как женщины не имеют выбора, и довольно часто уродливый преступник, но обладающий силой, благодаря последнему обстоятельству побеждает все препятствия, и даже иногда ему оказывается предпочтение.

Прибавим, что материнские заботы, смягчая характер женщины, усиливают в ней чувство жалости.

VII

Оттоленги изучал в моей лаборатории морщины у 200 преступников и у 200 нормальных людей (рабочих и крестьян). Он нашел, что у преступников морщины появляются чаще и раньше в 2–5 раз, чем у нормальных людей, с преобладанием скуловой морщины (расположенной посреди щеки), которую по справедливости можно бы назвать морщиной порока, характерной для преступников.

У преступниц (80) морщины также встречаются чаще, нежели у порядочных женщин, хотя эта разница выступает не так резко. Вспомните морщины колдуньи.

Достаточно взглянуть на бюст знаменитой сицилийской отравительницы, хранящийся в национальном музее в Палермо: ее лицо сплошь покрыто морщинами.

Он же, изучая вместе со мной появление седых волос и плешивости, доказал их отсутствие или их позднее появление у преступников, также у эпилептиков и кретинов. Среди первых лишь мошенники несколько приближаются к нормальным людям.

Наоборот, у 280 преступниц седые волосы наблюдались чаще, а плешивость реже, чем у 200 обыкновенных работниц.

VIII

Заканчивая эту главу, мы не можем не отозваться с похвалой о прекрасном открытии, которым мы обязаны, в чем охотно признаемся, юристу Анфоссо. Тахиантропометр, им устроенный, представляет поистине автоматический измеритель. Его бы можно назвать антропометрической гильотиной, если бы это название не имело такой специальной окраски: столь быстро и точно дает этот инструмент важнейшие измерения тела; это дозволяет даже людям, далеким от науки, производить антропометрические исследования; при помощи тахиантропометра ускоряется способ удостоверения личности преступника, улучшение которого навсегда останется величайшей заслугой Бертильона. Оказывая услугу юридической практике, тахиантропометр дает возможность производить в широких размерах наблюдения, доступные до сих пор лишь ученым.

Этот инструмент был недавно испытан Росси, проверившим результаты своих измерений на 100 преступниках (преимущественно воры); у 88 длина распростертых рук превышала рост; у 11 она была меньше длины роста; правая нога больше левой оказалась у 30; левая больше правой у 58; равная длина обеих ног у 12; правая рука длиннее левой у 43; левая рука длиннее правой у 54; этим вполне подтверждается большее развитие левой половины тела, обнаруженное уже раньше динамометром и изучением походки преступников. Лучшего подтверждения часто встречающегося усиленного развития левой половины тела нельзя и найти; вместе с тем это хороший признак атавизма, ибо Ролле наблюдал у 42 антропоидных более длинное левое плечо в 60 случаях, а у людей всего в 7 случаях из 100.

Подобное чисто анатомическое превосходство левой половины тела подтверждено также мной и Оттоленги посредством измерения кистей рук, среднего пальца и правой и левой ступни у 90 нормальных людей и у 100 врожденных преступников.

	Норм. люди до 25	Преступники до 25	Норм. люди от 25 до 50	Преступники от 25 до 50
Морщины лба	7,1	34	62	86
Носогубные морщины	22	69	62	78
Скуловые морщины	—	16	18	33

	Седовласые	Плешивые
400 нормальных людей	62,5	19
80 эпилептиков	31,5	12,7
40 кретинов	11,7	13,5
490 преступников	25,9	48
воров	24,4	2,6
мошенников	47	13,1
преступников против телесной неприкоснов.	23,7	5,3
80 преступниц	45	9,7
200 обыкновенных женщин	60	13

	Более длинная кисть (прав.)	Более длинная кисть (лев.)	Средний палец (прав.)	Средний палец (лев.)	Нога (прав.)	Нога (лев.)
Нормальные люди	14,4	11	16,6	15,5	38,5	15,6
Преступники	5	25	10	27	27	35
Мошенники	4,3	13	13	21,7	21,7	26
Насильники	7	14,2	14,2	28,4	35,7	35,7
Преступники против телесной неприкоснов.	15	25	5	25	20	55
Воры	0	34,8	13	30,4	26	26,6
Карманники	0	35	5	30	35	25

Глава 2

ОТПРАВЛЕНИЯ У ПРЕСТУПНИКОВ И ПРОЧЕЕ

Сопротивление болевому ощущению. Сопротивление болевому ощущению — аналгезия — представляет самую значительную аномалию врожденного преступника,

не встречающуюся в такой степени даже у диких племен. Я доказал притупление болевой чувствительности при помощи моего электрического алгометра; а примеры этому существовали в большом числе и до меня.

Тюремные врачи знают, что преступники часто малочувствительны к самым болезненным операциям (например, прижигание каленым железом). Один вор перенес ампутацию ноги, не испустив никакого стона, и тотчас после операции стал играть с обрубком. Один убийца, выписанный за истечением срока наказания из каторжной тюрьмы на острове С., просил директора оставить его еще на некоторое время, когда его просьбу отклонили, он себе разорвал рукояткой большой ложки живот, затем спокойно поднялся по лестнице, забрался на свою постель и спустя короткое время умер без всякого стона.

Убийца Декурб, желавший избежать Кайенны, нарочно изранил себе ноги; излеченный от этих ран, он пропустил посредством иглы через коленную чашку волос и умер от этого. У Мандрена, до того как его обезглавили, терзали раскаленными щипцами руки и ноги в 8 различных местах, но он не издал ни одного стона. Чтобы уничтожить предательские приметы, Б. выбил себе посредством пороха три зуба; Р. содрал себе кожу с лица посредством осколков стекла.

Я видел, как двое убийц, ненавидевших друг друга издавна и сделавших друг на друга донос, на прогулке подрались, причем один укусил другому губу, а тот вырвал у противника волосы; оба потом жаловались не на раны, повлекшие за собой тяжелые последствия, а на то, что им не удалось докончить драку.

Такой аналгезией объясняются мучительные способы самоубийства, практикуемые в тюрьмах, а также наклонность к самоубийству даже у тех, которым остается всего несколько дней до освобождения из заключения, как то замечено в тюрьме Мазас. Ею же объясняются некоторые странные явления из уголовной хроники, в особенности явления, названные древними поэтами invulnerabilitas, то есть недоступностью для увечья; я обозначил бы это более

скромным и медицинским термином disvulnerabilitas преступников, то есть нечувствительностью к поранению.

Профессор Бенедикт видел в одной тюрьме разбойника из знаменитой шайки Рицца Шандора, настоящего гиганта и атлета, принимавшего участие в возмущении арестантов; он был жестоко избит сторожами, причем ему сломали несколько позвонков. Все его раны зажили, но с тех пор гигант превратился в какого-то карлика; тем не менее он продолжал работать в тюремной кузнице и употреблял в дело тот же тюремный молот, которым работал в лучшую пору расцвета своих сил.

Я наблюдал еще более поразительные случаи. Одному вору во время кражи раскололи правую половину лба ударом топора, нанесенным сбоку; через 15 дней он выздоровел без всяких последствий.

Череп того разбойника из шайки Рицца Шандора, о котором говорил Бенедикт, был прислан знаменитым пештским профессором Ленгоссеком в Рим на антропологическую выставку. Этот череп был значительно вдавлен на левой теменной кости вследствие огнестрельной раны, что не помешало этому разбойнику бороться в течение нескольких дней с русскими и австрийскими войсками, о чем свидетельствует Босаньи.

В тюрьме, где я состою врачом, один убийца-каменщик из-за выговора за какой-то незначительный проступок бросился с третьего этажа, с высоты 9 метров, на вымощенный двор. Все считали его мертвым; послали за врачом и даже за священником, как вдруг он поднимается, улыбаясь, и просит позволения продолжать прерванную работу.

Лица, обладающие указанной способностью, считают себя привилегированными и презирают нежных и чувствительных. Этим грубым людям доставляет удовольствие беспрестанно мучить других, которых они считают за существа низшие.

Таков двойной источник жестокости преступников, как это справедливо замечено Бенедиктом. Видя страдания другого, мы при помощи нашей памяти испытываем те же ощущения; на нас отражаются, так сказать, эти страдания.

Отсюда рождается сострадание, которое мы считаем добродетелью. Чем мы чувствительнее, тем более мы склонны к состраданию. При врожденном понижении чувства боли и неприятных ощущений склонности к состраданию почти не замечается.

Выделения. Оттоленги сделал в моей лаборатории несколько исследований над количеством выделяемых мочевины, хлоридов и фосфатов у 15 врожденных преступников и у 3 случайных преступников, находившихся в одинаковых условиях питания.

Врожденные преступники выделяли меньшее количество мочевины и большее против нормы количество фосфатов, а количество хлоридов оставалось без изменения.

Такие же результаты получились и в случаях психической эпилепсии, тогда как у случайных преступников не замечалось этой аномалии.

Ривано, наоборот, находил у эпилептиков во время приступа увеличенное количество мочевины и уменьшенное количество фосфатов; кроме того, в дни приступов оказывалось: в 33% — белок; в 29% — ацетон; в 87% — пептоны.

Обоняние. Оттоленги изучал обоняние у преступников. Для этой цели он составил осмометр, состоящий из 12 водных растворов гвоздичной эссенции различной крепости, от 1:50 000 до 1:100.

Свои опыты он разделил на несколько серий, делая по одной серии опытов в день при одинаковых условиях вентиляции и возобновляя растворы для каждого наблюдения с целью избежать влияния испарения.

Прежде всего, он старался найти наименьшую степень разведения, воспринимаемую обонянием. Иногда он прибегал к другому способу, а именно перемещал различные флаконы и затем предлагал испытуемому разместить их по степени интенсивности запаха.

Он делил ошибки в размещении флаконов на грубые и легкие, смотря по тому, была ли сделана ошибка в размещении флаконов на одну или на несколько степеней. Таким способом были исследованы 80 преступников (50 муж-

чин и 30 женщин) и 50 нормальных людей (30 мужчин, преимущественно из тюремной прислуги, и 20 обыкновенных женщин).

Выводы оказались следующие.

У нормальных людей средняя острота обоняния колеблется между 3-й и 4-й степенью осмометра; у преступников — между 5-й и 6-й степенью; у 44 лиц обоняние полностью отсутствовало. У нормальных мужчин замечалось в среднем 3 ошибки в распределении флаконов; у преступников — 5 таких ошибок и из них 3 грубые ошибки.

Нормальные женщины имели остроту обоняния, соответствующую 4-й степени осмометра; преступницы, соответственно, 6-й степени; у двух преступниц обоняние вполне отсутствовало; нормальные женщины делали в среднем 4 ошибки; преступницы — 5 ошибок.

Из 8 случаев отсутствия обоняния у преступников 2 случая были связаны с изменением носа; в остальных случаях было нечто вроде обонятельной слепоты: они ощущали запах, но не могли его определить, а тем более классифицировать.

Чтобы убедиться, насколько справедливо мнение, что у преступников против нравственности обоняние очень сильно развито, Оттоленги исследовал обоняние у 30 насильников и 40 проституток. У 33% первой категории найдена слепота на обоняние; у остальных острота обоняния отвечала 5-й степени осмометра.

Затем, заставив распределять различные растворы соответственно степени их крепости, он заметил у них 3 грубые ошибки.

У 19% публичных женщин он обнаружил обонятельную слепоту, у остальных острота обоняния отвечала 5-й степени осмометра.

При сравнении этих результатов с результатами, полученными у нормальных людей, оказывается, что у преступников обоняние развито гораздо слабее.

Вкус. Оттоленги исследовал у 100 преступников (60 врожденных, 20 случайных и 20 женщин) ощущение вкуса;

он сравнивал их с 20 людьми низшего класса, 20 профессорами и студентами, 20 обыкновенными и 40 публичными женщинами. Опыты свои он производил с растворами стрихнина (в разведении от 1:80 000 до 1:50 000), сахарина (1:100 000 до 1:10 000) и 10 растворами поваренной соли (1:500 до 3:100). У преступников всегда замечалось некоторое притупление вкуса.

Наименьшая тонкость вкуса встретилась у 38% врожденных преступников, у 30% случайных преступников и у 20% преступниц; в то время как для профессоров и студентов тонкость вкуса выражалась цифрой 14, для людей низшего класса — 25; для публичных женщин — 30 и, наконец, для обыкновенных женщин — 10.

Походка. Произведенные мной совместно с Перaччей исследования относительно походки по способу Жиля де ла Туре показали, что в противоположность нормальным людям у преступников левый шаг вообще длиннее правого; кроме того, шаг преступника отклоняется от осевой линии более вправо, чем влево, то есть левая ступня образует с осевой линией больший угол отклонения, чем правая ступня; эти же характерные особенности походки встречаются и у эпилептиков.

Почерк. Типические черты, найденные мной в почерке преступников, особенно убийц, были подтверждены при помощи гипнотических опытов. У молодого студента, под влиянием гипноза вообразившего себя разбойником, почерк стал грубым и неправильным с громадными t, тогда как его обыкновенный почерк отличался изяществом, тонкостью, был почти женским.

Тот же студент под влиянием внушения, что он маленькая девочка, сохранил в детском почерке некоторую грубость разбойничьего почерка.

Жесты. У преступников существует старинный способ передавать свои мысли жестами.

Аве-Лальман описал целую серию жестов германских воров — настоящий язык, исполняемый на пальцах, как у немых.

Видок говорит, что воры, подстерегая жертву, делают знак св. Иоанна, то есть подносят руку к галстуку или просто снимают шляпу.

Особенно важные исследования напечатал по этому поводу Питре.

Он описывает 48 жестов, свойственных преступникам. Такое изобилие объясняется усиленной подвижностью врожденных преступников, сходных в этом отношении с детьми.

Татуировка. Казалось бы, что после великолепных исследований Лакассаня, Марро и моих исследований нельзя сказать ничего нового по поводу этого предмета. А между тем исследования Севена, Луккьяни и Бозелли, произведенные над 4 тысячами новых преступников, дали очень интересные результаты; причем оказалось, что татуированных среди преступников в 8 раз больше, чем среди умалишенных той же страны. Необыкновенная распространенность татуировки среди военных преступников достигает 40%; среди несовершеннолетних — 33%; среди женщин лишь 1,6%, но этот процент возрос бы до 2%, если сюда включить татуировку в виде мушек наподобие родимых пятен, которые употребительны и среди богатых кокоток.

Кроме большой распространенности, поражает и самый характер содержания татуировок: бесстыдство, хвастовство преступлением и странный контраст дурных страстей наряду с наиболее нежными чувствами.

М. К. — 27 лет, осужденный по крайней мере раз 50 за бунт, драки, нанесение ран и ударов людям и лошадям; он написал историю своих преступлений на собственном теле; здесь, кстати, упомянем, что у гнусной Рони, недавно кончившей самоубийством в Лионе, все тело было покрыто татуировкой с эротическими изображениями: здесь можно было прочесть имена всех ее любовников с обозначением чисел, когда она их покинула.

Ф. С. — ломовик, 26 лет, рецидивист. На груди у него изображено сердце, пронзенное кинжалом (символ мести), на правой руке изображена кафешантанная певица, в которую он был влюблен. Наряду с этим и другими татуировка-

ми, которых из приличия нельзя здесь описать, с удивлением замечаешь изображение могильного памятника с надписью: «Моему дорогому отцу». Странные противоречия представляет человеческий ум!

Б. — дезертир, имеет на груди изображение св. Георгия и ордена Почетного Легиона, а на правой руке изображение почти нагой пьющей женщины с надписью: «Смочим немного внутренности».

К. А. — поденщик, много раз осужденный за кражу, изгнанный из Франции и Швейцарии; у него на груди изображены два швейцарских жандарма с надписью:«Vive la republique»[1]. На правой руке пронзенное сердце и рядом рыбья голова макро; это означает, что он намерен заколоть сутенера, своего соперника.

У другого вора мы видели на левой руке горшок с лимонным деревом и инициалы V. G. (vengeance — месть); это на оригинальном наречии преступников означает измену, а затем месть. Он не скрывал, что постоянной его мыслью было отомстить женщине, которая сперва его любила, а затем бросила; он намеревался отрезать ей нос; он даже отказался от услуг брата, который брался совершить эту операцию, чтобы доставить самому себе это удовольствие, когда он будет на свободе.

Из этих немногих примеров видно, что у преступников существует род иероглифического письма, не имеющего ни правил, ни постоянной формы; это письмо обусловлено повседневными явлениями и жаргоном, как это было, по всей вероятности, у первобытных людей.

Ключ очень часто означает у воров сохранение тайны, а мертвая голова — месть. Иногда фигуры заменяются точками; один преступник, подвергшийся наказанию, имел 17 точек, что означало, по его объяснению, что он 17 раз оскорбит своего врага, если тот попадется ему на глаза.

Неаполитанские татуированные преступники обыкновенно делают себе длинные надписи, но слова заменяют начальными буквами. Многие из неаполитанских каморристов

---

[1] «Да здравствует республика» *(фр.)*.

имеют татуировку, изображающую решетку, за которой находится заключенный, а под нею инициалы: Q. F. Q. P. M., то есть Quando finiranno questepene? Mai! (Когда окончатся эти страдания? Никогда!).

У других имеются инициалы: C. G. P. V. и т. д., то есть Courage, galeriens, pour voler et piller nous devons tout mettre a sang et a feu. (Смелее, каторжники, чтобы воровать и грабить, надо все подвергнуть огню и мечу!).

Уже из этих примеров видно, что татуировка употребительна в различных преступных сообществах и служит знаком принадлежности к ним.

В Баварии и в Южной Германии все воры, составляющие одну шайку, узнают друг друга по татуировке TundL, то есть Thal und Land[1]; этими словами они обмениваются при встречах; в противном случае они сами доносят полиции друг на друга.

P. — вор, имеющий на правой руке изображение двух скрещенных рук, с надписью «Union», окруженной гирляндой из цветов, рассказал нам, что эта татуировка принята многими злоумышленниками и членами преступных сообществ Южной Франции.

По объяснению, данному известными каморристами, пять точек на правой руке, ящерица или змея означают первую степень, занимаемую в этом опасном сообществе.

Прохожу молчанием, и не без основания, татуировки всех прочих частей тела.

Саллильяс обнародовал превосходный очерк татуировки испанских преступников. По его мнению, этот обычай очень распространен среди убийц, причем преобладает религиозный характер, но всегда с отпечатком наглого цинизма, замечаемого, впрочем, и у других преступников.

Недавно мне представился случай убедиться, до какой степени атавистична наклонность преступников к этой странной операции.

Один из неисправимейших воров, имеющий шесть братьев, татуированных также, и тело которого почти на-

---

[1] Земля и горы *(нем.)*.

половину было уже покрыто татуировкой самого циничного содержания, просил меня, однако, отыскать для него татуировщика, чтобы закончить то, что можно бы назвать отделкой его кожи. «Забавная, занимающая все тело татуировка, — рассказывал он, — для нас, воров, то же, что фрак с орденами. Чем более мы татуированы, тем большим значением пользуемся среди товарищей. Наоборот, нетатуированный не пользуется никаким влиянием; его не считают за порядочного мошенника, и он не пользуется уважением шайки».

Другой мне рассказывал: «Очень часто, когда мы отправляемся к публичным женщинам, они, видя богатство нашей татуировки, осыпают нас подарками и предлагают нам деньги, взамен того чтобы брать с нас».

Если все это не признаки атавизма, то атавизма не существует в науке.

Конечно, татуировку, как и другие типические черты преступников, можно встретить и у нормальных людей; но среди нормальных людей нет такого громадного процента, нет той распространенности, напряженности этого явления. У нормального человека не замечается специфического оттенка, особенного отпечатка цинизма, беспорядочного, неразумного тщеславия преступлением.

Но нам возразят, что все это не касается психологии, а лишь с помощью психологии возможно нарисовать настоящие черты преступного человека.

Я мог бы ответить, что татуировка представляет настоящее психологическое явление; я мог бы присовокупить, что Ферри в предисловии к своему сочинению об убийцах дал нам вместе с настоящей статистической психологией анализ всех преступных наклонностей и описал состояние преступника до и после совершения преступления; так, например, среди прирожденных преступников 42% всегда отрицают совершение ими преступления; а из случайных преступников, особенно преступников против телесной неприкосновенности, запираются всего лишь 21%; из первых 1%, а из вторых 2% признаются со слезами, и прочее.

Глава 3

ОБЩИЕ СВОЙСТВА. ПАТОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОГО ЧЕЛОВЕКА

Случайные преступники проявляют свойства врожденных преступников, правда в смягченной, но, однако, вполне явственной форме. Органы чувств у них притуплены меньше, рефлексы менее неправильны; аномалии (особенно черепа) встречаются реже; но всегда у них можно отыскать какие-либо индивидуальные черты, например более черные волосы у домашних воров, большее развитие левой стороны тела у мошенников; у всех них замечается сильная импульсивность и, против ожидания, более ранняя зрелость. Среди них встречается больше рецидивистов, чем среди врожденных преступников.

Достаточно указать на мошенников и карманных воров; они между преступниками самые молодые и дают наибольший процент рецидивистов, и тем не менее на них слабее, чем на прочих преступниках, отражаются особенности вырождения и наследственность.

Врожденный преступник, так же как преступник по привычке, отличается, по Ферри, от случайного преступника тем, что первых толкает на преступление внутренняя сила, приобретенная или врожденная, дающая им странное ощущение удовлетворения при совершении преступления; у последнего же нет достаточной энергии для сопротивления внешней силе, толкающей на преступление.

Все-таки, на мой взгляд, между ними разница лишь в степени; подобно тому как наряду с кретинами существуют полукретины, кретиноподобные, существует также тип криминолоидов, стоящий выше типа врожденного преступника. Это человек, который совершает преступление лишь под влиянием особенных обстоятельств. Беда в том, что всегда случайность служит началом привычки, а недостаток сопротивления ведет к тому, что, повторяя одно и то

же действие, начинают находить все большее и большее удовольствие в совершении его.

Спрашивается, почему же не все люди, которым нанесено оскорбление, убивают оскорбителя? Почему не все обманутые мужья убивают своих жен?

Случайность не порождает вора; она лишь пробуждает его, по удачному выражению Гарофало. Случайность действует лишь совместно с внутренней склонностью человека, склонностью, являющейся плодом либо наследственности, либо воспитания, либо обеих причин вместе, но, во всяком случае, под прямым или косвенным влиянием общественной среды, в которой провели свою жизнь предки преступника или он сам.

Непроявившийся преступник, честный по случайности или по внешности, есть противоположность случайного преступника. К этому типу принадлежат многие политические деятели. Весьма часто политика, общественная борьба, иногда религия служат предохранительным клапаном или, скорее, прикрывают преступные наклонности: благодаря меньшему мизонеизму[1] преступник скорее, чем честный человек, склонен к восприятию нового. Этим объясняется, почему люди, представляющие очень выраженный тип преступника, очень резкие невропатические аномалии, не только не совершали никакого нарушения общественного права, но, напротив, с высоким самоотвержением исполняли политические обязанности.

Таким же образом становится понятным то глубокое сродство, вследствие которого политического арестанта часто тянет, по словам одного из них, к обыкновенному преступнику. Впрочем, им часто случается переходить рубикон обыкновенного проступка. В истории французских революций, ирландских восстаний, старинных флорентийских возмущений часто встречаются государственные люди, бывшие ворами, убийцами, и список их длинен. Счастливы, в конце концов, злодеи. Они презирают правосудие!

---

[1] Мизонеизм — ненависть к новшествам.

Ныне, когда в европейском обществе царит истинная олигархия адвокатов, разоблачение их проступков может послужить лишь во вред обвинителю. Я сам мог бы назвать несколько всем известных участников или предводителей каморр и, в частности, одного товарища, который меня обкрадывал, будучи ребенком, молодым человеком, наконец, человеком зрелого возраста, который обладает всеми чертами врожденного преступника и пользуется тем не менее полным уважением окружающих.

Маттоиды. Не только всякому виду преступления соответствует известная форма помешательства, но нет ни одной формы помешательства, которая не платила бы своей дани преступлению. Маттоидизм в числе этих форм занимает выдающееся место. Маттоидизм — сочетание слабоумия с манией величия, представляет чрезмерное развитие гордости и честолюбия на почве слабоумия. Маттоид есть продукт скороспелой и искусственной цивилизации.

Подобно другим преступникам маттоид часто меняет свою профессию. Это — сутяга, бешеный полемист, постоянно обуреваемый навязчивыми идеями самого противоположного характера. Лицо и череп маттоида почти всегда нормальны; этот тип преобладает среди мужчин — во всей Европе я мог бы указать только на одну женщину, Луизу Мишель. Особенно часто встречается тип маттоида в больших городах, болезненно переутомленных современной цивилизацией.

Маттоид часто сохраняет привязанность к семье, даже любовь ко всему человечеству, доходящую часто до чрезмерного альтруизма; но в этом альтруизме нетрудно подметить порядочную дозу тщеславия.

Маттоиды имеют преувеличенное понятие о своих личных достоинствах, своем личном значении, причем это самомнение сильнее выражается в их сочинениях, нежели в поступках или речах; и противоречия, и горести обыденной жизни не производят на них сильного впечатления.

В их сочинениях встречается стремление к несбыточному, постоянные противоречия, многословие, и над всем этим царит хвастовство. У всех маттоидов замечается ско-

рее недостаток, чем излишек вдохновения. Деморализованные излишним развитием собственного «я», они, как и истинные гении, способны легко отрешиться от традиции и привычек, отличаются нетерпимостью. Они способны играть известную политическую роль.

Множество цареубийц — маттоиды, так же как и многие предводители партий. Источником их преступности часто служит эпилепсия; Гито, например, по всей вероятности, совершил убийство президента Гарфилда под давлением эпилептоидного припадка, разрешившегося таким преступлением. Не забудем, однако, что встречаются и добрые маттоиды, как, например, Дон-Кихот.

Глава 4

ЭПИЛЕПТИКИ И ПРЕСТУПНИКИ

I

Один из важнейших вопросов, наполовину лишь разрешенный на римском конгрессе, вопрос о совместности эпилепсии с врожденной преступностью, в настоящее время разработан более полно в исследованиях Вейга, Пинеро, Брунати, Марро, Гонсалеса, Тонино, Лукаса и моих исследованиях.

Ряд случаев скрытой эпилепсии при почти полном сохранении сознания пополнен генеалогическими исследованиями семейств, страдавших эпилепсией вследствие родства с преступниками, чахоточными и престарелыми родителями.

Сюда следует отнести новые работы Вентури по вопросу о преходящем помешательстве Крафт-Эбинга, о половой психопатии, которые, как мы доказали, часто приближаются по перемежаемости к амнезии эпилептиков.

Сходство преступников с эпилептиками замечается также в позднем появлении седых волос и плешивости, в одинаковости молекулярного обмена; это сходство допол-

няется статистикой, указывающей, что среди преступников насчитывается, по Алонджи — 14%, по Марро — 12%, а по Росси — 33% конвульсивных эпилептиков.

И эпилептикам, и преступникам свойственны: стремление к бродяжничеству, бесстыдство, леность, хвастовство совершенным преступлением, графомания, жаргон, татуировка, притворство, слабохарактерность, моментальная раздражительность, мания величия, быстрая смена чувств и мыслей, трусость, та же неравномерность в развитии по сравнению с нормальными людьми; то же тщеславие, наклонность к противоречиям, преувеличению, болезненная раздражительность, дурной характер, причудливость и раздражительность.

И сам, и вместе с моим товарищем Фриджерио я наблюдал, что во время грозы, когда у эпилептиков учащаются приступы, заключенные в тюрьмах тоже становятся более опасными: разрывают на себе одежды, ломают мебель, бьют служителей. В известных случаях у нравственно помешанных и у врожденных преступников бывает своеобразная аура, которая предшествует совершению преступления и заставляет предчувствовать его; так, например, в семействе одного молодого человека узнавали о замышляемой им краже, когда он начинал теребить нос; привычка, которая в конце концов его обезобразила.

Помрачение памяти после совершения преступления наблюдалось Бьянки у четырех нравственно помешанных; известно, что и дети — эти временные преступники —легко забывают свои дурные поступки.

В последнее время Агостини заполнил последний пробел, дававший возможность сомневаться в этой аналогии.

II

Агостини исследовал чувствительность у 30 эпилептиков до и после припадка. Количество произведенных им наблюдений достигает 103.

Он пришел к следующим выводам: чувствительность у эпилептиков вообще понижена в сравнении со здоровыми

людьми. Иногда у них чувствительность на одной стороне развита лучше, чем на другой стороне, что находится в зависимости от плагиоцефалии и повышения возбудимости одного из мозговых полушарий; после приступа эта разница увеличивается; коленный рефлекс выражен слабее, но после приступа повышается выше нормы. Вкусовое, тактильное, обонятельное ощущение всегда понижено, равно как электровозбудимость. Наоборот, острота зрения и цветовые ощущения почти нормальны; но поле зрения после приступа уменьшается.

Все это вполне сходно с тем, что наблюдается у нравственно помешанных и у врожденных преступников.

Влияние эпилепсии, однако, простирается гораздо шире; она влияет и на алкоголиков, на лиц, страдающих истерией и половой психопатией, на помешанных. Достаточно прочитать то, что прежде говорилось о мономании убийства, чтобы найти в этих случаях характерные черты психической эпилепсии. Влияние эпилепсии может быть еще обширнее, и ею, быть может, можно будет объяснить таинственные явления гениальности, что было бы очень полезно для нас, так как осветило бы случаи гениальных преступников и случаи перемежающейся гениальности у многих нравственно помешанных и преступников.

В настоящее время, по наблюдениям клиницистов и экспериментаторов, вполне между собой согласных, оказывается, что причина эпилепсии заключается в местном раздражении мозговой коры и обнаруживается то внезапными припадками, то продолжительными, но всегда перемежающимися явлениями, обусловливаемыми вырождением, или наследственностью, или алкоголизмом, или повреждением черепа и т. п. Здесь следует сделать и другой вывод, который я пытался доказать, что гениальность, быть может, есть особая форма психического вырождения, принадлежащая к группе эпилепсий. Доказательством этому может служить то, что гений часто происходит от алкоголиков, стариков, умалишенных; что иногда гениальность обнаруживается после повреждения головы; гениальность часто сопровождается аномалиями, в особенности асимметри-

ей черепа, чрезмерной или недостаточной емкостью черепа; гении часто страдают нравственным помешательством, к которому очень часто присоединяются галлюцинации; у них рано наступает половая и умственная зрелость; гении нередко страдают сомнамбулизмом; они часто кончают самоубийством, представляющим обыкновенную вещь у эпилептиков; у гениев замечаются перемежаемость, в особенности алгезии и аналгезии, наклонность к бродяжеству, набожность, которая обнаруживается даже у атеистов, например у Конта; они подвергаются часто странным приступам страха; у гениев часто замечают двойственность характера, внезапное помрачение рассудка, почти всегда наблюдаемое у эпилептиков; гений часто впадает в состояние бреда даже под влиянием ничтожных причин. Ему одинаково свойственны тот же мизонеизм, то же отношение к преступности, которое служит связующим звеном между гениальностью и нравственным помешательством. Прибавим к этому особенности восходящей и нисходящей линии гениев, слабоумных, которые встречаются постоянно в семьях гениев и эпилептиков, что мы можем наблюдать в генеалогических таблицах Цезарей и Карла V; у гениев замечается странная привязанность к животным, которую я часто наблюдал при вырождении, а особенно у эпилептиков. К примеру, Мухаммед питал странную привязанность к своей обезьяне, Ришелье — к своей белке, Кребильон, Гельвеций, Бентам, Эрскин — к кошкам, последний также — к пиявке! Шопенгауэр был очень привязан к собакам, которых он называл своими наследниками; Байрон имел целый зверинец: 10 лошадей, 8 собак, 3 обезьяны, 5 кошек, 5 павлинов, 1 орла, 1 медведя; Альфьери был очень привязан к своим лошадям

Известная рассеянность великих людей, пишет Тоннини, очень часто есть просто эпилептическое беспамятство.

Но еще более веским доказательством служит сильно выраженное бессердечие, потеря понятия о нравственности, общая всем гениям, больным и здоровым, которая делает наших великих завоевателей разбойниками крупных размеров.

Тем, кому неизвестно, как обширно господство эпилепсии, такие выводы покажутся странными; но в настоящее время известно, что гемикрания[1], перемежающиеся сциалоррея[2] и простые амнезии должны быть причислены к эпилепсии. Весьма многочисленные формы мономании не представляют скрытой эпилепсии; ибо их появление, как то показал Соваж, часто вытесняет всякий след прежде бывшей эпилепсии. Достаточно здесь припомнить массу первоклассных гениев, одержимых двигательной эпилепсией или той формой головокружения, теми болезненными приступами гнева, которые суть лишь видоизменения, эквиваленты эпилепсии; таковы Наполеон, Мольер, Юлий Цезарь, Петрарка, Петр Великий, Мухаммед, Гендель, Свифт, Ришелье, Карл V, Флобер, Достоевский, св. Павел.

Для тех, кто знаком с законами статистики, на основании которых всякое явление есть выражение многочисленного ряда аналогичных, но различных между собой фактов, такое частое присутствие эпилепсии у перворазрядных гениев, великих между великими, заставляет подозревать, что и среди обыкновенных способных людей эпилепсия распространена сильнее, чем полагали; а это дает право признать эпилептическую природу гения.

В этом отношении важно заметить, почему у таких больных великих людей конвульсивная форма эпилепсии встречается очень редко; известно, что эпилепсия с редкими конвульсивными припадками имеет психические эквиваленты, которые в данном случае являются в форме более частого и более глубокого гениального творчества.

Сходство гениальности с эпилепсией особенно поражает при сравнении эпилептического приступа с моментом вдохновения; в обоих случаях мы видим бессозна-

---

[1] Гемикрания (мигрень) — неврологическое заболевание, наиболее частым и характерным симптомом которого являются эпизодические или регулярные сильные и мучительные приступы головной боли в одной (редко в обеих) половине головы.

[2] Сциалоррея — увеличенное выделение слюны пониженной вязкости.

тельное состояние, полное деятельности и силы, которое сказывается у гениев творчеством, у эпилептиков — конвульсиями.

Окончательно убеждает в эпилептическом происхождении гениальности анализ творческого вдохновения; эпилептическая его природа была ясна даже и для незнакомых с новейшими открытиями о сущности эпилепсии. «Существует предопределение, — пишут Гонкуры, — по отношению к тем случайностям, которые влияют на выбор темы. Затем неведомая, высшая сила, особенная необходимость, заставляет вас работать и водить пером: так, что иногда книга, вами написанная, кажется вам чужим произведением. Она вас поражает, как будто вы хранили в себе что-то, о чем не имели никакого понятия. Таково ощущение, испытываемое мной перед «Soeur Philomene»»

Творческое вдохновение часто сопровождается болевой нечувствительностью, неправильностью пульса, мгновенной потерей сознания, иногда сомнамбулического характера, перемежаемостью; при этом нередко бывают конвульсивные движения, амнезии. Творческое вдохновение часто вызывается веществами или условиями, производящими или увеличивающими мозговую гиперемию; оно вызывается сильными ощущениями; и, наконец, оно может перейти в галлюцинации или следовать за ними.

Сходство вдохновения с эпилептическим приступом подкрепляется более прямым, более глубоким доказательством, исповедью самих великих эпилептиков, показывающих нам, до какой степени вдохновение сливается с эпилепсией. Такова исповедь Гонкуров, Бюффона, а особенно Мухаммеда и Достоевского.

«Есть секунды, их всего за раз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Всего страшнее, что так ужасно ясно и такая радость. Если более пяти се-

кунд, то душа не выдержит и должна исчезнуть. Чтобы выдержать десять секунд, надо перемениться физически».

Золя приводит исповедь Бальзака: «Художник творит под влиянием известных обстоятельств, совпадение которых составляет тайну. Художник не принадлежит самому себе; он — игрушка чрезвычайно своенравной силы; в известный день он и за полцарства не возьмет кисти в руки, не напишет ни строки. Вдруг вечером, полный силы, или утром, проснувшись, или среди веселой оргии пылающий уголь вдохновения коснется внезапно его чела, его рук, его языка; одно слово пробуждает мысль; она растет, развивается и крепнет. Таков художник, ничтожное орудие деспотической силы; он повинуется властелину».

Мухаммед, должно быть, подразумевал именно подобное же мгновение, говоря, что «он посетил все обители Аллаха в более короткий промежуток времени, нежели требуется для того, чтобы опорожнить сосуд воды».

Сравним теперь описание психоэпилептического приступа, который вполне соответствует физиологическому представлению об эпилепсии (возбуждение мозговой коры), со всеми описаниями творческого вдохновения, которые нам дают сами авторы, и мы будем поражены, до какой степени оба эти явления сходны.

Прибавим, что у известного числа гениев сходство с эпилепсией выражается не в виде изредка появляющихся приступов, а вся их жизнь полна психических припадков эпилепсии. Бурже замечает, что «для Гонкуров вся жизнь сводится к ряду приступов эпилепсии в промежутке между двух периодов небытия». И Гонкуры постоянно вели автобиографию. Но достаточно бросить взгляд на портрет величайшего из современных завоевателей, нарисованный Тэном, или на изображение величайшего из апостолов, данное Ренаном.

Все эти сходства объясняют нам, почему между врожденными преступниками можно встретить очень умных людей, которые тем не менее представляются кретинами нравственности и идиотами чувства.

III

Перейдем к преступникам per impeto[1], действующим под влиянием охватившей их, как громовой удар, страсти. Их немного, 5 или 6%.

Они бывают очень молоды, 18–25 лет. Чаще это бывают женщины, чем мужчины; в сущности, они очень честные, мягкосердечные люди, чувство раскаяния часто доводит их до самоубийства. К этой категории можно отнести много политических преступников и матерей-детоубийц.

Часто и они оказываются скрытыми эпилептиками. Таков молодой человек, который, желая отомстить своей любовнице, подстерег и убил ее среди бела дня, в кругу ее подруг; затем бросился на ее труп, осыпал его поцелуями; в течение нескольких часов не было возможности оторвать его от трупа.

Внезапность, бессознательность в момент совершения преступления, возбуждение, чрезмерная чувствительность, свойственная этим преступникам в той же мере, как и эпилептикам, суть звенья, связующие эти два явления.

Но для лучшего понимания этого сходства следует припомнить прекрасное открытие доктора Фере.

Фере уже установил, что у эпилептиков в периоде предвестников артериальное давление (измеренное сфигмографом Блоха) повышается на 200–300 граммов. Такое высокое давление продолжается в конвульсивном периоде; затем, с окончанием приступа, оно падает ниже нормы и в продолжение еще многих дней остается ниже нормы на 300–400 граммов. При простом эпилептическом головокружении наблюдаются те же изменения, но они менее продолжительны.

Согласно с этими данными, Фере, уменьшая давление крови посредством аппарата Жюно или же посредством горчичных ванн, достиг того, что останавливал эпилептические приступы в любой стадии; из этого он заключил,

---

[1] В состоянии аффекта *(ит.)*.

что повышение давления представляет одно из физиологических условий появления всякого рода эпилептических приступов.

Таким образом, зависимостью эпилептических приступов от повышения артериального давления объясняется, почему большое физическое напряжение или сильное душевное волнение вызывают приступы эпилепсии; при этих условиях повышается давление, что хорошо известно относительно физической работы и что в последнее время Фере установил относительно некоторых душевных движений. Он установил, что во время приступов гнева, вызываемых у эпилептиков самыми ничтожными причинами, давление повышается и может достичь высоты, которая замечается в начале истинных эпилептических приступов. Это оправдывает сближение, которое делалось между гневом и эпилептическими приступами. Затем Фере констатировал, что и при обыкновенном гневе у всех людей повышается артериальное давление; исследуя случайно извозчика тотчас после ссоры, Фере нашел у него артериальное давление равным 1100 граммам; час спустя оно упало до 800 граммов. Эти цифры показывают, что под влиянием гнева артериальное давление может повыситься на 25%; нетрудно из этого понять, как легко такие и подобные возбуждения могут вести к разрыву сосудов и сердца, если в строении этих органов существуют какие-либо повреждения. Наблюдения эти, доказывающие до очевидности сходство физиологических явлений при душевных движениях и при судорогах, бесспорно доказывают, что между этими двумя состояниями нет существенного различия. К такому же выводу пришел и Вентури на основании своих исследований над темпераментом эпилептиков, все преувеличивающим, необузданным. Движениям, не особенно порывистым, краске лица, слезам, рассуждениям нормального человека соответствуют судороги, галлюцинации, бешенство, прилив крови, бред эпилептиков. Тут все дело только в степени.

Не следует забывать, что существует одна форма эпилепсии без судорог, состоящая в головокружении. Эта форма, всего сильнее потрясающая человека, по мнению Эски-

роля, чаще обычной формы эпилепсии сопровождается наклонностью к любострастию, убийству, обману, поджогу у людей, считавшихся вполне честными до того, как они заболели. Когда у людей, особенно молодых, замечается известная периодическая перемежаемость преступных наклонностей, нельзя не предположить в них эпилептического заболевания. Труссо полагает, что если человек без всякого повода совершил убийство, то можно утверждать, что он действовал под влиянием эпилепсии.

IV

Серджи относит преступников к числу продуктов вырождения: он даже утверждает, что преступность есть синтез всякого вырождения; преступность обнаруживается весьма разнообразно, начиная от самых неясных форм и до самых выраженных, от физических черт до психических. Действительно, по его исследованиям, нет аномалии, нет болезни или другого какого-либо физического или психического признака вырождения, который бы не встречался у преступников.

Необходимо, однако, предупредить читателя, что Серджи основывает связь между индивидуальным вырождением и его причинами на дарвиновском законе выживания лучших экземпляров, одном из существенных факторов борьбы за существование. Он установил это выживание даже у слабых, из которых погибают не все, как казалось бы на первый взгляд. Слабые выжившие играют, правда, всегда низшую роль, представляют низшие существа в сравнении с теми, которые занимают нормальное положение, то есть с сильными.

Из физических и социальных условий вырождения на первом плане надо поставить наследственность; однако все причины вырождения смешиваются между собой и производят одно общее воздействие так, что влияние каждой из них в отдельности почти не поддается оценке.

Если вырождение у преступников выражается не физическими признаками, не недостатком в общем разви-

тии тела, не какой-либо наследственной или приобретенной болезнью, то оно обнаруживается в функциональном вырождении, проявляется под влиянием внешних причин, нарушающих правильность жизненных отправлений. Не проявляясь никакими внешними признаками, вырождение может сказаться в наследственности. Наконец, в общественной и частной жизни встречаются условия, пагубно влияющие на психическую деятельность, что впоследствии отзывается и на физической природе; в социальных отношениях нет такого ничтожного обстоятельства, которое, по Серджи, не оказывало бы роковое влияние на поведение преступника.

Но, говоря о вырождении преступника, мы, пишет Серджи, пользуемся только чисто родовым этиологическим понятием. Говоря, что существуют внешние и внутренние условия, влекущие за собой вырождение преступников, мы выражаем лишь общее правило, которое одинаково применимо и к другим разрядам вырождающихся индивидуумов-преступников.

Психический процесс преступления надо всегда рассматривать как болезненное явление независимо от того, страдает преступник каким-либо психическим расстройством или нет. А за отсутствием других доказательств большое значение может иметь трансформация болезненных психических процессов вследствие наследственности, тесно связывающей между собой преступность, сумасшествие и самоубийство. Преступники и сумасшедшие могут происходить от самоубийц; от сумасшедших могут рождаться самоубийцы и преступники; преступники, наконец, дают жизнь самоубийцам и сумасшедшим, часто без всякого специфического признака душевной болезни или преступности. Следовательно, болезненное состояние не уничтожается, а претерпевает превращение.

Эта циклическая, наследственная форма объясняет многие спорные пункты в вопросе о преступниках.

В высшей степени редко можно встретить в анамнезе преступника болезненную наследственность, которая не вела бы своего начала от преступления, самоубийства, су-

масшествия или какого-либо иного болезненного явления вроде эпилепсии, идиотизма и т. п.

Умственное вырождение черпает в наследственности многочисленные и разнообразные формы своих превращений. Но умственное вырождение всегда сопровождается вырождением физическим всевозможных видов, в особенности общим болезненным расстройством.

Раз эти факты установлены, является новая задача. Не имеет ли болезненное состояние преступника какой-либо специфический признак, обусловливаемый влиянием других болезней? Не есть ли это своеобразное психопатологическое состояние, могущее встретиться в чистом виде без примеси какой-либо другой врожденной или приобретенной болезни, каких-либо других психических недугов? Или же, напротив, болезненное состояние преступника является просто следствием воздействия общего болезненного расстройства на психоцеребральные отправления?

Вот что отвечает Серджи на эти вопросы, им самим поставленные.

Доказано, что не все сумасшедшие имеют преступные наклонности и что больные самых различных видов также не обнаруживают склонности к преступлениям. Однако существуют преступники без признаков душевного расстройства, и тем не менее обладающие болезненными аномалиями, которые дают основательный повод подозревать существование скрытых органических пороков.

Отсюда Серджи заключает: 1) что у некоторых индивидуумов болезненные процессы обусловливают новый патологический процесс, непосредственно влекущий к преступлениям; 2) то, что обусловливает этот специальный процесс, влекущий к преступлениям, прямо зависит от мозгового расстройства, например от душевной болезни, и косвенно от других болезненных состояний, влияющих на мозговую деятельность; 3) у иных этот патологический процесс, влекущий к преступлениям, развивается совместно с чисто душевными болезнями и эпилепсией, которые сильнее прочих болезней нарушают нормальные отправления мозга; 4) что этот патологический процесс преступно-

сти, как и другие душевные болезни, препятствует образованию определенного характера.

Таким образом, преступник находится в особых патологических условиях, обусловливаемых в большинстве случаев разными процессами или разными специальными условиями. Такое представление вполне согласуется с наследственной трансформацией болезненных состояний: безумия, самоубийства, эпилепсии, наклонности к преступлениям и т. п.

V

Вирлио, напечатавший недавно этюд о маттоиде цареубийце Пассананте, диагноз которому я поставил 12 лет тому назад, приходит к следующим весьма важным выводам относительно природы преступности:

1) преступные наклонности передаются наследственно от родителей к детям и вообще от выживающих по прямым и боковым линиям, что указывает, по всей вероятности, на зависимость этих наклонностей от особенностей организации;

2) эта организация должна считаться ненормальной постольку, поскольку она носит на себе отпечаток всех тех признаков вырождения, которые доказывают, что эмбриональное происхождение и последующее развитие человека чрезвычайно далеки от физиологической нормы;

3) преступность весьма часто развивается на почве наследственности, более или менее близкой к сумасшествию; поэтому мы видим, что она, подобно сумасшествию, зарождается и вырастает в подонках преступной расы. Должно признать, что происхождение обоих явлений тождественно и имеет источником ненормальное душевное состояние, проявляющееся то одним, то другим способом;

4) что это в действительности так, доказывается двояко: во-первых, сумасшествие часто проявляется во время разгара преступной деятельности; во-вторых, преступные наклонности часто проявляются в течение различных ду-

шевных болезней, которые сами по себе не способствуют проявлению преступных наклонностей;

5) так как оба явления имеют источником наследственность, то их сущность должна быть тоже по необходимости одинаковой; и так как сумасшествие есть болезнь, то, следовательно, равным образом и преступность есть также болезненное явление.

VI

Новые исследования Росси доказывают с математической точностью полное соответствие между такими преступлениями, как бунт, убийство и изнасилование, и градусами широты данного места, оставляя, конечно, в стороне большие города, где множество других влияний затемняют влияние климата. Такое же влияние широт обнаруживается и при восстаниях, которые суть не что иное, как бунты в больших размерах (см. нижеследующую таблицу).

Прекрасные исследования Корра доказывают, что в теплых странах количество преступлений вдвое больше в холодное время года, чем в жаркое время.

Этот излишек приходится, по Корру, на долю преступлений против собственности, если включить сюда весьма многочисленные поджоги; но если по примеру многих криминалистов исключить поджоги, а также преступления смешанного характера, в которых преобладает насилие над личностью, то на холодное время года придется больше преступлений против личности.

Кривая преступности стоит в зависимости от минимальных температур, причем параллелизм обеих кривых настолько определенно выражен, что в той и в другой заключаются одинаковые колебания от марта до мая и от июня до августа, соответственно периодам правильного колебания температур в зависимости от ветров и дождей.

Нельзя думать, что климатические изменения влияют на социальные условия жизни и таким образом регулируют количество преступлений: в тропических странах сум-

ма потребностей относительно очень невеликая, почти не изменяется в течение целого года.

В тропической местности с высокой и одинаковой температурой, как в Гваделупе, жара скорее ослабляет, нежели придает сил; скорее притупляет, чем возбуждает, и организм как бы возрождается к деятельности тогда, когда средняя температура становится если не более умеренной, то по крайней мере более разнообразной благодаря крайне большим колебаниям в температуре известного времени года; умственные силы, дремлющие с июля по ноябрь, оживляются с декабря по май. Со свежестью первой четверти года у лиц предрасположенных разгорается наибольшая сила преступности.

Корр, сравнивая типы моего альбома, сумасшедших и вырожденных, описанных Морелем и Моро, был поражен сродством, которое представляют эти обе коллекции.

Он придает большое значение громадному проценту черепных и мозговых асимметрий, констатированному всеми наблюдателями, как у преступников, так и у сумасшедших.

По его исследованиям и по исследованиям доктора Бусселя, асимметрия встречается у 60% убийц, у 63% мошенников и злостных банкротов, у 70% преступников против нравственности.

По отношению к убийствам Корр отмечает возбуждение умов, расположенных к преступлению, печатью. На один случай, где это влияние очевидно и неопровержимо, как в деле Обертена, приходится тысяча случаев, прошедших незамеченными; далее Корр объясняет подражанием увеличение количества рецидивистов и возрастающее число преступников-юношей.

«В том возрасте, — говорит он, — когда нет еще опытности и мозг легче всего воспринимает и сохраняет получаемые им впечатления, стремление к подражанию достигает высшей степени и играет самую выдающуюся роль в совершении преступления». Значение подражания изучено весьма тщательно Тардом в его последних трудах по криминологии.

Глава 5

ПРЕСТУПНИКИ В ТЮРЬМАХ

I

Тюремная бюрократия, отличающаяся если не слепотой, то всегда близорукостью, считает обитателей тюрем, а в особенности одиночных камер, за настоящие человеческие обрубки, без рук, без ног, без голоса; а между тем в числе этих несчастных есть люди, одаренные более тонкими чувствами, чем можно бы предположить. Их деятельность, их голос и даже самые затаенные помыслы выступают повсюду: на стенах, на кроватях, на посуде для питья, на их коже и даже на влажном песке, который они топчут во время своих прогулок.

Чувства их выражены чаще всего на книгах, которыми их снабжают слишком скупо благотворители, полные благих намерений.

Я собираю рукописи преступников, в которых нельзя, конечно, подозревать притворство, столь часто встречающееся в официальных беседах. Изучая преступников в течение 20 лет, я тем не менее никогда не подозревал тех ужасов, которые открыл в этих рукописях!

Судите по этим отрывкам, взятым наугад:

«Горе тому, кому приходится изведать одиночное заключение; лучше умереть. Необходимо употребить все усилия для побега, так как лучше жить в лесу дикарем или в пустыне».

«Когда тебя будет допрашивать судебный следователь, притворись сумасшедшим; тогда тебя отошлют в сумасшедший дом, откуда ты сбежишь. Что касается меня, то я благодарю Господа Бога! Я счастливее св. Петра! За мной услуживают, как за принцем. Вот так пир! Здесь живется лучше, чем в деревне».

На книге под заглавием «Жизнь Леонардо да Винчи» надписано:

«Леонардо был столь же несчастлив в любви, как и я; но он сделался великим живописцем, а я сделался известным вором. Я приобрел большую известность, заставил занести свое имя и приметы в тюрьмах по крайней мере сорок раз, а между тем и я любил во дни моей юности».

«Как я несчастен! Я невиновен, а меня держат здесь за то, что я убил человека (sic!), в то время как на свете людей даже слишком много».

«Дурак тот, кто умирает за отечество!»

Интересна насмешка над тюрьмой в ответе другого заключенного:

«Прощай, Гектор! Ахилл тебе кланяется. Кто беден, тот расплачивается за всех. Одиночное заключение есть утонченное варварство в полном расцвете XIX века».

«То, что говорит этот заключенный, — неверно. Напротив, с нами обращаются слишком хорошо; слишком заботятся о заключенных. Он хотел бы, чтобы его пустили гулять на дворцовой площади, или позволили играть в карты и на бильярде, или, еще лучше, отправиться к госпоже Гостальде. О, безумный! В таком случае тебе не следовало попасть в эти стены».

Друг разума и правосудия!

«О, уложение! Как тяжело ты караешь мошенничество, тогда как правительство со своими лотереями само мошенничает. Меня осудили на 10 лет за покушение на убийство женщины, которую я считал порядочной, но она таковой не оказалась, и я из-за нее просидел в тюрьме шесть месяцев. Выйдя из тюрьмы, я поклялся убить ее и нанес ей два удара ножом. Эта презренная еще жива, и я об этом сожалею».

«Как только тебя выпустят, отправляйся в Марсель, на улицу... № 9 и потом вместе с Б. отправимся в Нью-Йорк; работая там сообща, с энергией, мы составим себе состояние».

«Красавица моя больше меня не навещает! Когда я выйду, я ее поцелую зубами».

«Хотя мне всего 15 лет, но описание моей жизни и моих странствований составило бы целый том. Я начал с

9 лет. В первый раз я был осужден на 1 месяц; во второй раз на две недели, а в третий — на год!»

Нечто вроде завещания, написанного одним заключенным, известным вором, пытавшимся повеситься; его спасли:

«Я всегда воровал и буду воровать всегда, потому что так уже мне на роду написано. Бумага, на которой я пишу, украдена. Чернильница и перо — также; даже веревка, на которой я собираюсь повеситься, и та украдена. Я более несчастен, чем испорчен. Я имею несчастье не владеть собой и подпадать под влияние других; я одинаково способен на хорошее и на дурное, смотря по тому, что мне внушат. Ах! Почему Бог посылает мне постоянно людей, склоняющих меня на зло. Совершивши новый проступок, которого я клялся не совершать, я сделал это не по моей воле, а вследствие внушения негодяя, который воровал вместе со мной, а впоследствии ради собственной выгоды донес на меня полиции; убежденный, что я не имею силы противиться пороку, который побуждает меня желать и присваивать чужое добро; будучи клятвопреступником; зная, что мне предстоит явиться на суд присяжных и замарать в грязи имя, которое мой отец носил с гордостью, я почувствовал отвращение к жизни; и вследствие всех этих соображений, а также по другим причинам я решился умереть 26 мая, так как это — годовщина моего первого ареста».

«Вот уже четвертый раз я являюсь сюда, всякий раз невинный и чистый, как грязная вода. На этот раз меня поймали с отмычкой. Эх, бедные воры! Их следовало бы отправлять в «Таверну Мавра», а не в новую тюрьму. Прощайте, друзья мои!»

«Эти люди смеются, а я напрасно вздыхаю о моей свободе. Я невинен, а они не верят этому. Как это милосердный Бог не накажет их.

Справедлива, видно, пословица «Кто сеет добро — пожинает зло, а кто сеет зло — пожинает добро». Это жестоко — быть невинным и страдать в одиночном заточении. Разве вы не понимаете, ослиные головы, что я невиновен. Уж не хотите ли вы, чтобы я околел?»

«Почему мне никогда не удаются кражи? Я всегда сижу за воровство в этой позорной тюрьме. Бедный, несчастный Кажо!»

«Здесь покоятся бренные останки бедного Тюбана, который, соскучившись воровать в этом мире, отправился совершать кражи в другой мир. Весьма довольные родители пусть помянут меня!»

«Весьма вам преданный Тальбо, предводитель шайки. Я был всегда порядочным человеком и пробыл уже 20 лет на каторге. Я снова в тюрьме, и на этот раз меня присудят к пожизненной каторжной работе. И все это за добро, которое я оказывал ближним. Я убил всего шесть человек; я их удалил из этого мира, так как они слишком много страдали. Я ограбил жилища многих крестьян и затем сжег их. Все ради куска хлеба».

«Старайтесь всегда украсть сколь возможно больше, так как мелкие кражи наказываются всего строже. Слушайте, друзья! Если вы воруете, то воруйте много и осторожно, чтобы не попасться. Все на свете можно украсть. А чтобы выйти сухим из воды, не надо быть дураком. Бог вложил в нас инстинкты, которыми мы должны пользоваться, существуют люди, одаренные наклонностью сажать нас в тюрьмы. Таким образом, мир создан для того, чтобы вечно нас забавлять».

«Лишь только я выйду из тюрьмы, я опять буду постоянно воровать, даже под страхом постоянного житья в тюрьме».

«О, воры! Эти мерзавцы-судьи губят ваш промысел. Не падайте, однако, духом, продолжайте ваше дело».

«Милый друг, посылаю тебе эти две строчки, чтобы сообщить, что я нахожусь в тюрьме. Так как я здесь одинок, то, прошу тебя, соверши какой-нибудь проступок, чтобы присоединиться ко мне, вдвоем время проходит незаметно; а когда нас отправят на каторгу, мы станем рассказывать друг другу нашу жизнь».

«Прощайте, друзья! Мужайтесь. Судьи — это шайка негодяев без убеждений: они сами не знают, что они делают, и жаждут лишь денег».

«Лукав человек, и все его друзья должны не воровать, а убивать».

Наблюдение Жоли над чтением французских узников дополняют эти документы и показывают, в какой мере тюрьмы являются очагом развращения, источником закоренелости, вместо того чтобы быть исправительными учреждениями.

II

Вот несколько выдержек из книги Готье: «Как гимнастика, — пишет он, — влияет не только на величину и упругость мышц, но и на их форму, даже в известных границах на их взаимное расположение (доказательством могут служить фантастические телодвижения клоунов) и на их химический состав, точно так же несовершенства исправительного режима, неуместность превращать узника при помощи дисциплины в машину, смешение различных категорий преступников, однообразие ощущений, преобладание страха и скуки, плохая пища, обязательное молчание, даже освещение — почем знать, это бледное освещение, особенный полусвет в коридорах и на тюремных дворах — могут, как мне кажется, в течение продолжительного времени оставить след на лице, на глазах, на мозге, на ходе мыслей заключенных и в конце концов произвести складки у рта, нахмуривание бровей, нервные гримасы, блуждающий взгляд, странности в жестах и движениях, которые нас так сильно поражают.

Одним словом, в сумраке темницы и под гнетом исправительной дисциплины человек получает облик тюремного сидельца, подобно тому как при других условиях жизни человек получает облик священника, причем атавизм не играет никакой роли.

Лишь таким способом можно понять, почему некоторые заключенные, далеко не закоренелые преступники, доходят до того, что не могут жить иначе как в тюрьме и чувствуют себя вне тюрьмы, как на чужбине; стремятся об-

ратно в заключение подобно раненой дичи, кружащейся на одном месте».

«Считаю нелишним объяснить, что я не говорю о чудовищах, для которых преступления, несмотря на всю опасность, представляются в такой мере жизненной карьерой, в строгом смысле слова, что они считают их «работой», я говорю не о тех, которые вследствие врожденного предрасположения или вследствие ранней испорченности и неимения иных средств к существованию, кроме грабежа, проституции и убийства, грабят и режут подобно тому, как другие люди пилят дрова, куют железо, ткут сукно, копают землю или марают бумагу; они подготовляют кражу и убийства с важностью и спокойствием купца, обдумывающего коммерческое предприятие».

«Для этого своеобразного населения тюрьма является каким-то печальным, неизбежным предопределением. Это — неудобство, связанное с профессией. Тюрьмы ждут, с мыслью о ней примиряются заранее подобно тому, как средневековый разбойник ждет и мирится с мыслью, что в какой-нибудь несчастный день он повиснет «высоко и коротко»; подобно тому, как рабочий или крестьянин ожидает, мирится с мыслью, что когда-нибудь да придется идти в солдаты; подобно рудокопу, ежеминутно готовому погибнуть от взрыва.

Но даже и тем, которых случай забросил в тюрьму, которых в несчастный день постигло затмение, и тем не удается впоследствии восстановить свою сбитую с прямого пути жизнь; слабые, бесхарактерные «неудачники», вовсе не рожденные ни для преступлений, ни для тюрьмы, быстро вовлекаются в эту шестерню».

«Меня всегда поражал, — пишет Валлес, — почтенный вид старых каторжников».

В сущности, оставив в стороне парадоксальность формы, мысль, в ней выраженная, вполне верна.

«Почтенный вид» сказано, может быть, несколько сильно. Следовало бы сказать — «спокойный вид». И это неудивительно! Уверенность в куске хлеба, обеспеченная жизнь, никакой заботы о завтрашнем дне, никаких обязанностей,

кроме спокойного послушания, подчинения установленному режиму; чувство, что ты не что иное, как животное, приводящее в движение машину, лишь бессознательное колесо механизма — разве это не идеал для массы тупых лентяев? Нирвана! Автоматизм! Да у индусов это рай. «А тюрьма — это нирвана, где, сверх того, еще кормят».

Кормят дурно, это правда; и обращаются несколько грубо и деспотически... Но сколько есть честных людей, для которых борьба за существование еще более сурова, и притом существование, по крайней мере, гораздо менее обеспечено.

«Стоит лишь побороть первоначальное отвращение, а там мало-помалу тюремное заключение становится целью жизни».

Мне известен один из самых характерных фактов, который я сам видел и слышал.

В 1883 году отбывал в центральной Клервосской тюрьме наказание некто Т., эльзасец, отставной армейский офицер. Он исполнял в тюрьме должность главного счетчика.

В первый раз он попал в тюрьму за пьянство; сидел в тюрьме четыре или пять раз.

В конце 1883 года истекал срок его пятилетнего заключения, к великому его огорчению. Подумайте, в Клерво он пользовался действительно завидным положением: больничная порция, относительная свобода, возможность блуждать по целым дням по всему заведению (которое занимает в окружности около 4 километров), всеобщее уважение со стороны заключенных и со стороны хозяйственного комитета, который не мог обойтись без услуг человека, по привычке знавшего лучше всякого другого весь служебный механизм.

Тогда Т. чистосердечно пишет директору тюрьмы письмо следующего содержания:

«Милостивый государь! Вы меня знаете: знаете, кто я, чего я стою и насколько могу быть Вам полезным. Меня скоро выбросят на свободу: я не буду знать, что делать. Не успею я проесть свой заработок, в последний раз кутнуть, как я снова дам себя арестовать. Будьте любезны, прошу

Вас, как только меня снова присудят к тюремному заключению на несколько лет, вытребуйте меня к себе, в Клерво; я Вас извещу о времени и месте; а в ожидании этого сохраните за мной место. Ни Вам, ни мне не придется каяться в такой комбинации».

Отсюда парадоксальный вывод, что тюрьма, против ожидания, устрашает и пугает лишь тех, которые вовсе в этом не нуждаются и которым не предстоит вовсе туда отправиться.

«Я даже думаю, — прибавляет автор, — что тюрьма — это своего рода теплица для ядовитых растений и что тут-то главным образом и собираются и упражняются рекруты армии преступников».

Сколько несчастных, согрешивших всего раз, в минуту самозабвения, умопомрачения, погибли безвозвратно, переступив через порог лишь первого круга этого ада!

Так было почти со всеми, которых я могу припомнить, оглядываясь на прошедшие передо мной случаи; вместо исправления тюрьма портила их до мозга костей; испорченность их росла, казалось, с наказанием. Запятнанная совесть, понятие о добре и зле становились все смутнее и готовы были вовсе исчезнуть из памяти. С этой минуты они погибли вполне. Их поймают вновь не с рукой, опущенной в чужой карман, а обагренных кровью. Тогда их задавят, как отвратительных клопов, между двумя листами уголовного уложения, которого прочитать, впрочем, им не давали.

В настоящих тюрьмах все приспособлено к тому, чтобы уничтожить личность, лишить ее мысли, обессилить ее волю. Однообразие тюремных порядков, направленных к тому, чтобы всех перелить в одинаковые формы, рассчитанная строгость и монашеская правильность жизни, где нет места случайности; запрещение всяких сношений с внешним миром, за исключением коротеньких банальных писем раз в месяц, — все это, повторяю, вместе с убийственными, скотоподобными прогулками гуськом, точно краснокожие индейцы, все это направлено к тому, чтобы сделать из заключенных машину, бессознательных автоматов.

Уясните себе твердо следующее: за исключением некоторых почтенных и весьма редких в высшей тюремной администрации личностей, для большинства тюремных начальников идеалом «хорошего арестанта» служит рецидивист-ветеран, «абонент», которого не приходится уже воспитывать; приобретенная им покорность служит залогом спокойствия; таков главный счетчик в Клерво. К таким типам лежит сердце директора тюрьмы; для них главным образом допускаются разные льготы и снисхождения.

Несчастье, однако, в том, что этот хороший шаблонный арестант не замедлит, благодаря указанному режиму, стать столь же неспособным сопротивляться своим товарищам, прирожденным преступникам или профессиональным злодеям, сколько и начальству, противостоять искушениям, безнравственным побуждениям.

Он знает лишь одно — подчиняться... кому бы то ни было. Он потерял всякую силу сопротивления, всякую гордость. Он стал мягкой массой, готовой запечатлеть малейшее давление.

Привыкший к готовому куску хлеба, к тому, чтобы иметь руководителя, быть управляемым, как машина или скот, который гонят на убой, к тому, чтобы исполнять назначенную работу, он лишен всего, что необходимо в борьбе за существование.

В заключенном сохраняется лишь наклонность к преступлению и разврату, плод взаимного специального обучения, которому он подвергается. Не без основания на жаргоне преступников тюрьма называется «школой». Наконец, волчий паспорт — неразлучный спутник заключенного, достаточный для того, чтобы закрыть все двери, лишает всякого способа честно заработать кусок хлеба.

Прибавить ко всему этому манию доноса, шантажа, лживость и хитрость и все прочие специальные пороки, приобретаемые или развивающиеся в тюрьме.

Заметим, что нет ни одной человеческой страсти, природной или искусственной, начиная пьянством и кончая любовью, которая не нашла бы себе в тюрьме по крайней

мере подобие удовлетворения. Я рассказывал уже о банщике в Клерво, страстном курильщике, который думал спастись от этой страсти за непроницаемыми, высокими тюремными стенами. Я мог бы указать на тех, которые за неимением водки пьют древесный спирт, лак, серную кислоту и прочее.

Желательно было бы поэтому, чтобы всякий заключенный в продолжение известного, более или менее продолжительного промежутка времени подвергался так называемому в домах для умалишенных «периоду наблюдения».

Лишь после такого испытания его можно было бы окончательно «классифицировать», то есть поместить в ту группу, к которой он наиболее подходит по своему характеру, воспитанию, по своим прежним склонностям, степени нравственной зрелости. Этим, конечно, не уничтожилась бы опасность взаимного заражения; но эта опасность была бы по меньшей мере доведена до минимума; были бы уничтожены по крайней мере заразные гнезда, порождаемые господствующим порядком с его обязательным смешиванием всех различных категорий в одну общую массу.

Само собой разумеется, что высшей тюремной администрации будет принадлежать чрезвычайно трудная обязанность классификации преступников. Но никто не обладает такой опытностью и беспристрастием, как директора тюрем, живущие среди арестантов, судьбу которых они решают, изучая каждого в отдельности неделями, месяцами, даже годами.

Относительно возможности произвола скажу, что скорее его можно опасаться в суде, нежели в тюрьме. Судья может осудить несчастного за дурное выражение его лица, вследствие случайностей, с которыми связан допрос, на основании фактически подобранных документов, поверхностно произведенного следствия или случайного инцидента во время заседания. Тут то же различие, как и между учителем, ценящим учеников по отметкам целого учебного года, в течение которого он, не торопясь, изучал учеников каждого отдельно, и экзаменатором, которому приходится оценивать по случайному ответу.

Наконец, ничто не мешает присоединить к тюремным директорам нечто вроде присяжных из врачей, адвокатов, администраторов — словом, из самых уважаемых лиц данной местности.

Осужденный, иначе говоря человек, которого признали настолько опасным, что оказалось необходимым избавить от него общество, оставался бы в тюрьме не на заранее определенный срок, соразмеренный более или менее произвольно с тяжестью проступка, но до тех пор, пока он не выполнил бы того, что можно бы назвать «нравственной задачей». Заключение продолжалось бы до тех пор, пока он ценой своего труда не искупит вреда, причиненного его проступком частному лицу и обществу, до тех пор, пока он не выкупит себя, пока не заслужит своей свободы, помилования и даже восстановления прав.

Это, в сущности, не что иное, как расширение принципа условного освобождения.

Но где гарантия того, что арестант таким образом не останется навсегда «servus poenae»[1] без надежды, без упования?

Эта гарантия могла бы заключаться в праве каждого заключенного переносить дело против тюремного начальства в известные сроки и при известных условиях, в состязательном порядке и при содействии защитника на усмотрение вышеупомянутых присяжных, которые и произносили бы свой окончательный приговор.

Надо прибавить, что в «период наблюдения» арестант должен был бы находиться в одиночном заключении с тем условием, чтобы одиночное заключение, об ужасах которого и не догадываются те, которые с такой предупредительностью его рекомендуют, никогда не продолжалось дольше одного года.

Что же касается неисправимых, неизлечимых чудовищ, да простят мне сентиментальные читатели, какова бы ни была причина их настоящего состояния, будь то наследст-

---

[1] Государственным рабом *(лат.).*

венность, роковое влияние окружающей среды, — для них единственным рациональным режимом является ссылка.

Это те же мысли, которые начертала на своем знамени новая школа. Но мне возразят: ведь это слова бывшего арестанта, который не может быть беспристрастным в данном деле. Конечно; прочитайте, однако, нижеследующие прекрасные строки главного тюремного директора Принса. Вас поразит удивительное сходство взглядов этих двух писателей, занимающих столь различные положения в свете.

III

Бельгийский закон, пишет Принс, допускает одиночное заключение. Его цель — способствовать нравственному возрождению преступника, устраняя его от вредного влияния других арестантов и оставляя его лишь в обществе честных людей.

Но везде, на всем свете — это теория. Посмотрим, однако, на действительность. Повсюду предполагаемые реформаторы, которые должны служить для заключенных образцом здоровых элементов общества, суть тюремные служители, то есть, вообще говоря, преданные своему делу люди, но набранные из того же слоя общества, к которому принадлежал и осужденный; иногда это выбитые из колеи люди, не имеющие занятий, вынужденные служить за ничтожное жалованье, едва достаточное для прокормления семьи; они сами живут почти так же, как живет заключенный.

Нигде этот персонал, не оплачиваемый так, как он того заслуживает, не набирается из кого следует. К тому же число надзирателей всегда недостаточно. По теории на каждого арестанта нужно было бы иметь несколько надзирателей, преданных делу возрождения падших и неуклонно трудящихся; взамен того на 25–30 арестантов приходится один надзиратель. Эти надзиратели по необходимости успевают только заглянуть в одиночную камеру, осмотреть работу заключенных и проверить, соблюдаются ли установленные правила.

Прибавьте к этому быстрый обход наставника или священника, и вы получите все, к чему сводятся усилия к нравственному возрождению и улучшению преступников.

Госпиталь для нравственно-больных, образцовое учреждение, о котором, быть может, мечтали квакеры Говард и Дюпетье, еще очень далек от нас. Теперь у нас царят одиночное заключение и сухой формализм; а разве мыслимо, чтобы человек низшего класса мог возродиться только под влиянием одиночного заключения и дисциплины?

Одиночество, на которое осуждаем мы себя добровольно, — о, конечно, оно может возвысить душу поэта, которому опротивел весь свет и который ищет убежища в жилище идеалов. Но для несчастного преступника одиночество имеет последствием то, что он предоставляется вполне во власть своему скудному воображению и другим инстинктам и нравственно падает все ниже и ниже.

Большинству бродяг, людей, выбитых из колеи, нравственно расшатанных, наполняющих тюрьмы, недоставало порядочной среды, примеров солидной нравственной поддержки, может быть, привязанности. А в них убивают последнюю искру общественного инстинкта и мечтают заменить и общественную среду, и все, чего им недостает, кратким посещением надзирателей, набранных из подонков общества.

Разве детей, которых учат ходить, держат постоянно на помочах и внушают боязнь упасть и необходимость опираться на других?

Разве мыслимо приучить человека к общественной жизни, заключая его в одиночную камеру, то есть антитезу общественности, лишая его всякой нравственной гимнастики, регулируя до малейших деталей весь его день с утра до вечера, все его движения и даже мысли? Не значит ли это ставить его вне житейских условий и отучать его от пользования свободой, к которой его следовало бы приучать? Как под предлогом нравственного перевоспитания заключают в тесную камеру дюжего крестьянина, привыкшего к простору полей и тяжелой крестьянской работе; ему

дают какую-нибудь ничтожную работу, совершенно недостаточную соразмерно с его физической силой; его предоставляют на попечение надзирателей, стоящих иногда ниже его по социальному положению; так держат заключенного долгие годы и, когда его тело и ум потеряли всякую гибкость, перед ним открывают тюремные ворота, чтобы выбросить его, ослабленного и безоружного в борьбе за существование. Не говорим уже о том, что всякое наказание с течением времени теряет свою тяжесть, и наступает время, когда пребывание в тюрьме, становясь привычкой, теряет всякое положительное значение.

Не надо забывать, что, конечно, в тюрьмах находятся неисправимые, испорченные рецидивисты, отбросы больших городов, которых необходимо изолировать, но также находится много преступников, ничем не отличающихся от других людей, живущих в тех же самых условиях вне тюрьмы.

Разве не от случайного состава присяжных зависит иногда свобода или заточение гражданина? Разве мы не видим, что преступления из ревности, совершенные при совершенно одинаковых условиях, оканчиваются то оправданием, то осуждением? Разумно ли, спрашиваю я еще раз, применять такие противоестественные меры к людям, ничем не отличающимся от нас? Если бы речь была о том, чтобы сделать из них хороших учеников, хороших солдат или работников, разве мы стали бы применять способ продолжительного одиночного заключения? Каким же образом способ, осужденный ежедневной житейской практикой, становится полезным с того дня, когда суд произнес свой приговор?

Физиологический и нравственный вред долгого одиночества очевиден; этот вред стараются смягчить величайшей гуманностью во внешних приемах, часто доходя до того, что из боязни нанести ущерб хорошим людям доводят филантропию по отношению к дурным людям просто до абсурда.

В Голландии, например, в Хорне заключенные получают утром для утреннего туалета горячую и холодную воду; к их услугам рекреационный зал и игра в домино; в день

именин короля для них устраивается фейерверк. В Америке, в Эльмире, арестантам доставляются музыкальные развлечения; в Томастоне им разрешают устраивать митинг для протеста против смертной казни; в Иллинойсе они получают пудинги, бисквиты, пирожное, мед. Словом, удаляются от истинной справедливости настолько же далеко, насколько были от нее далеки старые поборники пыток.

Из всего предыдущего видно, в какой мере необходимо изменить наши взгляды на тюремное заключение; насколько необходимо юристам знакомиться через непосредственное общение с преступниками, с их истинными наклонностями, прежде чем устанавливать закон.

IV

Саллильяс знакомит нас с совершенно оригинальным типом преступников, присущим специально Испании.

В Испании существуют presidios[1], где преступники имеют отношения с населением в том же роде, как сумасшедшие Гелльской колонии в Бельгии. Своеобразный и в высшей степени характерный обычай в испанских тюрьмах — это cucas. Так называется платоническая любовь, питающаяся одними письмами.

Заключенные обоих полов, не знающие друг друга, не видевшие друг друга ни разу, заводят между собой правильные сношения при посредстве очень остроумных и любопытных приемов. Посредством писем они знакомятся, влюбляются, женятся и разводятся. Они становятся cucas. Иногда мужчина cuco предлагает своей возлюбленной найти подругу для кого-нибудь из своих друзей, и vice versa[2].

Они при этом переживают все волнения сильной страсти; ревнуют и иногда дерутся из-за своих неведомых возлюбленных. Cuca очень гордится крупным преступлением своего друга; если он умирает, она считается вдовой.

Вентра изучал в Неаполе sfregio— это рубец от удара бритвой, нанесенного по строго определенным правилам.

---

[1] Тюрьма *(исп.).*

[2] Наоборот *(лат.).*

Все в этом преступлении оригинально: среда, где оно применяется (каморра), возраст преступников, положение жертвы.

Рубец в форме креста — это знак бесчестия для изменников, примкнувших к полиции, для заподозренных в шпионстве. Чаще всего наносят такой рубец женщинам — достаточно, чтобы женщина была кокеткой или даже просто хорошенькой. Такое покушение ничуть не мешает любви — напротив, после этого любовь становится крепче. Пострадавшая гордится рубцом, доказывающим, что из любви к ней решились даже на преступление.

Наносящий удар всегда молодой человек; после 30 лет сами не совершают таких преступлений; это дело поручается более молодому, который после такого покушения вырастает в своих собственных глазах и во мнении той среды, где он живет. Если он принадлежит к каморре, то его повышают, или принимают в нее, если он к ней еще не принадлежал.

Sfregio несвойственно исключительно какому-нибудь одному классу или сообществу злодеев. Хотя большинство виновных в таком преступлении носят на себе отличительные признаки преступников, но преступление это распространено среди честного простонародья, среди мелкой буржуазии и даже высших классов; ибо всякий класс дает известный комплект ненормальных людей. В Сицилии не наносят таких ран, там убивают.

Глава 6

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ДЕТОУБИЙСТВО И ПРОЧЕЕ

I

Уже на конгрессе по уголовной антропологии в Риме я и мой товарищ Лаши сообщили результаты наших первых исследований о политических преступлениях; мы резюмировали антропологические, физические и социальные

факторы, которые заставляют человека стряхнуть с себя свойственную ему инертность, забыть свою ненависть к новшествам и стремиться к политическим революциям и связанным с ними особенным преступлениям.

Дальнейшие исследования дозволяют нам изложить более подробно действие некоторых наиболее важных факторов.

Прежде всего заметим, что политическое преступление с антропологической точки зрения представляет не столько покушение на известную организацию, сколько страстное сопротивление могущественному политическому, религиозному и социальному мизонеизму большинства.

Действительно, принимая во внимание, что органический и человеческий прогресс идет медленно, посреди могущественных препятствий, вызываемых внешними и внутренними причинами, и что человек и человеческое общество инстинктивно консервативны, следует признать, что попытки ускорить ход процесса, выражающиеся в порывистых насильственных действиях, не представляют физиологических явлений, и хотя они иногда являются необходимостью для угнетаемого меньшинства, но с юридической точки зрения такие попытки суть антисоциальное явление и, следовательно, преступление.

Но здесь надо различать революции, которые медленно развиваются, подготовляются, представляются неизбежными, наступление которых, быть может, ускоряется каким-нибудь гением или сумасшедшим, и восстания, представляющие лишь продукт быстрого и искусственного высиживания при чрезмерной температуре, преждевременное появление зародыша, осужденного поэтому на верную смерть.

Первые можно назвать физиологическим явлением, вторые — патологическим; первые никогда не считаются преступлениями, потому что общественное мнение их санкционирует и оказывает им поддержку; вторые же всегда равносильны преступлению, ибо они представляют обыкновенный бунт в больших размерах.

Затем существуют промежуточные стадии: это суть революции, хотя и вызванные действительной необходимостью, но преждевременные. Такие революции кончаются, однако, победой; но в ожидании, пока наступит время их признания, они считаются, само собой только временно, преступлением, которое в ближайшем будущем затем становится героизмом и даже мученичеством.

Наиболее могущественный фактор революций и восстаний — это климат.

II

Раса. Уже Лебон указал громадное влияние расы на революции.

Во Франции он заметил разницу в характере брахицефалов и долихоцефалов — первые будто бы преданы традициям и однообразию, словом, консерваторы, вторые — революционеры. Но он преувеличил.

В действительности существуют долихоцефалические народы (египтяне, негры, австрийцы, сардинцы и др.), мало склонные к революциям, и брахицефалические народы (овернцы, румыны), наоборот, неконсервативные. 86 итальянских бунтов (1793–1870) приходится на долю преимущественно долихоцефалов (Сицилия, Неаполь, Лигурия, Калабрия), хотя в них участвовало немало и брахицефалов (33,72%).

Во Франции, сравнивая по Реклю, Топинару и Якоби карту рас с результатами политических выборов за 1877, 1881 и 1885 годы, мы вывели заключение, что вообще департаменты, где преобладает лигурийская раса, дают больше голосов за республиканцев, так же как и департаменты, населенные галльской расой; последние богаты и гениальными людьми.

Между тем департаменты Вандея, Морбиан, Па-де-Кале, Нор, Верхние и Нижние Пиренеи, Жер, Дордонь, Ло населены реакционерами и насчитывают мало гениальных людей.

Существуют, однако, особые условия, например скрещивание нескольких рас, делающие влияние расы еще более выдающимся и активным.

Таковы ионийцы, которые, смешавшись с азиатскими народами (лидийцами, персами), стали более революционными и более развитыми, нежели дорийцы; то же мы видим и в наше время на японцах, более подвинувшихся по пути прогресса, нежели китайцы, несомненно вследствие смешения с малайскими расами.

Прививкой германской крови можно объяснить развитие цивилизации в Польше, а может быть, и то явление, что Франш-Конте дало наибольшее число революционеров в научной области (Нодье, Фурье, Прудон, Кювье).

Перемена климата, так сказать, климатическое скрещивание, влечет за собой такие же последствия.

Перемена климата подняла семитов в Европе на такую высоту гения, какой они не достигали в Азии. Она же превращает аглосаксонца в американца, более свободолюбивого и более гениального.

Франция представляет замечательное соотношение между расой и гением. Гений преобладает там, где преимущественно живет германская раса (департаменты Марна, Мёрт и Мозель, Верхняя Марна, Эна, Сена и Уаза и прочие), тогда как в департаментах, где преобладает иберийская раса (Нижние и Верхние Пиренеи, Арьеж, Жер, Ланды) или самая чистая кельтская раса (Морбиан, Вандея, Вьенна, Шаранта и прочие), гении встречаются реже. Но даже и здесь нет недостатка в противоречиях; например, потомки бургундцев дают много гениальных людей в департаментах Юра и Ду и очень незначительное число в департаменте Сона и Луара. Одна и та же раса в департаменте Верхняя Гаронна дает в 10 раз больше гениев, чем в департаменте Арьеж, вдвое больше, чем в департаменте Жер, и в 5 раз больше, чем в департаменте Ланды.

В департаменте Жиронда их вдвое больше, чем в департаменте Лангедок, а в департаменте Жер в 7 раз больше,

чем в департаменте Лозер. Во всяком случае, в общем пять департаментов из восьми (66%), дающих наибольшее число гениальных людей, населены бельгийской и галльской расами (последней принадлежит 19% талантливых людей).

Иберийская раса, так же как и кимврийская, с которой она не имеет ничего общего, дает крайне незначительные цифры.

Сравнивая географическое распределение гениальности во Франции с результатами политических выборов в вышеуказанные годы, видно, что гениальность идет рука об руку с республиканскими наклонностями.

Плотность населения. Легко понять, что там, где население скучено, именно в городах, как то указал впервые Якоби, политические волнения должны встречаться чаще, ибо в больших центрах страсти возгораются легче вследствие взаимных столкновений, и пример распространяется легко. Сюда присоединяется еще в больших рабочих центрах плохо умиротворяющее влияние гениальных людей и очень опасное влияние выбитых из колеи преступников, которые ищут во время политических волнений возможности возвыситься или дать полную волю своим извращенным инстинктам.

Затем в очень населенных центрах надо считаться с эндемической неврастенией; так, Берд нашел, что жажда наживы, возбуждающая страсти пресса, политическая агитация — все это благоприятствует развитию неврастении среди всех почти нью-йоркских граждан; а это, в свою очередь, способствует революциям.

При изучении отношения между плотностью населения и монархическими голосованиями во Франции оказалось, что в департаментах с наибольшей плотностью населения общественное мнение более склонно к республиканским воззрениям. Действительно, департаменты Нижние Альпы, Ланды, Эндр, Шер, Лозер, население которых не превышает 40 жителей на 1 кв. километр, в политических выборах за 1887, 1881 и 1885 годы дали значительное количество голосов монархической партии.

То же самое замечается по отношению к департаментам Верхние Пиренеи, Жер, Аверон и др., имеющим 60 жителей на 1 кв. километр.

Не менее любопытны выводы, полученные при изучении отношений между революциями и гениальностью, являющейся признаком и следствием развития. Замечено, что высокое развитие и революция особенно часты у промышленных народов и у более умных народов, как, например, во Флоренции, Париже, Женеве. Женеву в 1500 году называли городом недовольных, и она, несомненно, была самым цивилизованным городом Швейцарии.

То же было и в Греции с Афинами, городом, столь склонным к революциям и насчитывавшим в цветущую эпоху цивилизации 56 знаменитых поэтов, 21 оратора, 12 историков и литераторов, 14 философов и ученых и 2 таких выдающихся законодателя, как Дракон и Солон, тогда как Спарта почти не знала революций и гениев (по Шалю, не более двух гениев); здесь, впрочем, несомненно, оставалось не без влияния и орографическое положение этих городов.

Обилием гениальных людей наряду с очень развитой культурой объясняется сильное развитие цивилизации в Польше и ее политическая неустойчивость, вызвавшая впоследствии ее падение, несмотря на то что Польша обладала всеми антиреволюционными свойствами, будучи расположена на равнине, в холодном климате, населенная славянской, и следовательно брахицефалической, расой.

По той же причине (незначительной плотности населения) земледельческие департаменты насчитывают мало республиканцев, а промышленные департаменты — много.

Женщины принимают большое участие в стачках и восстаниях и незначительное участие — в революциях. Статистика показывает, что участие женщин в Коммуне составляло 27% женщин, тогда как в итальянской революции число их не превышало 1%; то же соотношение замечается и по отношению к гениальности, встречающейся у женщин как исключение даже в области искусств.

Однако женщины принимали большое участие в христианском движении, а в настоящее время участвуют в нигилистическом движении, но как в том, так и в другом случаях их побуждает надежда на улучшение своей участи и на уравнение прав. Заметим, что славянские женщины образованнее всех других европейских женщин и что большое число холостяков заставляет их искать себе иной деятельности.

Сумасшествие и преступность находятся в прямом отношении с числом республиканских голосов.

Присутствие одного гениального помешанного Кола ди Риенци или одного великого гения, как Марсель, и даже человека не гениального, а просто хитрого и преступного, как Буланже, Каталина, Донато, Корси, Сакетти и др., достаточно для возбуждения больших политических волнений.

III

Наконец, укажем на сочинение Балестрини, который применяет наши основные начала к уголовной теории выкидыша.

Он доказывает, что наказание в этом случае должно быть значительно уменьшено, ибо зародыш, в особенности в первые месяцы, представляет для современного общества, свободного от теологических воззрений, скорее животное, чем человека, и это, если позволено так выразиться, скорее животноубийство, чем человекоубийство.

Тард, Сарро, Дриль первые пытались применить нашу новую отрасль знания к юридическим вопросам, равно как Ферн и Гарофало, которых можно причислить к французам, судя по их сочинениям.

В одном сочинении Гарофало исследуются средства, какими можно было бы покрывать убыток, причиненный правонарушением.

Он предлагает следующее: в преступлениях против собственности, если преступник состоятелен, вознаграждение, предложенное виновным до или после осуждения,

влечет за собой уменьшение наказания наполовину, наказание уменьшается лишь на четверть в преступлениях против личности.

Если вознаграждение получено потерпевшим путем суда, то осужденный не пользуется никаким сокращением срока наказания. И в этом случае благоразумно делать льготы; тогда преступник будет иметь основание не сопротивляться законными и незаконными средствами взыскам.

Если пострадавший отказывается принять вознаграждение за понесенный им ущерб, то предложенная сумма переходит в штрафную кассу; так же поступают и в том случае, если пострадавший сам ответствен за совершенное преступление. Касса могла бы выплачивать вознаграждение пострадавшим в случае несостоятельности преступника. Таким образом, преступления, совершаемые из мести и злобы, чтобы заставить потерпевшего пострадать материально (например, поджог нежилого строения), потеряли бы смысл и уменьшились.

Глава 7

КОНГРЕССЫ, ЖУРНАЛЫ, АНТРОПОЮРИДИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА

I

Успехи уголовной антропологии подвинулись значительно дальше изучения деталей, интересующих лишь ученых; они переступили весьма возвышенные, но слишком эгоистические цели чистой науки. Ко времени Первого конгресса уголовной антропологии для распространения наших идей существовало лишь одно обозрение:«Archivio dipsichiatria, scienze penali e anthropoloyia criminale», теперь мы имеем «Anomalo» Дзукарелли, «Archivio di freniatria» Реджо, «Rivista, d'Anthropologia criminal» Таль-

ядриса (Испания), «Archives d'Anthropologie criminelle» Лакассаня, «Архив психиатрии» Мержеевского и Архив Ковалевского, «Юридическое обозрение», издающееся в Москве, «Memoires de la Societe d'anthropologie» в Брюсселе. Сюда же надо присоединить «Bulletins de la Societe d'anthropologie», в которых Мануврие, Фало, Летурно и Бордье блестяще отстаивали наши идеи; сюда же относятся: «Revue de la reforme judiciaire» Ланвро, «Revue Scientifique», которое всегда одним из первых пропагандирует новые идеи. Bulletin de la nouvelle Societe d'anthropologie criminelle de Buenos Ayres — первое общество, посвященное новой отрасли знаний; оно уже имеет свой специальный музей и насчитывает среди своих членов несколько громких имен (Пинето, Драго, Рамо, Межиа и др.).

II

Не могу обойти молчанием Конгресс юристов в Лемберге в 1889 году, где Розенблатт разобрал «Психологические причины преступлений». Эрциньи сообщил об успехах новой антропологической школы, Буцински говорил «о тюрьмах с точки зрения новой школы». Но первым юридическим конгрессом, который действительно поставил на разрешение вопросы, выдвинутые новой юридической школой, был конгресс в Лиссабоне, открытый 4 апреля 1889 года.

Первый вопрос был поставлен так: должно ли отправление правосудия совершаться бесплатно, главным образом в делах опекунских и уголовных. Конгресс постановил, что отправление правосудия, представляя общественную функцию, должно быть по всем делам безвозмездным; это постановление было принято почти единогласно, только два голоса высказались против него.

Пятый вопрос заключался в следующем: должно ли вознаграждать оправданных подсудимых? В случае утвердительного ответа, полагается ли вознаграждение всякому оправданному или лишь тому, кого суд признает

невиновным? Единогласно было принято следующее постановление: государство обязано вознаграждать всякого подсудимого или обвиненного, полная невиновность которого выяснилась установленным судебным порядком, безразлично когда, в течение ли процесса, предварительного следствия, или после осуждения, или в постановлении о предании суду, или же, наконец, во время пересмотра дела судьей, который должен постановить приговор.

Исключаются те, которые по своей ошибке или своими поступками дали повод к обвинению, или вызвали преследование ложными заявлениями, не соответствовавшими действительности, или какими-либо другими способами вызвали совершение юридической ошибки.

Десятый вопрос заключался в следующем: в каком смысле необходимо исправить уголовные кодексы по отношению к уголовной ответственности виновного и по вопросу о невменяемости, чтобы учение, положенное в основание закона, согласовывалось с положениями современной психологии, уголовной антропологии и душевной патологии, а также удовлетворяло бы необходимой для общества гарантии от преступников?

Докладчиком был доктор Августа Криспиани да Фонсека; секция уголовного права выразила его выводы следующим образом:

1) уголовные законы должны иметь в виду не только умалишенных, но и тех, которые, не будучи вполне сумасшедшими, не могут, однако, считаться вполне ответственными за свои действия;

2) безусловно, умалишенный по установлении его невменяемости при помощи медицинского испытания и при помощи всех других законных средств должен быть заключен в госпиталь или в какое-либо другое убежище пожизненно;

3) лишенные ума не вполне, но и не вполне вменяемые, опасные для других, должны быть судимы и временно заключаемы в заведения, для того предназначенные.

Эти постановления были приняты большинством голосов на конгрессе, они вполне согласны с учением нашей школы.

III

Здесь я должен напомнить, что Институт Франции присудил премию г-ну Жоли за критический этюд о новой школе. Юридический факультет в Гейдельберге назначил для годичного конкурса студентов тему «Юридические применения открытий профессора Ломброзо относительно преступного человека».

Укажу еще более значительный успех: недавно основан Международный союз уголовного права, начертавший на своем знамени практические выводы нашего учения, а именно: чтобы ознакомиться с преступностью, надо изучать преступников; что предупредительные меры по отношению к преступлениям столь же действенны, как и наказания; что уголовные суды и тюремная администрация преследуют одинаковые цели; что сила приговора зависит от того, как он приводится в исполнение; что изолирование — стадия наказания, принятая современным правом, — нерационально; что заключение в тюрьму на короткие сроки должно быть заменяемо другими наказаниями; что надо различать случайных преступников и привычных преступников и что для последних, если дело идет о повторении мелких проступков, следует удлинять сроки наказания.

Эти десять заповедей, подписанные 300 самыми выдающимися европейскими юристами, разрушают всю старую юридическую метафизику. Дело началось всего шесть месяцев назад, и уже имеются серьезные доклады Гарофало, Принса, Ламматша, Листа, а 3 августа 1889 года они уже собрались в Антверпене на конгресс, чтобы добиться (по выражению президента профессора Принса) соглашения уголовного законодательства с данными антропологических и социологических исследований.

Все согласны, что случайным преступникам, дебютантам, которые еще не были осуждены, тюрьма приносит более вреда, чем пользы. Предлагали заменять тюрьму различными мерами: выговором (как в Англии и Италии), домашним арестом, реформированной системой штрафов, общественными работами на открытом воздухе и более широким применением системы условного осуждения, которое дает возможность осужденному за случайное преступление собраться с нравственными силами и избежать развращающего соседства рецидивистов и привычных преступников.

Единогласно была принята поправка Гарофало: «Собрание рекомендует применение принципа условного осуждения, настаивая на необходимости установить его границы сообразно местным условиям и принимая во внимание чувства и нравственное развитие народа».

Честь и слава дю Гамелю, Принсу, которые сделали первые шаги на этом пути. Честь и слава всем тем благородным умам, движимым могучим течением новых истин, которые отказались (что редко встречается у людей вообще, а еще реже у ученых) от убеждений, сложившихся в юности, укрепившихся с их славой и поэтому вдвойне для них драгоценных. Правда, некоторые из них не признают своего происхождения и протестуют против родства с нами. Но это лишь редкие исключения: да кроме того, если, подобно нам, ратуешь за идею, то какое нам дело до того, что данной личности не воздают должного; достаточно того, что признается знамя; разве не такова общая участь на свете: сыновья, вырастая, оставляют родителей, тогда как последние никогда не забывают своих детей.

Для нас это забвение само по себе служит доказательством победы; оно указывает на нашу зрелость.

IV

Но счастье не приходит одно; я вижу на горизонте еще одно новое применение.

Манuврье в один из пророческих моментов, какие бывают у гениальных людей, сказал недавно, что существует не только уголовная антропология, но должна народиться антропология историческая, социальная.

Пророчество это осуществилось. Тэн и Ренан уже создали историческую антропологию. Аньянио, Лессона, Фиоретти сделали попытку применить антропологию к гражданскому праву, в особенности к завещаниям, правам наследования и разводу. И если в этих новых применениях наша наука потеряет свое имя и станет называться социальной, юридической антропологией, то в добрый час: мы дорожим торжеством наших идей, а не их названием.

Я до сих пор не упомянул о конгрессах уголовной антропологии в Риме и в Париже. Отчеты первого уже обнародованы, а отчеты второго вскоре появятся.

Быстрота, поспешность, с которой печатаются последние отчеты, не позволили включить их в настоящий труд.

Эти отчеты лучше всяких фраз подтверждают значение новой науки. Но они не могут засвидетельствовать одного явления, которое, однако, известно всем собравшимся на Конгресс в Париже в 1889 году, а именно, что благодаря гостеприимству г-на Тевене, министра юстиции, Гербетте, Бруарделя, Русселя, Моте, Маньяна, Ролана Бонапарта и многих других французская любезность проявилась во всем своем блеске.

Прибавление I

ОТВЕТ г-ну ГИЙО

Адольф Гийо утверждает, что он не верит в неизбежную зависимость преступника от его физической природы. «Если бы изучали человека гораздо раньше, чем он сделался преступником, — говорит он,— то были бы поражены изменениями, которые производит даже физически преступление с его последствиями».

Но он забывает, что мы встречали эти аномалии у детей и что у детей мы нашли большее количество аномалий, нежели у юношей.

Гийо устанавливает на основании своих личных многочисленных наблюдений, что преступник в 9 случаях из 10 обдумывает свое преступление.

Я придерживаюсь почти такого же взгляда: во многих случаях, но не так часто, как кажется, преступник обдумывает свое преступление, обсуждает его; но он не может удержаться от совершения преступления, хотя самое поверхностное рассуждение должно бы его удержать от этого.

В этом и заключается аномалия: рассуждения преступника, увы! очень поверхностны.

В них всегда имеется пробел, благодаря которому рано или поздно преступник попадает в руки правосудия; ибо случаи таких хитрых преступников, которые уничтожили бы все следы своих преступлений, представляют редкое исключение.

Да и в этом случае виновно скорее правосудие, столь слабо вооруженное против преступления в силу именно недостаточного знакомства с психологией и антропологией. Если такие опытные следователи, как Гийо, искренне верят угрызениям совести таких преступников, каковы Аббади, Гамау и Мершандон, в той мере, что когда они совершают новые бесчинства, то это приписывают раскаянию, тогда нет ничего странного в том, что весьма часто они не в состоянии разыскать даже самых глупых преступников.

Для подтверждения своего положения Гийо цитирует случай, который мог бы иметь и в самом деле решающее значение. Г. Рукавишников, один из величайших филантропов, основавший колонию своего имени для малолетних преступников, рассказывал на Римском конгрессе, что, сравнивая фотографии молодых преступников при их поступлении в колонию и при их выходе, он заметил улучшение в чертах лица соответственно улучшению поведения: у большинства черты лица теряли свойственное им выраже-

ние угрозы, нахальства, злобы и приобретали более мягкое выражение. Но он ошибался; не то чтобы он искажал истину; это один из лучших, искреннейших филантропов; но он находился под влиянием своего великого дела, которое я тоже считаю небесполезным. Он нам предоставил в Риме фотографический альбом. Я собрал комиссию, в которой принимал участие и г-н Рукавишников, для изучения этого альбома. Из отчета этой комиссии видно, что при 61 случае замечалось:

в 22 случаях — улучшение черт лица,

в 14 случаях — ухудшение,

в 25 случаях — без перемены.

Из 14 лиц, у которых черты лица стали хуже, трое нравственно улучшились; из 22 случаев улучшения физиономии в 3 случаях было нравственное ухудшение, и эти цифры установлены самим г-ном Рукавишниковым.

Но так как Гийо сам приходил в соприкосновение с фактами, то лучше спорить с ним самим. Достаточно привести буквально им самим написанные страницы, в которых прекрасно описаны врожденные преступники, обнаруживавшие свои преступные наклонности в ранней молодости.

«Из всех преступников, имена которых приобрели известность, дающую нам право цитировать их, не нарушая профессиональной тайны, я не знаю ни одного, который, несмотря на молодость, не побывал бы уже в тюрьме или по крайней мере не заслуживал бы этого. Вначале проступки бывали незначительные и легкомысленные, затем их сменяли более тяжкие и обдуманные проступки, которые, в свою очередь, вели к преступлениям. В 17 лет Мершандон, убийца-лакей, дебютирует кражей, совершенной в замке своих господ; улик было недостаточно; безнаказанность ободрила его, 17 дней предварительного заключения не исправили его; едва вышедши из тюрьмы, он совершает кражу в другом доме; на этот раз его присуждают к 3 месяцам тюремного заключения; а вскоре затем за более серьезную кражу — к 13 месяцам заключения. Четверо молодых людей, из которых старшему было 20 лет, среди бело-

го дня являются к г-же Балльрич, набрасываются на нее в ту минуту, когда она отворяет им дверь, душат ее и убивают ударами ножа; они все были осуждены; сын жертвы, полицейский комиссар в Париже, основательно сказал им, грозя пальцем: «Все вы презренные; не знаю, чтоб я сделал с вами, если бы меня не удерживало уважение к суду; но ваш час пробьет, будьте покойны; ты негодяй! Я тебя хорошо знаю, я тебя уже отправлял в участок за то, что ты участвовал в ночном нападении; ты язва нашего околотка, а тебя я видел в дурной компании»».

Но для чего эти цитаты, когда дело идет об общем законе, который подтверждается каждым следственным делом?

Что касается тех, у которых справка о судимости чиста, которые, на первый взгляд, противоречат теории прогрессирующей испорченности, то и на них можно проследить, как они быстро двигаются к апогею порока; начиная с любострастия, лености, эгоизма, они теряют уважение ко всему, освобождаются от всякой обязанности, отбрасывают всякое верование и вполне отдаются своим страстям.

Вот двое 30-летних преступников — Блин и Беген, о которых много говорит аббат Мочеи, описывая Ла-Рокет; один — француз, другой — бельгиец; несколько лет тому назад, в воскресенье, в то время когда магазины Пале-Рояля закрыты, они пробрались в ювелирный магазин, задушили прислугу и убежали, набрав полные руки драгоценностей, которые спустили в Брюсселе. В прошлом они были чисты пред судом, но их жизнь представляла не что иное, как цепь дурных проступков; один из них был объявлен несостоятельным должником при очень подозрительных обстоятельствах; должен был оставить свою родину и не мог ужиться ни на одном месте вследствие крайней непорядочности своих поступков. Другой был лентяй, лжец, буян, изменник всем своим обязанностям, разорил своих родителей, покинул жену и вполне созрел для всякого нечистого дела. Пример двух молодых убийц Лебье и Барре не менее поразителен; и у них не было судебно-уголовных антеце-

дентов[1], но они вели беспорядочную жизнь и отказались от всех принципов, которые могли бы их поддержать. Сам Барре в одном из следственных показаний прекрасно анализирует нравственное состояние своего товарища.

«Он ничего не уважал, — говорит Барре, — смеялся над моими угрызениями; я их еще тогда ощущал. К добру и ко злу он относился совершенно безразлично; он проклинал свою семью; говоря о матери, он употреблял самые оскорбительные выражения; он не верил в Бога, ни во что. Завидев священника, он готов был нанести ему оскорбление; еще задолго до преступления он говорил, что намерен основать газету, чтобы издеваться над религией; его политические убеждения были для меня отвратительны; грабеж, убийство, коммунизм — вот что ему нравилось. Когда его спросили: «Преступление, совершенное вами, не было внезапным; оно не было вызвано случайными обстоятельствами, а было логическим последствием целого ряда дурных поступков и медленного извращения вашей совести?» — он отвечал: «Это правда, я был увлекаем постепенно»».

Что касается Лебье, то одна особа, хорошо его знавшая, рисует его следующим образом: «Мне казалось, что в лицее очень пренебрегали его нравственным воспитанием. Лишенный принципов, которые поддерживают и руководят в трудную минуту жизни, он переносил свое несчастье с каким-то фанатизмом и горькой улыбкой; он по обыкновению читал газеты самой крайней окраски и на жизнь смотрел, казалось, как на веселое времяпрепровождение, которого рано или поздно добиваются смелые и ловкие люди, которых он охотно приводил в пример».

До того дня, когда молодой виноторговец Фулле застает своего хозяина в погребе и бутылкой разбивает ему череп, чтобы его обокрасть, он не был судим; но следствие установило, что до прибытия в Париж Фулле совершил на

[1] Антецедент — на языке старых философов, особенно у логиков Кантовской школы, в их учении о суждениях, заключениях и доказательствах антецедент означает отчасти логическое подлежащее в его отношении к сказуемому, отчасти причину в отношении к следствию.

фермах, где служил раньше, много мелких краж, за которые его не преследовали. Его земляки говорили, что он хитер, что у него много пороков. Он очень ловко защищался, был умен, умел устраивать свои дела и очень ловко выпутывался, когда попадал впросак. Много раз, говорил один из земляков, я ему предсказывал, что он кончит каторгой; сверстники избегали его; он любил читать дурные книги и всегда обнаруживал страсть зашибить деньгу.

Укажу еще на одного преступника 50 лет, отца 17 детей, соблазнившего собственную дочь, которого присяжные несколько лет тому назад признали виновным в детоубийстве и производстве выкидыша; в его прошлом нет ни одного уголовного дела; но жизнь его представляет длинный ряд дурных поступков: он начал с того, что стал игроком и жуиром; потом, когда его дела пошли дурно, он искал развлечений в самых постыдных пороках; это был человек замечательно умный и очень энергичный; его погубил разврат и сделал из него отщепенца. Свидетели напоминали ему, что во время Коммуны он обратил на себя внимание необузданным желанием взорвать Париж, криками: «Пока существуют священники, до тех пор мы будем погибать!». Он отвечал свидетелям, гордо подняв голову: «Я первый открыл огонь, и я последний оставил поле битвы».

Прибавление II

О ПРЕПОДАВАНИИ УГОЛОВНОЙ АНТРОПОЛОГИИ И В ОСОБЕННОСТИ ТЮРЬМОВЕДЕНИЯ

1. На первой взгляд может показаться излишним доказывать пользу преподавания учения о применении наказания.

Имея в виду, что речь здесь идет о знаниях, которые могут решать судьбу многих тысяч людей, и, что еще важнее, о занятиях, в которых заинтересовано с точки зрения своей безопасности все общество, естественна необходимость установки руководящих начал для всех служащих

пенитенциарному делу и преследующих благородную цель нравственного возрождения преступника.

До настоящего времени мы пробирались в этой области ощупью и не прибегали к помощи науки и еще менее к посредничеству университетского преподавания.

Вообще, общий закон тот, что более или менее нерешительная и неопределенная деятельность предшествует теории и дидактике. Слово раздается задолго до появления грамматики; и протекают сотни веков раньше, чем каракули заменяются буквами алфавита и затем правилами правописания. Войны, торговля существовали задолго до того, как стали известны арифметика, политическая экономия, баллистика и статистика.

Лишь в настоящее время начинают преподавать историю действительно научно, ибо то, что преподавалось прежде, было простым перечнем событий.

Уголовное право также лишь недавно приняло дидактическую форму.

Предмет учения о применении наказания и о тюрьмоведении более сложен, но и более удобен для преподавания, нежели всякий другой предмет, а между тем он именно и не преподается.

Возьмем, например, архитектуру тюрем: мы до сих пор еще не знаем, как устроить камеру или мастерскую, которые стоили бы недорого, не вредили бы здоровью и дозволяли бы заключенному проводить в них время с пользой, не подвергаясь дурному влиянию, которое ему грозит при системе общих камер.

Подобной одиночной камеры и таких мастерских еще не существует, и в настоящую минуту мы еще не знаем, каким образом следовало бы изменить конструкцию исправительных домов, женских тюрем и арестных домов, в которых невинно задержанные или виновные проводят время предварительного заключения.

Мы были рады слышать похвалы устройству и хозяйству известных пенитенциарных заведений: немецких, русских, шведских. Мы их не изучали и не подвергали разбору; и это я говорю для ученых, ибо знание таких вещей не

касается публики. Но, хорошо зная материальную сторону пенитенциарного учреждения, имеем ли мы также понятия и об административной, нравственной стороне его? В этой области мы полны страшных иллюзий, какими мы до сих пор полны в области уголовного права. Мы с плеча разрешаем вопросы, не исследуя фактов; мы уверяем себя, что известное заведение действительно полезно, ибо его конструкция четырехугольная, или продолговатая, или круглая и потому дозволяет изолировать преступников, радикально излечивать их от аномалий, зависящих от атавизма, травматических повреждений или глубокого органического изменения.

Сюда присоединяется очень сложная администрация, в особенности в тюрьмах, где введен труд и где стараются обойтись без содействия комиссионеров, всегда пагубного. Затем встречаются большие затруднения в деле удовлетворения умственных потребностей заключенных посредством разрешения заключенным беседовать с людьми интеллигентными, посредством доставления заключенным книг из библиотек, посредством организации религиозного обучения таким образом, чтобы последнее не привело ни к религиозной мании, ни к атеизму, ни к нетерпимости.

Не думаем, чтобы все это можно было предусмотреть и устроить при помощи нескольких параграфов сухого устава; нельзя эти задачи решить и посредством целого ряда статистических таблиц, которые легко составить так, как хочется, причем они ничуть не будут соответствовать действительности.

Все эти вопросы могут быть разрешены лишь при помощи детального практического и теоретического изучения, причем придется освободиться от априоризма, втершегося в тюремную практику и много ей повредившего.

Напомним здесь иллюзии, которые еще так недавно существовали по этому предмету.

Неудачи, которые нам пришлось пережить, зависели от избытка обобщений: под предлогом устранения самовластия, произвола, убили движение и жизнь. Если даже приговоры европейских судов будут обрушиваться на несчаст-

ных людей с той же правильностью, с какой капля за каплей вода льется из крана на землю, то еще ровно ничего не изменится: приговоры теряются в массе так же, как капли воды теряются в песке. Думать, что можно исправить зло тюремного заключения — несбыточная иллюзия. Думать, что этого можно достичь кратковременным заключением в тюрьму — абсурд. Тюрьма больше всякого другого наказания требует осмотрительного применения. Применение тюремного заключения без разбора по отношению ко всякому, кто попадает под суд, ослабляет его силу, подрывает значение тюрьмы и подкапывается под самое основание пенитенциарной системы, тем более что почти невозможно давать работу заключаемым на несколько дней, вследствие чего наказание прямо ведет к развитию лени.

2. Но есть еще более важный предмет изучения — интересный и для тюремного начальства и вообще для лиц, применяющих наказание; я говорю об изучении преступного человека. Прежде думали, что можно изучать болезни, а не больного, преступления, а не преступника.

Бесполезно говорить, как это было гибельно, так как одно и то же преступление может быть совершено под влиянием страсти, в минуту безумия, вследствие врожденного порока, и, смотря по обстоятельствам, нужны и специальные наказания. Бесполезная и дорогостоящая борьба, которую до сих пор вели с преступлениями при постоянно возрастающем рецидивизме, лучше всего указывает наши заблуждения.

Необходимость изучения преступника вытекает даже из старых принципов тюрьмоведения. Я имею в виду интересные наблюдения, произведенные в Цвикау, которые показали, что с преступниками надо обращаться сообразно индивидуальности каждого из них и применяться к характеру его, если желают достичь сколько-нибудь удовлетворительных результатов. Как вы примените на практике условное освобождение или станете с успехом управлять исправительным заведением, не зная индивидуальных особенностей преступников?

И каким же образом изучать индивидуальность, если не организовано специальное преподавание науки о преступниках?

Вследствие отсутствия такого преподавания юристы и значительная часть тюремных чиновников смотрят на преступников как на вполне нормальных людей, которых постигло несчастье, как на призывных, которым вместо хорошего жребия выпал жребий попасть в тюрьму.

Естественно, что при таких основных заблуждениях необходимо ошибаются и в принятии меры против преступников; результат всего этого тот, что во всех странах, за исключением Англии и Северной Америки, честные люди более страдают от расходов на заключение виновных, нежели от их проступков.

3. Эти исследования должны производиться, конечно, на месте.

Весь механизм одиночной камеры, все колеса, приводящие в движение службу в исправительном заведении, организация труда, который должен облегчить расходы государства, не вредя изолированности и исправлению заключенных, —все это может быть практично лишь тогда, когда основано на фактических данных.

Невозможно узнать преступного человека, не видя его вблизи, что вовсе не трудно; юридическим басням, которыми пропитана Европа, надо приписать предвзятый взгляд, что осужденный неохотно принимает посетителей и с трудом подвергает себя антропометрическому исследованию, в особенности если имеешь дело с обыкновенным преступником.

Из любви к науке и для медицинской практики выстукивают в госпиталях сотни чахоточных; сотни беременных женщин исследуются молодыми студентами; в хирургических клиниках ощупывают переломленные члены, исследуют тела лиц обоего пола; и хотя посещения иногда гибельно действуют на сумасшедших, тем не менее мы разрешаем студентам посещать психиатрическую клинику в течение целого учебного года. Неужели же затруднения должны возникнуть, как только дело коснется преступников?

Как объяснить эту манеру рассматривать дело навыворот и притом как раз по отношению к преступникам, которые, конечно, менее деликатны и менее интересны.

Если бы наши намерения щадить преступников были искренни, то следовало бы принять меры не против упражнений на преступниках, а против опубликования газетных заметок, распространяющих разные неприличные и клеветнические подробности, сопровождая их портретами обвиняемых.

Мы бы должны были ограничить гласность суда присяжных, которую тоже вследствие условной юридической фальши рассматривают как охранительницу честных людей, обвиняемых, слабых, и даже политической свободы.

Подсудимого, который может оказаться честнейшим человеком, терзают в печати, называя его по имени и фамилии; во всех газетах помещают его портреты, биографию; и после всего этого поднимают вопль, если какой-нибудь ученый вместе с товарищами желает изучить физиономию не подсудимого, а настоящего привычного преступника!

Подобное исследование, сделанное хладнокровно людьми серьезными, почти никогда не дает повода к неудобствам и не нарушает дисциплины. Достаточно сказать, что в течение 24 лет я вожу сотни студентов по тюрьмам Павии и Турина, и ни разу еще не узнали об этом газеты; ни один заключенный не отказывался от исследования, хотя имел на то полное право.

С другой стороны, само собой разумеется, что нельзя дозволить изучать первого встречного, а тем менее подсудимого, если он не рецидивист или если над ним не тяготеет грозное обвинение.

Надо также исключить заключенных, которые не согласны на исследование и которые совершили преступление, не указывающее на потерю нравственного чувства, как, например, банкротство, некоторые подлоги и т. п.

Изучению подлежат лишь врожденные преступники. С другой стороны, прочие преступники не отличаются заметно от непреступных людей и не требуют особенных попечений.

Это изучение надо производить с тахиантропометром Анфоссо согласно правилам, точно установленным Тамбурини и Бенелли, дополненным мной, а также руководствуясь правилами, установленными Бертильоном.

Так как многие врожденные преступники не отличаются правдивостью, то исследованию должно предшествовать изучение обвинительного акта. Эти посещения и исследования не опасны для преступников; наоборот, результаты этих исследований, сообщенные тем, от кого зависит продлить срок заключения или дать условное освобождение преступнику, могут принести только больше пользы, нежели хлопоты депутатов и бюрократические справки, к которым обыкновенно прибегают в этих случаях; к тому же подобные посещения нарушают гибельную праздность заключенного и во многих случаях предупреждают ошибки людского правосудия или способствуют их исправлению, как, например, в деле Росси, осужденного к пожизненному заключению за разбой и признанного при помощи антропометрического и психологического исследования честным, невинно оклеветанным человеком.

Это изучение дало бы нам также средство ввести в курс тюрьмоведения изучение преступного человека. Но если предубеждение и условная фальшь, имеющая еще силу, мешают изучению преступного человека в тюрьме, то ничто не препятствует изучать преступника, находящегося на свободе, а таких на свете много и их легко встретить на каждой улице. Я уже шесть лет как произвожу исследования над подобными субъектами.

Единственное неудобство, которое может встретиться при посещении тюрем студентами, что невинные и честные подсудимые могут быть против воли узнаны кем-либо из посетителей.

Правда, они могут быть узнаны и в суде. Тем не менее следовало бы избегать этого, предоставляя маски всем, кто пожелает, пуская студентов лишь в тюремную школу и вызывая туда только тех, которые сами пожелают подвергнуться исследованию.

Что касается исправительных заведений для малолетних преступников, вопрос этот еще более щекотлив и сложен. Я думаю, что здесь исследование надо производить не иначе как под руководством наставника и сведущих директоров и только на лучших воспитанниках, придавая исследованию значение отличия и исследуя лишь действительно преступных детей, так как подобное исследование может дурно отразиться на детях честных, но несчастных.

С другой стороны, было бы очень важно взглянуть и на обратную сторону медали; именно распространить эти исследования на общественные школы, как то сделали уже Марро и Ломброзо, исследуя в виде наказания самых неисправимых школьников и делая таким образом первый шаг к заключению их в исправительное заведение.

Один из школьных инспекторов Италии, очень талантливый человек, г-н Руффини, убедившийся, насколько полезны подобные исследования, издал нечто вроде руководящего циркуляра для собирания отметок в школьных журналах относительно нравственных уклонений детей, уклонений, существование которых в течение нескольких лет может считаться серьезным признаком необходимости принять предупредительные меры, чтобы воспрепятствовать развитию в ребенке преступных наклонностей.

Вот каким способом дидактические исследования могли бы оказать услугу обществу.

Что же касается женщин, то исследование их не так необходимо, ибо преступность среди женщин распространена относительно слабо. Исследования женщин можно было бы ограничить исследованием преступных проституток, которые, приходя более чем нужно в соприкосновение с людьми, не будут себя чувствовать оскорбленными этими исследованиями, и их стыдливость и робость не потерпят ни малейшего ущерба.

Курс обучения должен был бы заключать:

а) теоретическую часть, о тюремных законах и правилах; о типах одиночных камер, о тюремной обстановке и прочее;

б) исследования по уголовной антропологии и по психиатрии преступников;

в) изучение уголовной статистики, теории наказания, условного освобождения, патроната и прочее;

г) чисто практическую часть, состоящую из непосредственного исследования места заключения, камер и прочее, под наблюдением директора или помощника его и профессоров.

Список в двойном экземпляре, в который включались бы результаты таких исследований и посещений, служил бы руководством для комиссии, решающей вопрос об условном освобождении, и для комиссии тюремного надзора.

ПРЕСТУПНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ

I. ПРЕСТУПНОСТЬ САМОК В ЦАРСТВЕ ЖИВОТНЫХ

1. Преступления по страсти. Припадки бешенства. Самки-воительницы муравьев породы Formica rubifarbis приходят часто в такую ярость, что набрасываются и кусают других самок, личинок и рабынь, которые стараются их успокоить, крепко держа до тех пор, пока не пройдет их припадок бешенства.

Леру рассказывает, что одна муравьиная самка убила и сожрала травяную вошь (Aphidius), рассерженная ее сопротивлением.

Наблюдали, что в жаркое время года муравьи из породы fusca, разгневанные медлительностью своих рабов, в обязанности которых входит их питание, сжимали головы последних между своими челюстями до тех пор, пока не лишали их жизни. Проступок этот считался, вероятно, у муравьев таким же легким, каким было некогда в глазах римской матроны убийство рабыни, но так как он причиняет некоторый вред всему муравейнику, лишая его известной рабочей силы, и противен обычаям его, то в законодательстве их поступок такой не мог бы не считаться все-таки преступлением.

Корневин рассказывает про одну кобылу, обыкновенно спокойную, которая во время течки становилась очень дикой и неукротимой. Однажды она в таком состоянии ему чуть не сломала руки.

Хузард-младший также упоминает про одну кобылу, бешенство которой проявлялось время от времени. В промежутках это было очень спокойное и кроткое животное,

но всякий раз она становилась неукротимой во время полового возбуждения, длившегося часто один или два дня.

2. Разбой и грабеж. Бушнер в своей книге «Seelenleben der Thiere» рассказывает о хищных пчелах, которые, не желая трудиться, нападают массами на хорошо устроенные ульи, богато снабженные запасами, убивают стражу и обитателей их и опустошают эти ульи, унося с собой находимый в них корм. Повторяя часто такие нашествия, оканчивающиеся всегда с большим или меньшим успехом, пчелы эти привыкают жить грабежом и насилием так же, как привыкает к ним человек, и, собираясь все в большие и большие отряды, образуют в конце концов целые разбойничьи колонии. К такого рода жизни обнаруживают особенную склонность пчелы из породы Sphecodes, которые, по словам Маршала, представляют собою не что иное, как особый вид породы Halyetes, снабженные в недостаточной степени органами гнездостроения, привыкшие к паразитическому и хищническому образу жизни и выработавшие у себя соответственно этому специальные органы и особые анатомические данные.

Таким образом, мы встречаемся здесь с настоящей врожденной преступностью некоторых женских индивидов животного царства, сопровождаемой образованием у них специальных анатомических особенностей.

Форел утверждает, что муравьи из породы Formica execta достают себе травяных вшей путем похищения и насилия, убивая при этом их защитников.

3. Каннибализм. Муравьи разрывают на части трупы убитых ими врагов и высасывают из них кровь.

Каннибализм очень часто идет рука об руку с истреблением потомства.

4. Ненависть, злость. Особый вид женской преступности проистекает из той ненависти, которую питают друг к другу индивиды одного и того же пола, что особенно замечается у высших животных.

Голубка очень завистлива по отношению к своим подругам и часто скрывает от них под своими крыльями пищу, в которой сама не имеет больше надобности.

Коза отличается врожденной привязанностью к человеку, при этом она очень самолюбива и чрезвычайно чувствительна к его ласкам. Если она видит, что хозяин ее любит, то становится, как и собака, ревнивой и постоянно лезет бодаться с теми козами, которых хозяин, по ее мнению, ей предпочитает. Козы очень трудно уживаются одна с другой, они постоянно дерутся (Лакассин).

Самки человекообразных обезьян, и особенно орангутангов, относятся друг к другу с инстинктивной враждебностью, дерутся и нередко даже убивают одна другую.

Женщина, как известно, становится часто под старость злой и эгоистичной. Подобно ей и козы, по словам Брема, делаются злыми, когда становятся старыми.

Одна ангорская кошка, бывшая всегда очень нежною матерью, сделалась на старости лет безобразной. Слуги начали небрежно и даже дурно обращаться с ней, и ее характер заметно испортился; она перестала кормить своих котят и одного из них даже сожрала.

5. Извращения полового инстинкта. Некоторые коровы делают попытки заменить в половом отношении быков, где число последних недостаточно.

В больших птичниках при недостатке в петухах обыкновенно одна из куриц берет на себя их роль (Скарсей). Особенно часто наблюдаются такие извращения полового инстинкта у гусей, уток, фазанов, у которых стареющие самки принимают и другие половые особенности самцов, как, например, в отношении оперения.

6. Алкоголизм. У муравьев, наркотизированных хлороформом, все тело парализовано, кроме челюстей, которыми они кусают все, что им попадается.

Бушнер уверяет, что пчел можно искусственно сделать хищными, если кормить их смесью из меда и водки. Они, подобно человеку, быстро привыкают к этому напитку, который оказывает на них такое же губительное влияние, как и на него: будучи пьяны, они становятся возбужденными и перестают работать. Но так как голод принуждает их искать пищу, то они, подобно человеку, в таких случаях от од-

ного порока переходят к другому и так же, как он, начинают прибегать к грабежу и насилиям.

Если коров кормить смесью из конопли и опиума, то они легко становятся буйными и опасными для окружающих.

7. Половые преступления. По Брему, нарушение супружеской верности не составляет редкого явления среди птиц, причем со стороны самки оно наблюдается чаще, чем со стороны самца.

Некоторые голубки покидают своих голубей, как только они ранены или больны.

Вогт рассказывает следующий случай из жизни аистов. Парочка их гнездовалась в продолжение нескольких лет подряд на одном и том же месте в деревне близ Солетта. Однажды заметили, что, в то время как самец находился на охоте, к самке подлетал другой, более молодой самец и, видимо, начал за ней ухаживать. Самка вначале прогнала его, затем начала благосклонней относиться к нему и, наконец, позволила ему обладать ею. После этого оба любовника полетели на то место, где самец охотился за лягушками, и заклевали его своими клювами.

Самка одного африканского дикобраза, казавшаяся очень привязанной к нему, убила его, укусив в голову, так как он отказался от ее любовных ласк.

8. Преступления против материнства. Многие коровы, кобылы и суки относятся очень равнодушно к потере своих новорожденных, а некоторые из них регулярно покидают даже на произвол судьбы свое потомство (Лакассин).

Одна курица, в числе цыплят которой некоторые были болезненны и уродливы, преспокойно покинула их и ушла со здоровыми прочь.

Некоторые суки кормят своих щенят только до известного возраста, а затем внезапно бросают их на произвол судьбы.

Кобылы, особенно по первому жеребью, часто упорно не подпускают к себе своего новорожденного жеребенка.

Истребление новорожденных — почти правило у некоторых животных, особенно у свиней, оно нередко и у ко-

шек. Его наблюдали однажды и у одной голубки, которая из половой ревности заклевала своих птенчиков.

Довольно часто имеет место истребление детенышей вместе с каннибальством. Одна самка-ястреб жила в плену и вывела в своей клетке уже несколько поколений птенцов. Хотя она получала хороший корм, хищный инстинкт был в ней так силен, что она однажды пожрала всех своих птенцов (Брем).

Самки кроликов нередко пожирают своих детенышей, а одна крыса, нора которой была разрушена, истребила в одну ночь всех своих крысят.

Часто эти истребительные наклонности связаны у животных с чрезвычайно сильным половым возбуждением и проявляются у них только во время течки.

Одна ангорская кошка, отличавшаяся плодовитостью и блудливостью, была очень нежной матерью, но всякий раз, когда она была беременна, в ней развивалось отвращение к своим котятам: она била и кусала их, лишь только они подходили к ней.

Burdach и Marc сравнивали частоту беспричинного истребления новорожденных во время пуэрперального периода с разрушительными наклонностями, появляющимися у коров и кобыл, страдающих нимфоманией не только во время течки, но еще долгое время спустя. Суки нередко начинают воровать, когда кормят своих щенят. Интересное извращение материнского чувства наблюдается у самки фазана. К своим собственным птенцам она относится совершенно равнодушно, но охотно возится с птенцами других самок.

Куропатка так любит своих птенцов и так ревнует их, что часто из одной только ревности пожирает чужих птенцов (Лакассин).

Некоторые животные похищают чужих детенышей. Например, бесплодные кобылы и мулы похищают чужих жеребят, которые, однако, у них погибают от голода. Известен факт, что одна сука, энергично сопротивлявшаяся всяким попыткам к половым сношениям, похищала у дру-

гих сук их щенят с целью удовлетворить своей материнский инстинкт.

Но в общем самка совершает, по мнению Лакассина, менее преступлений, нежели самец.

Очень развита преступность только у самок некоторых насекомых, именно у муравьев и пчел, но у них самки отличаются особенной смышленостью, а в половом отношении представляют собой, так сказать, третий пол.

Итак, в царстве животных только лишь среди ложных самок перепончатокрылых встречаются некоторые породы, живущие грабежом. Особи эти, напоминающие собою врожденных преступниц, жили некогда честной жизнью, но благодаря преступной деятельности развили в себе специфические органы, назначенные служить им для этой деятельности, и лишились, напротив, органов, служащих для труда, например для собирания цветочной пыли.

II. ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ У ДИКИХ И ПРИМИТИВНЫХ НАРОДОВ

1. Табу. У диких народов женщина подлежит множеству странных и очевидно нелепых ограничений, которые основаны отчасти на эгоизме мужчины и нарушение которых женщиной рассматривается как преступление.

Многие из этих предписаний представляют собою так называемые «табу» океанских народов.

На островах Таити женщина не должна, например, прикасаться к оружию или к рыболовным снарядам мужчины; точно так же она не имеет права появляться в местах общественных сборищ и дотрагиваться до головы мужа или отца и до всех предметов, находившихся в соприкосновении с их головами. Ей запрещено также есть вместе с мужчинами.

На Маркизских островах женщине не позволяется входить в лодку, так как считается, что она своим присутствием пугает рыб. Кроме того, ей не разрешены в еду некото-

рые лучшие блюда, как, например, кокосовые орехи, цыплята и в особенности свинина.

На острове Рапа все мужчины считались для женщин священными, и потому последние должны были кормить их, вкладывая им пищу в рот.

В Новой Зеландии женщины не должны дотрагиваться до пищи даже своих мужей, братьев и сыновей.

В Новой Каледонии женщина при встрече с мужчиной обязана уступить ему дорогу и может жить только в изолированном помещении.

На Филиппинских островах женщина не должна приближаться к тем местам, где мужчины занимаются татуировкой, ибо там предполагают, что вследствие этого «глаза ее могут стать маленькими».

В Китае женщина не имеет права есть вместе с мужчинами, а в Бирме — входить в некоторые храмы и в места судилищ.

У древних иудеев женщине под страхом смертной казни запрещалось надевать мужское платье.

Жены кафров не должны прикасаться к тем быкам, выращиванием которых старательно заняты их мужья, доить коров и входить в то место, где собираются мужские члены семейства.

В Древнем Риме употребление женщиной вина наказывалось смертной казнью; такое же наказание было для женщин туземцев Парагвая и готтентотов за пьянство и чрезмерное обжорство.

У племени фанти (в Африке) женщине, подслушавшей тайны своего мужа, обрезали уши, а разгласившей их — губы.

Особенно много ограничений налагалось на женщин во время менструации. В Зенд-Авесте считалось всякое месячное очищение, длившееся более девяти дней, делом нечистой силы, для изгнания которой женщину били до крови. Сарт утверждает, что негры, как и туземцы Америки и жители островов Южного океана, запирают своих жен в отдельное, специально для того назначенное помещение на все время, пока у них длится менструация. У индей-

цев Иллинойса и у жителей Ориноко женщина, скрывшая свою менструацию, наказывалась смертной казнью. Бразилианки, по словам Гардана, подвергаются во время регул стольким стеснениям, что для предупреждения появления их они делают себе на ногах глубокие насечки или прикладывают к ним сильные нарывные пластыри. Коран считает нечистой женщину в течение семи дней до наступления и по окончании менструации и запрещает ей иметь в это время всякое общение с мужчиной.

У иудеев (Книга Левит, 9) женщина во время месячного очищения должна была жить отдельно от мужчин в течение семи дней, и тот, кто прикасался в это время к ее домашней утвари или же к ее кровати, становился нечистым до вечера. На восьмой день она относила священнику двух голубей, после него считалась очищенной от греха.

По Талмуду, из ребенка, зачатого матерью в период этой нечистоты, должен был непременно вырасти впоследствии дурной человек. Такой ребенок назывался «mamzer beridah», что у евреев считалось величайшим бранным словом.

Такое отвращение к женщине внушало мужчинам знакомство на опыте с теми дурными последствиями, какие происходили для здоровья от полового сношения с ней во время менструации. Особенно строго соблюдалось такое половое воздержание у некоторых народов, не отличавшихся, впрочем, особенной чистотой и опрятностью, ввиду тех заразных болезней, которые причиняются нередко гнойными выделениями из женских половых органов. Все приведенные случаи подтверждают гипотезу Марзоло, что происхождение стыда должно искать прежде всего в стремлении скрывать некоторые последствия менструаций (pudor от слова putere).

2. Нарушение супружеской верности. Другим тяжелым преступлением считается у дикарей нарушение супружеской верности.

Но почти у всех примитивных народов прелюбодеяние замужней женщины рассматривается как нарушение ею не законов целомудрия, но прав мужчины, каким, например,

является пользование чужой лошадью без разрешения ее хозяина. Доказательством служит то, что те же мужья, которые одалживают своих жен другим, не задумываясь убивают их, как только убедятся в их супружеской неверности.

Так, например, тасманийцы и другие племена, живущие в Австралии, одалживают на время, нанимают и даже дарят своих жен, но лишают их жизни, если только они сами, без их разрешения, кому-нибудь отдадутся.

То же самое наблюдается и в Новой Каледонии; только здесь, в Каннале, подобное преступление наказывается не самим мужем, а советом из старейших мужчин.

По законам готтентотов муж имеет право убить свою жену, если она будет уличена в супружеской неверности, последовавшей без его разрешения. В Габуне, где каждый мужчина имеет одну главную жену и несколько второстепенных, наказывается супружеская неверность первой — смертью, а вторых — более легким наказанием.

В Дагомее неверная жена после суда над ней подвергалась смертной казни задушением. У племени ниам-ниам муж в подобных случаях также имел право убить свою жену. Что же касается ашантеев, то у них закон предоставлял мужу право или продать свою неверную жену в рабство, или отрезать ей нос, или, наконец, лишить ее жизни. В Абиссинии же, напротив, хотя муж также может по закону распоряжаться жизнью своей неверной жены, но распущенность так велика, что он редко пользуется своим правом.

Во всей Полинезии супружеская неверность жены, происшедшая без ведома мужа, наказывается смертной казнью.

Эскимосы вообще, кроме редких исключений, мало обращают внимания на супружескую неверность своих жен. Краснокожие же в таких случаях обыкновенно убивают их, за исключением, конечно, тех случаев, когда обманутый муж войдет в добровольное соглашение с любовником своей жены. У модоков неверной жене распарывают обыкновенно живот, а у караибов и гуарани ее наказывают вместе с ее любовником, как воров, смертной казнью.

Такой же казни подвергались некогда неверные жены в древней Мексике и Перу, а в настоящее время — жены племени пипите, живущего в Сальвадоре. В Гватемале, напротив, подобные дела всегда оканчиваются миролюбиво, и там обманутый муж почти всегда прощает свою виновную жену, заслуживая этим даже общее одобрение. В Парагвае прелюбодеяние наказывается только тогда, когда оно совершено с мужчиной другого племени.

3. Выкидыши и детоубийство. Детоубийство и выкидыши чрезвычайно распространены у диких народов в силу потребности регулировать число членов семейства и общества относительно средств пропитания. Обыкновенно инициатором и исполнителем этого рода преступлений является мужчина, сама же женщина берет на себя исполнение их только в особенных случаях и при известных условиях.

Поводом к ним чаще всего служит ревность и культ красоты. У абипонов в Парагвае женщины убивают нередко своих детей, так как, пока длится кормление их, они не могут иметь половых сношений со своими мужьями, которых ревнуют к другим женщинам.

По аббату Гили, индианки, живущие по берегам Ориноко, делают себе выкидыши, так как частые роды, по их мнению, уничтожают красоту. Другие же, напротив, думают, что благодаря им красота сохраняется, и потому у них одни роды следуют за другими.

Шомбург полагает, что причиной частых абортов в Британской Гвиане являются чрезвычайно тяжелый труд тамошних женщин и их тщеславие.

Шарден рассказывает, что персианки производят себе выкидыши с целью удержать своих мужей от ухаживания во время их беременности за другими женщинами.

В Новой Каледонии, на островах Таити и в Гаване женщины абортируют, для того чтобы дольше сохранить свою красоту, а тасманийки делают себе выкидыши, по свидетельству Бонвика, главным образом во время первой беременности.

Римские дамы прибегали некогда к вытравлению плода, боясь лишиться своей красоты, а на Востоке женщины еще и в настоящее время смотрят на аборт как на средство предупредить расторжение брака.

В некоторых случаях женщину наталкивает на выкидыш тяжелый труд, который она несет, так как ей иначе угрожает бремя материнства. Поэтому аборты были распространены у туземок обеих Америк во время испанского господства.

Многие австралиянки, рассказывает Грант, на вопрос, почему они убивают своих детей, благодушно отвечали: «Чтобы не иметь с ними возни, ухаживая за ними».

В Дорезене, где женщина вполне рабски подчинена своему мужу и завалена работой, она обыкновенно отказывается иметь больше двух детей и абортирует во все последующие беременности.

В некоторых случаях мотивом выкидышей являлся разврат.

На островах Отаити существовал мистическо-развратный союз «Ареой», в котором женщины считались общественной собственностью и где они участвовали в самых разнузданных оргиях. Они без стыда сознавались в вытравливании плода, объясняя это желанием не прерывать своих празднеств.

Наконец, особенно частой причиной детоубийства являются нищета и недостаток средств к пропитанию.

На острове Формозе женщине воспрещается иметь детей ранее 36-летнего возраста.

Для этого там существует особый класс жриц, которые искусно вызывают у женщин аборты ударами по животу.

Как сообщает Так, у племени маори женщины абортируют по 10–12 раз в своей жизни.

У многих племен Южной Америки существует обычай иметь только по два ребенка, поэтому остальные беременности прерываются здесь искусственно.

Женщины из племен кадоба и максава абортируют при всякой незаконной беременности.

Алан Веб сообщает, что нигде аборты не встречаются так часто, как в Индии, где производством их специально занимаются многие женщины.

У кафиров в Центральной Азии жены имеют право вытравлять у себя плод даже тогда, когда мужья их на это не согласны.

На острове Кутче, к северу от Бомбея, вытравление плода очень распространено. Одна мать хвастала, что абортировала пять раз.

На Камчатке сама беременная заботится об избавлении себя от плода.

На всем Востоке, по причине безнаказанности абортов, нет вообще незаконных рождений. В Турции, особенно в Константинополе, в высших классах муж, имеющий уже двух детей, отсылает при каждой новой беременности свою жену к акушерке, чтобы та ей сделала выкидыш. Аборты так распространены здесь, что в одном лишь Константинополе ежегодное число их среди одних только турок доходит, по Плоссу, до 4000, причем в 95% они успешны. В 1875 году мать-султанша издала приказ делать выкидыш всякой женщине из гарема, раз она забеременеет.

4. Колдовство и одержимость нечистой силой. Колдовство и одержимость нечистой силой считались в средних веках самыми тяжкими преступлениями женщин.

Хотя и древние верили в колдовство и ведьм, как об этом свидетельствуют Гораций, Люциан и Апулей, но только лишь в средних веках под влиянием христианства начали смотреть на колдовство как на преступление.

В настоящее время никто, конечно, не сомневается в том, что под колдовством следует понимать не что иное, как истероэпилепсию.

Главным доказательством занятий колдовством считались признаки так называемого «дьявольского клейма», заключавшиеся в том, что на известных местах кожи уколы не сопровождались ни болью, ни кровотечением. Теперь мы знаем, что тут дело в полосной нечувствительности кожи, столь характерной для истерии. Все авторы согласны в том, что число колдуний превышало число колдунов, так

как, говорит Sprenger — автор «Malleus maleficarum», этой классической книги о преследовании колдуний, — «женщина более порочна, нежели мужчина. Из трех главных ее пороков: неверности, честолюбия и развратности — на один указывает самое название ее: femina, то есть fide minor».

Другим характерным признаком причастия к колдовству считалось, если обвиняемый начинал говорить на незнакомом языке. Здесь дело сводится к нередкому в истерии автоматическому воспроизведению прежних забытых впечатлений из сферы бессознательного. «Одержимые демоном, — замечает Амброзе Паре, — говорят на незнакомых им языках».

Монахини из Оксока, среди которых наблюдалась в 1652 году эпидемия истерии, говорили, по словам современников, на разных языках, а монахини из Лудона (1632) говорили, сами не зная этого, по-латыни и слышали на далеких расстояниях слова, произносимые тихим голосом. За это одни и другие были объявлены одержимыми нечистой силой.

В 1534 году в Риме, в одном женском приюте для сирот, у 80 молодых девушек появились одновременно конвульсии и болезненные представления. Во время припадков они говорили на разных языках, в чем современники усмотрели ясное доказательство того, что они одержимы бесом.

Подобные явления напоминают иногда так называемый перенос мыслей, телепатию. Так, например, шалонский епископ мысленно приказал одной одержимой, некой Parisot, прийти к нему для того, чтобы подвергнуться процессу изгнания дьявола. Parisot, несмотря на то что жила очень далеко от епископа, исполнила его приказание. В другой раз этот же епископ велел также мысленно другой монахине, Barthon, пойти в храм и преклонить колени перед распятием, что она в точности и исполнила.

В 1491 году монахини Камбре, одержимые бесом, отгадывали прошедшее и предсказывали будущее. В Нанте в 1549 году были сожжены семь находившихся в экстазе жен-

щин, которые утверждали, что знают все, что случилось в городе во время их припадков.

Жанна д'Арк (сожженная на костре как колдунья) предсказывала будущее; она говорила, что в битве ею руководит ангел. Заслуживает внимания то обстоятельство, что она никогда не имела менструаций, что на суде было истолковано совсем не в ее пользу.

Столь ужасные преследования колдуний отчасти были обязаны признанием самих же истеричек, которые под влиянием галлюцинаций, большею частью эротического характера, утверждали, что имели сношения с дьяволом, беременели от него и посещали шабаш ведьм.

Взгляд, будто дьявол, овладев девушкой, непременно ее насиловал, был причиной очень распространенного испытания в колдовстве, то есть исследования девственности у обвиняемых.

Жанна Хервилье, сожженная в 1578 году в Рибмонте, утверждала перед смертью, что она находилась в связи с дьяволом, начиная с 12-летнего возраста, и когда он является в монастырь, то выбирает себе жертвы между самыми молодыми девочками.

Настоятельница Мадлен из Кордовы, считавшаяся величайшей святой своего времени, благословения которой добивались сам Папа и король испанский, чуть не была сожжена живою и едва не лишилась всех своих духовных отличий за то, что однажды вдруг объявила себя любовницей одного падшего ангела, с которым она будто находилась в связи в течение 13 лет.

В 1550 году почти все монахини монастыря в Уберти после сорокадневного почти абсолютного поста сделались жертвами дьявола: начали богохульствовать, говорили всякие несообразности и в судорогах падали на землю,

В 1609 году урсулинки объявили, что были околдованы и изнасилованы своим настоятелем, который был за это сожжен.

В Лотарингии одна женщина по имени Амери была привлечена к суду за то, что, околдовав одного ребенка, была причиной того, что он выпал из окна. Под пыткой она

призналась, что находится в связи с дьяволом, изображение которого она даже указала в одном месте на стене, к великому ужасу судей, ничего, однако, не видевших.

Амулет Дефрасне из Валансьена обвинялась в том, что своим колдовством погубила многих женщин. Сперва она упорно отрицала свою вину, но потом под пыткой созналась, что действительно занималась колдовством и что дьявол явился ей 15 лет тому назад и с того времени сделался ее любовником.

Легенда о шабаше была также обязана своим происхождением эпидемии галлюцинаций, появлению которых благоприятствовали бывшие тогда в ходу среди женщин натирания белладонной и тому подобными сильнодействующими средствами, вызывавшими галлюцинации и известное состояние опьянения. На одной гравюре XVI столетия изображены две женщины, из которых одна натирается подобной волшебной мазью, в то время как другая поднимается верхом на метле из трубы.

Если обвиняемая в колдовстве женщина не сознавалась в своем преступлении, то ее бросали в ужасную темницу, подвергали всевозможным пыткам и допросу, производившему на нее давление и действовавшему подобно внушению. Под влиянием всего этого она сознавалась прежде всего в посещений шабаша ведьм, который и описывала самым подробным образом. Так, Францис Сакретен, посаженная в тюрьму по подозрению в колдовстве, сперва упорно все отрицала, потом, однако, призналась, что находилась в связи с дьяволом, многократно посещала шабаш, куда отправлялась верхом на белой палке, участвовала в танцах, била по воде палкой, чтобы вызывать град, и отравила многих лиц данным ей дьяволом порошком.

Де Ланкрес, наиболее компетентный знаток колдовства в XVII столетии, пишет: «Обыкновенно женщины, посещающие шабаш, ведут хороводы; они бегут и скачут с распущенными, как у фурий, волосами, с обнаженными головами, совершенно голые, покрытые иногда мазью. Они ездят верхом на метле, скамье или ребенке».

Регнар следующим образом описывает галлюцинации насчет шабаша ведьм: «Шабаш происходит обыкновенно в кустарнике, на каком-нибудь кладбище или же в покинутом монастыре. Отправляясь на этот шабаш, колдунья должна была натереться мазью, данной ей дьяволом (белладонной), произнести несколько заколдованных слов и затем сесть верхом на метлу. Прибыв на место, ведьма прежде всего должна была показать, что на ней есть печать дьявола (Stigmata diaboli) в порядке, как это воспроизведено Тенером на одной из его картин. После этого она отправлялась на поклон к дьяволу, чудовищному существу с головой и ногами козла, с огромным хвостом и крыльями летучей мыши. При этом она отрекалась от Бога, Богоматери и святых, после чего уже над ней совершалось дьявольское крещение, представлявшее собой карикатуру католического крещения. После полуночи начинался ужин, состоявший из жаб, из мяса, печени и сердец некрещеных детей; за ним следовали отвратительные танцы, продолжавшиеся до первого пения петуха, при котором все собрание мгновенно разбегалось».

Обстоятельством, еще более способствовавшим распространению паники, был кантагиозно-заразительный характер подобных истерических эпидемий, что считалось, конечно, делом ведьм. Так, эпидемии наблюдались в Эльзасе в 1511 году, в Кельне — в 1564-м, в Савойе — в 1574-м, в Тулузе — в 1577-м, в Лотарингии — в 1580-м, в Юре и в Бранденбурге — в 1590-м и, наконец, в Берне — в 1605 году.

Хотя колдовство было не что иное, как истерия или истероэпилепсия, но ни одно другое патологическое явление психического мира не поражало так сильно человеческое воображение. Особенно сильное впечатление производило удивительное обострение духовных способностей, столь часто наблюдаемое во время эпилептических припадков. «Нет теолога, более их компетентного в духовных завещаниях, контрактах и всевозможных жалобах; наконец, нет врача, который лучше знал бы, чем они, строение человеческого тела, влияние на него неба, звезд, птиц, рыб и деревь-

ев и пр., и пр. Они могут по произволу производить холод или тепло, останавливать течение рек, делать бесплодной землю, убивать скот и особенно околдовывать других людей и продавать их дьяволу».

Особенно боялись повивальных бабок, занимавшихся колдовством, так как они могли легко передавать во власть дьявола новорожденных. Жестокость мер, которые принимались для искоренения колдовства, лучше всего свидетельствует о том ужасе, какой оно внушало. В Тулузе сенат осудил в 1527 году на сожжение 400 колдуний. Da Lancie, президент парламента в Бордо, послал на костер в 1616 году множество женщин и жаловался на то, как это страшно, что в церкви лают по-собачьи более 40 женщин. Gray сообщает, что по постановлению парламента в Англии было сожжено разновременно более 3000 лиц, обвинявшихся в занятии колдовством. В 1610 году герцог Вюртембергский приказал магистратам предавать сожжению каждый вторник по 20–25, но отнюдь не меньше 15 колдуний. Во время Иоанна VI, курфюрста Трирского, ожесточение судей и народа против ведьм дошло до того, что в двух селениях остались в живых только две женщины.

Буге хвастал, что он лично сжег в своей жизни более тысячи колдуний.

В Валери, в Савойе были сожжены в 1570 году 80 ведьм, в Лабурде в 1600 году в течение четырех месяцев — тоже 80, а в Лагроно в 1610 году — пять.

Лишь благодаря научному скептицизму XVIII столетия эти ужасные казни начинают понемногу утихать. Однако полное изгнание из цивилизованного мира веры в одержимость дьяволом произошло в начале нынешнего столетия благодаря незабвенному Пинелю.

5. Отравления. Особенно частым преступлением в криминологии женщины является отравление.

Цезарь рассказывает, что у галлов был обычай: когда кто-нибудь из них умирал, сжигали вместе с ним и всех его жен, если только являлось малейшее подозрение о неестественной смерти его. Эта простая процедура была обязана своим происхождением частым отравлениям.

В Китае существует особый класс колдуний, называемый «ми-фукау», которые обладают секретом отправлять втихомолку на тот свет людей и имеют обширную клиентуру, главным образом среди замужних женщин. В Аравии приготовлением, равно как и торговлей различными ядами, исключительно занимаются женщины.

В консульстве Клавдия Марцелла и Тита Валерия в Риме был открыт заговор 170 патрицианок, которые отравлениями произвели среди женатых мужчин такое опустошение, что его можно было приписать эпидемии (Тит Ливии, кн. VIII). Вакханки представляли собою женщин, предававшихся разврату и другим порокам и совершавших, как известно, массу преступлений.

Римские писатели, оставившие нам имена Капидии, Локусты и других подобных женщин, ясно указывают на то, что знание ядов считалось специальностью женщин. Ювенал говорит в своих сатирах об отравлении мужей как об обыкновенной вещи среди римской аристократии.

В Египте во времена Птоломеев эпидемически распространялись среди женщин нарушения супружеской верности и отравления.

В Персии официальной женой шаха становится та женщина, от которой родится его первый сын. Поэтому там очень распространено отравление новорожденных завидующими друг другу соперницами.

Во Франции в XVIII столетии, особенно в царствование Людовика XIV, отравления приняли эпидемический характер среди дам высшей аристократии. Дело дошло до того, что король должен был создать особый трибунал Chambre ardente, обязанностью которого было заниматься исключительно делами об отравлении (указ от 7 апреля 1769 года). Общество было тогда до того объято паникой, что процесс знаменитой отравительницы Delegrande тянулся несколько лет потому только, что она делала беспрерывные намеки на какой-то заговор против жизни короля.

Имена Катрин Ла Вуазен, Мари Мадлен Бренвилье сделались знаменитыми в истории преступления. В отравлении одно время подозревалась даже Олимпия Манчини, племянница Мазарини и мать принца Евгения.

В 1632 году была казнена в Палермо некая Теофания, торговавшая ядами, а год спустя та же участь постигла ее ученицу Франческа де Скарна. С тех пор выражение «Gnura Tufania» осталось в Сицилии синонимом отравительницы, откуда и происходит название воды «acqua tofana», состоящей преимущественно из мышьяка.

В 1642 году в Неаполе было отравлено много народу какой-то таинственной жидкостью, продававшейся некой женщиной, находившейся в сношении с вышеупомянутой Теофанией.

Около того же времени в Риме четыре женщины — Мария Спинола, Джиованна Грандис, Геронима Спана и Лаура Крисполетти — торговали так называемой манной св. Николая — ядом, состоявшим главным образом, по-видимому, из мышьяка.

Итак, если исключить детоубийство и выкидыши, женщина у диких, как и у других народов, совершает в общем значительно меньше преступлений сравнительно с мужчиной, хотя она по своему характеру более склонна к дурному, чем к хорошему. Многие преступления, за которые она подлежит наказанию, чисто условны, так, например, нарушения табу и занятия колдовством. То, что соответствует преступлению мужчины, есть у дикой женщины, как мы это сейчас увидим.

ВРОЖДЕННЫЕ ПРЕСТУПНИЦЫ

1. Между антропологией и психологией преступницы существует полная аналогия. Подобно тому как от массы преступниц, у которых обыкновенно наблюдаются лишь немногие и незначительные признаки вырождения, отщепляется группа с более резко и богато выраженными, чем у мужчин-преступников, признаками, точно так же из общего числа их выделяется небольшой кружок лиц, отличающихся более интенсивной испорченностью, чем мужчины, и сильно превосходящих в этом прочих преступников, которых до преступления доводит в большинстве случаев постороннее внушение и у которых обыкновенно нравственное чувство более или менее сохранено. Группа эта и есть врожденные преступницы, испорченность которых находится в обратном отношении к их числу.

«Всевозможные наказания не в состоянии воспрепятствовать этим женщинам нагромождать одни преступления на другие, и их испорченный ум гораздо находчивее в изобретении новых преступлений, чем суд в придумывании новых наказаний» (Conrad Celtes); «женская преступность имеет более циничный, жестокий, испорченный и ужасный характер, чем мужская»; «женщина, — говорит итальянская поговорка, — сердится редко, но более метко, чем мужчина». Конфуций когда-то сказал, что «на свете нет ничего, что более портит других и само подвергается порче, чем женщина». Известно изречение Эврипида: «Страшна сила волн, пожирающего пламени, ужасна нищета, но страшнее всего женщина».

Испорченность женщины преимущественно сказывается в двух особенностях ее преступлений: в их множественности и жестокости.

2. Множественность преступлений. Многие врожденные преступницы отличаются совершением преступлений не одной, но нескольких категорий, а некоторые из них являются исполнительницами двух родов преступлений, которые у мужчин взаимно исключают друг друга, а именно отравления и убийства.

Маркиза Де Бренвилье обвинялась в одно и то же время в отцеубийстве, отравлении из жадности и мести, клевете, детоубийстве, воровстве, кровосмешении и поджоге. Энгельберт была осуждена за клевету, нарушение супружеской верности, сводничество, кровосмешение и убийство. Она отдала на растление свою дочь собственному сыну, для того чтобы сделать его помощником в убийстве своего мужа. Голет была проститутка, воровка, мошенница, убийца поджигательница, а Ф. занималась проституцией, сводничеством и обвинялась в воровстве, клевете и кровосмешении; Г. Бомпард была осуждена за проституцию, воровство, мошенничество, клевету и убийство, а Троссарелло — за проституцию, воровство, нарушение супружеской верности и убийство. История приписывает Агриппине следующие преступления: нарушение супружеской верности, кровосмешение и побуждение к убийству, а Мессалине — супружескую неверность, проституцию, побуждение к убийству и воровству.

Одна 17-летняя проститутка, которую наблюдал Оттоленги, была осуждена за воровство, укрывательство, совращение и разврат малолетних, отравление и убийство, а другая — за нарушение супружеской верности, отравление и побуждение к убийству. Последняя занималась в то же время и трибадией[1].

3. Жестокость. Врожденная преступница превосходит преступника в другом отношении, а именно в рафинированной жестокости, с которой она совершает свои преступления. Ей недостаточно, что враг ее умирает; она должна еще насладиться его смертью. В итальянской шайке разбойников «la Taille», возникшей на юге Франции, женщины

[1] Трибадизм — форма непроникающего секса между женщинами.

обнаруживали большую, нежели мужчины, жестокость при истязании пленников и особенно пленниц. Тибурцио убила свою товарку во время ее беременности, бросилась затем на труп ее, рвала зубами ее мясо и бросала откушенные куски своей собаке. Шевалье убила одну свою беременную родственницу, загнав ей в голову через слуховой ход вилку. Р. не удовлетворилась ранами, которые она наносила своим вероломным любовникам, находя это слишком легким наказанием для них: она ослепляла их, засыпая их глаза мелким стеклянным порошком, который она приготавливала, разгрызая собственными зубами стеклянные вещи. Известная Д. облила своего любовника, изменившего ей, серной кислотой. Когда ее на суде спросили, отчего она не прибегла для мести к ножу, она ответила: «Для того чтобы лучше дать ему почувствовать всю горечь смерти». София Гантье замучила насмерть медленными истязаниями семь мальчиков, доверенных ей для воспитания. Мы находим в истории всех времен многочисленные примеры жестокости, соединенной со сладострастным темпераментом, у женщин, находившихся на высоте власти.

Кроме всем известных Агриппины, Фульвии, Мессалины и Елизаветы мы приведем еще следующие случаи. Аместрис выпросила себе у Ксеркса, обещавшего исполнить ее просьбу, выдачу матери своей соперницы. Когда это было исполнено, она отрезала несчастной женщине грудные железы, уши, губы и язык, бросила отрезанные части на съедение собакам и в таком виде отослала ее домой.

Парисатида, мать Артаксеркса, приказала разрезать на части свою соперницу, а мать и сестру ее зарыть в землю живыми. Кориана, хваставшего, что он убил Кира, она истязала и мучила в продолжение десяти дней.

Возлюбленная китайского императора Кион-Син (1147 год) приказывала разрезать на части всякую женщину, которая удостаивалась ласк ее развратного любовника, варила их и отсылала к отцу своей жертвы, которого потом постигала такая же участь. Беременных женщин она приказывала разрывать на части живыми.

Но высшую степень жестокости мы находим у женщин-матерей, у которых наиболее глубоко коренящееся в человеческой натуре чувство перерождается в ненависть. Хогелия погружала в воду головку своей девочки во время наказания ее, чтобы заглушить ее крики. Однажды она ногой столкнула ее со всех лестниц, вследствие чего у ребенка сделалось искривление позвоночного столба. В другой раз она ударила ее по плечу с такой силой, что причинила вывих его. Превратив таким образом постепенно свою дочь в урода, она стала ее звать в насмешку верблюдом. Во время болезни ее, чтобы унять ее плач, она лила ей на голову ледяную воду, клала на лицо тряпки, испачканные испражнениями, и заставляла в течение многих часов вслух повторять: «Дважды два — четыре».

Келш также погружала лицо своего сына в испражнения, заставляла проводить его на балконе холодные зимние ночи в одной сорочке. Екатерина Хайс, убив своего мужа, отрезала голову его перочинным ножом и отравила восемь детей.

Кокотка Стакенбург начала истязать свою дочь на 42-м году, когда поклонники покинули ее. «Я терпеть не могу девочек», — говорила она. Она подвешивала ее под руки на одеяле, била молотком по голове, прижигала утюгом и однажды, избив ее палкой досиня, стала насмехаться над ней, говоря: «Теперь ты маленькая негритянка».

Рулфи заставляла голодать свою маленькую девочку и, чтобы усилить ее мучения, принуждала ее присутствовать за столом во время своих обедов. Она пригласила для нее учителя с единственной целью иметь возможность бранить и бить ее, когда та не знала своих уроков, что при таком содержании ребенка было, конечно, не редкостью. Она связывала ее и заставляла младших братьев колоть ее булавками, чтобы к физической боли присоединить еще чувство унижения.

Каким же образом объяснить себе подобное зверство в характере преступниц?

Мы уже видели, что даже у нормальной женщины болевая чувствительность меньше развита, чем у мужчины,

а сочувствие чужому страданию находится, как известно, в прямой зависимости именно от нее, так что оно не имеет места там, где чувствительность эта совершенно отсутствует. Далее мы выяснили, что у женщины много общего с ребенком: она обладает слабо развитым нравственным чувством, ревнива, злопамятна и старается выразить свою месть в рафинированной, жестокой форме — все это недостатки, которые у нормальной женщины более или менее уравновешиваются и нейтрализуются чувством сострадания, материнством, меньшей страстностью в половом отношении, физической слабостью и более слабой интеллигентностью ее.

Но если болезненное раздражение психических центров возбуждает дурные инстинкты и требует себе какого-нибудь исхода, если способность сочувствовать чужому страданию и материнская любовь отсутствуют, если, наконец, сюда еще присоединяются, с одной стороны, сильные страсти и потребности, являющиеся следствием чрезмерной похотливости, а с другой — развитой ум и физическая сила, дающие возможность приводить в исполнение дурные замыслы, то ясно, что полупреступница — существо, каким является нормальная женщина, — должна легко превратиться во врожденную преступницу, более страшную, нежели любой преступный мужчина. Какими ужасными преступниками были бы дети, если бы им были знакомы сильные страсти, если бы они обладали физической силой и развитым умом и если бы, наконец, их тяготение ко злу усиливалось бы еще вследствие болезненного возбуждения!

Женщины — взрослые дети: дурные инстинкты их многочисленнее и разнообразнее, чем наклонности ко злу мужчин, но они находятся у них почти в латентном, скрытом состоянии; если же они возбуждаются и просыпаются, то последствия этого, конечно, должны быть самые ужасные.

Врожденная преступница представляет собою, кроме того, исключение в двойном отношении: как преступница и как женщина. Преступник сам по себе является ненормальностью в современном обществе, а преступная женщина

есть еще исключение и среди преступников, ибо естественная атавистическая форма преступности у женщины есть не преступление, а проституция, так как примитивная женщина более проститутка, чем преступница. Поэтому преступница, как двойное исключение, должна быть вдвое более чудовищной. Мы уже видели, как многочисленны причины, предохраняющие ее от преступления (материнство, сострадание, физическая слабость и пр., и пр.); если поэтому женщина, несмотря на все это, совершает все-таки преступления, то ее нравственная испорченность, побеждающая все эти препятствия, должна быть поистине чудовищна.

4. Чувствительность и мужские черты характера. Мы видели, что у преступниц наблюдается усиленная чувственность — черта, также приближающая их к мужчинам. Этим объясняется, почему у всех подобных женщин ко всем их преступлениям обязательно присоединяется проституция. Эротизм является у них центром, вокруг которого группируются обыкновенно прочие особенности их преступной натуры. Так, например, у Р. М., Марии В., Дисквани, Беридо и Авелины чувственность их связана с большой импульсивностью желаний и поступков; у Стар, Зилье и Бухорс она комбинируется с такими мужскими чертами характера, как мужество, энергия и пр., а у Марии В. — с мужскими вкусами и наклонностью к употреблению спиртных напитков и курению табака. У Грас эротизм уживается рядом с полумистической религиозностью, так как на ее аналое найдены книги духовного содержания вместе с рукописями самого грязного и циничного содержания. Наконец, у Кагнони, Стакенбург и Хогелия мы находим вместе с сильной чувственностью отвращение к материнским функциям, что напоминает нам некоторых животных, которые ожесточаются во время течки против своих собственных детенышей: у таких женщин течка длится, так сказать, круглый год.

Очень часто мы встречаем у чувственных натур наклонность к праздной жизни, полной приключений, и к самым необузданным удовольствиям. Так, Бомбард призна-

лась, что лучше готова была идти на каторгу, чем взяться за какой-нибудь труд. То же самое мы можем сказать относительно Траикин, Стар и многих других преступниц. У Лафарж эта страсть выражена в более тонкой форме, а именно в виде стремления жить роскошно в большом городе и быть окруженной толпой поклонников. Это желание и породило в ней план убить своего мужа, который взял ее с собой в деревню, в одиночество, и вернуться в Париж богатой вдовой. Достигшая такой силы чувственность многих преступниц, являющаяся ненормальной для обыкновенной женщины, становится у них источником пороков и преступлений и причиной того, что они превращаются в негодные к общественной жизни существа, стремящиеся только к удовлетворению своих сильных страстей и напоминающие собою необузданных дикарей, половой инстинкт которых еще не дисциплинирован цивилизацией.

5. Аффекты и страсти. Особенно тяжким признаком вырождения является у многих преступниц полное отсутствие у них материнской любви. Знаменитая американская воровка и обманщица Лайнс убежала из Америки и оставила на произвол судьбы, несмотря на то что была очень богата, своих детей, которые без общественной благотворительности умерли бы от голода. Бертран совершенно забросила своего ребенка в раннем возрасте его, нисколько не заботясь о его пропитании и одежде. Энгельберт отдала на растление свою дочь собственному сыну. Феллакс, с целью удержать около себя своего любовника Дубона, содержавшего ее и всю семью ее и желавшего порвать это отношение, заставила свою собственную дочь отдаться ему, после того как последняя сопротивлялась этому в течение пяти дней. Когда же Феллакс заметила, что любовнику пришлась очень по вкусу ее дочь, она воспылала к последней ревностью и истязала ее до тех пор, пока та не умерла. Маркиза Бренвилье пыталась отравить свою 16-летнюю дочь из ревности и зависти к ее красоте. Гаакема отравила свою дочь с целью воспользоваться ее капиталом в 20 000 франков. F., шпионка, проститутка, воровка и утай-

щица, обвинявшаяся также в клевете и сводничестве, женила своего любовника на своей предварительно проституированной дочери, но воспретила им всякое половое общение. Когда же супруги ослушались ее и провели вместе одну ночь в гостинице, она устроила так, что они были арестованы полицией, что ей было нетрудно ввиду ее близких отношений с последней. Троссарелло призналась, что любила детей своих не более, чем котят.

Другим доказательством отсутствия материнской любви у большинства преступниц служит то обстоятельство, что они очень часто делают соучастниками своих преступлений своих собственных детей. Это тем более поразительно, что проститутки, наоборот, всеми силами стараются обеспечить своим дочерям честное, незапятнанное существование. О Энгельберт мы уже говорили. Легер в сообщничестве со своим сыном убила соседку свою с целью ограбления ее. Д'Алессио заставила дочь свою помочь ей в убийстве своего отца, а Милле навела сына на мысль умертвить своего отца. Из этих фактов следует, что для подобных женщин их собственные дети чужды им и что они, вместо того чтобы окружить их любовью и защитой, смотрят на них как на орудия своих страстей, подвергая их тем опасностям, которых сами боятся.

Один из нас знавал содержавшуюся в тюрьме некую Маренго, воровку, которой передали в камеру ее грудное дитя. Однако, несмотря на то что ей было решительно нечего делать, она не захотела кормить своего ребенка, говоря, что «ей это скучно», и последний чуть не погиб от голода, так что его пришлось отлучить от груди и кормить искусственно.

Это полное отсутствие всякого материнского чувства возможно понять, если припомнить, что врожденные преступницы наполовину мужчины, благодаря целому ряду чисто мужских черт в их характере, и что влечение их к жизни, полной наслаждений, несовместимо с функцией материнства, состоящей из одних жертв. Женщины эти не чувствуют, как матери, ибо антропологически и психологически они более принадлежат к мужскому, чем к женскому

полу. Они были бы отвратительными матерями из-за своей очень сильной чувственности, которая находится, как мы это только что заметили, в противоречии с материнством. Как могли бы они, вполне одержимые своею страстью удовлетворения своих многочисленных желаний и низменных, похотливых инстинктов, быть способны на самоотверженность, терпеливость и преданность, которые лежат в основе материнства? В то время как у нормальной женщины половой инстинкт всецело подчинен материнскому и она, будучи матерью, отказывается от ласк любовника или мужа из боязни повредить своему ребенку, у преступниц, напротив, мы наблюдаем совершенно обратное явление: здесь мать, чтобы удержать при себе любовника, не задумывается принести ему в жертву честь родной дочери.

Органическая аномалия — moral insanity, или эпилептоидный невроз, — составляющая основу врожденной преступности, обусловливает собою такое извращение чувств, благодаря которому женщина теряет прежде всего свое материнское чувство, подобно тому как монахиня в таких случаях перестает быть религиозной, а солдат — подчиняться дисциплине, причем у первой это выражается богохульством, а у второго — стремлением оскорбить свое ближайшее начальство.

Материнское чувство встречается в парадоксальной форме слитым с чувственностью, вместо того чтобы подавить ее, в тех случаях, где мать становится любовницей своего собственного сына и безумно любит его в одно и то же время как сына и любовника. Так, Минсдоттер находилась в связи со своим 16-летним сыном и женила его по расчету на одной девушке, но не позволяла им отправлять супружеских обязанностей. Однако, несмотря на это, она убила все-таки из ревности свою невестку и, арестованная вместе с сыном, всячески старалась выгородить его, принимая всю вину на себя. Подобное совмещение материнской и чувственной любви можно объяснить себе тем, что в любви матери к ребенку содержится всегда известный намек на чувственное наслаждение, каким является, например, то нежное удовольствие, которое испытывает

она при кормлении его. Если при нормальных условиях это едва уловимое чувство усиливается у женщины очень страстным темпераментом, то из него происходит кровосмесительная материнская любовь, подобная той, какую питала Минсдоттер к своему сыну и в которой женщина жертвует собой как мать и любовница.

Материнство оказывает благодетельное противопреступное влияние на женщину, и там, где преступница является матерью, чувство ее к своему ребенку служит, по крайней мере в течение более или менее продолжительного времени, могучим нравственным противоядием для нее. Так, мы видим, что Томас, погрязшая с раннего детства в пороках и разврате, преобразилась и жила честной жизнью в течение всего времени, пока жил ее ребенок, но, как только последний умер, она опять впала в прежнюю жизнь.

Вот почему у настоящих врожденных преступниц материнская любовь никогда не является мотивом к совершению преступления, ибо это благородное чувство несовместимо с вырождением, и оно отсутствует у них так же, как у психических больных и самоубийц.

6. Мстительность. Главнейшим мотивом преступлений является у врожденных преступниц мстительность, которая свойственна уже нормальной женщине, а у них достигает крайних степеней развития и выражается очень сильной несоответственной реакцией на малейшее раздражение. Жегадо отравила своих господ вследствие злобы против них за сделанное ей замечание, а своих товарок по службе — за какую-то ничтожную обиду. Клосс точно так же отравила своих господ, когда те за что-то выбранили ее и отказали от места, Ронсу, служившая у одного откупщика, подожгла его дом, после того как он не позволил ей полакомиться вишнями из корзины, предварительно пригрозив ему, что он будет сожалеть о своем поступке. Подобное же преступление и при почти аналогичных обстоятельствах совершила в июне 1890 года одна служанка в Бейкендорфе. М. пыталась убить свою знакомую за то, что та оклеветала ее, а Троссарелло выразилась однажды, угрожая своим товаркам, следующим образом: «Я ношу в своем

сердце мысль о мести и советую вам подумать об этом». Пишерель отравила своего соседа из мести за то, что он не позволил сыну своему жениться на ней. Суд приговорил ее к смертной казни, и, когда ей был прочитан приговор, к ней обратились с увещеванием простить окружающим их прегрешения, как это сделал Спаситель. «Господь, — ответила она на это, — поступил, как ему было угодно, а я никогда не прощу».

Обыкновенно преступница удовлетворяет свое чувство мести не так скоро, как преступник, а спустя дни, месяцы, даже годы, ибо страх и физическая слабость являются обстоятельствами, на первых порах тормозящими ее мстительность. У нее месть является не рефлекторным актом, как у мужчин, но своего рода любимым удовольствием, о котором она мечтает в продолжение месяцев и годов и которое насыщает ее, но не удовлетворяет.

Очень часто преступления, совершаемые женщинами из ненависти и мести, имеют очень сложную подкладку. Преступницы, подобно детям, болезненно чувствительны ко всякого рода замечаниям. Они необыкновенно легко поддаются чувству ненависти, и малейшее препятствие или неудача в жизни возбуждают в них ярость, толкающую их на путь преступления. Всякое разочарование озлобляет их против причины, вызвавшей его, и каждое неудовлетворенное желание вселяет им ненависть к окружающим даже в том случае, когда придраться решительно не к чему. Неудача вызывает в душе их страшную злобу против того, кто счастливее их, особенно если неудача эта зависит от их личной неспособности. То же самое, но в более резкой форме наблюдается и у детей, которые часто бьют кулаками предмет, толкнувшись о который они причинили себе боль. В этом видно ничтожное психическое развитие преступниц, остаток свойственной детям и животным способности слепо реагировать на боль, бросаясь на ближайшую причину ее, даже если она является в форме неодушевленного предмета. Так, Морин слепо возненавидела и покушалась даже отравить адвоката, ведшего против нее дело, которое он выиграл, а она проиграла, потеряв при этом гро-

мадную сумму денег. Ронде убила свою престарелую мать непосредственно после того, как получила от нее в наследство все состояние ее и когда ей приходилось содержать ее, по всей вероятности, лишь весьма короткое время. Давно лелеянная ею мысль об этом наследстве наполнила ее такою ненавистью к матери, что она, рискуя собственной жизнью, убила ее в то время, когда это было для нее по меньшей мере бесполезно. Левлин возненавидела свою свекровь за то, что та не давала ей средств блистать в обществе, и покушалась на жизнь ее, хотя не могла надеяться сделаться ее наследницей. Планш убила одного родственника только потому, что он был богат и известен, а она с мужем — бедна. Еще сильнее проявляются ненависть и мстительность, если затрагивается одна из специфических женских страстей, к которым примешивается половой элемент, как, например, ревность. Кокотка М. убила одну из своих подруг за то, что та, будучи очень красивой, имела огромный успех у мужчин.

Так называемые любовные драмы, покушения облить серной кислотой или убить вероломного любовника являются часто только последствиями задетого тщеславия или неудавшегося расчета. Героиней такого рода преступлений является обыкновенно какая-нибудь кокотка, вознамерившаяся женить на себе какого-нибудь наивного юнца или выжившего из ума старичка и неожиданно натолкнувшаяся на непреодолимые препятствия. Так, например, Арно покушалась облить серной кислотой своего 15-летнего поклонника, с которым она находилась в связи, после того как он вздумал порвать связь эту благодаря настояниям своих родных. Дефрисе после многолетней распутной жизни вовлекла в любовную связь купца, у которого служила кассиршей, и уговорила его затеять бракоразводный процесс со своей женой. Она пустила в ход все, чтобы добиться расторжения этого брака, но, когда купец в последнюю минуту одумался и отказался от своего плана, она покушалась на его жизнь.

Бурге следующим образом описывает женщин, прибегающих к серной кислоте (les vitrioleuses) как к орудию

своей мести: «Обыкновенно это лицемерные комедиантки, чрезвычайно тщеславные и необыкновенно гордые, большею частью освистанные актрисы, не нашедшие для себя издателей, или полукокотки, неудачно пытавшиеся выйти замуж; все они стараются утолить свою злость при помощи серной кислоты...».

Сюда же принадлежат и содержанки, хоть и не имеющие видов на замужество, но мстящие своим любовникам, если те бросают их, после того как убедятся, что они не сохраняют по отношению к ним той относительной доли верности, на которую они имеют право за свои деньги.

Форе, например, покинутая по этой причине своим любовником, облила его серной кислотой, а Маттерон поэтому же хладнокровно застрелила своего обожателя. Злоба и гнев этих женщин являются здесь не вследствие страданий, причиненных им тем, что их покинули, но вследствие сознания, что они лишаются своих доходов, так как обман их обнаружен и проделки раскрыты, то есть вследствие оскорбленного самолюбия. Вот почему они ненавидят старых любовников, если последние не дают себя далее благодушно обманывать, что, по мнению этих женщин, долг и обязанность их.

Сюда же относится случай Праже, которая направила своего брата с револьвером в руках против своего мужа, когда тот возмутился наконец ее постоянными изменами и потребовал во время бракоразводного процесса, чтобы она оставила его дом. Prager действовала так, как будто муж ее, прощавший ей много раз ее обманы, причинил ей вопиющую несправедливость тем, что вздумал наконец положить конец своей бесполезной снисходительности.

Подобные проституированные женщины обращают обыкновенно свой гнев против самых добрых и великодушных своих любовников, точно доброта последних не обязывает их лучше относиться к ним, а дает им право требовать от них исполнения самых прихотливых желаний своих. Чем добрее и мягче их покровители, тем более они их эксплуатируют и возмущаются, если те наконец не позволяют этого проделывать над собой. Женщин, подобных

Форе и Маттерон, бесчисленное множество раз бросали их любовники, обращавшиеся с ними не столь мягко, как их жертвы, но это, однако, не вызывало их ярости.

Туссен начала преследовать единственного по-человечески обращавшегося с ней любовника д'Эс., после того как последний поймал ее на месте преступления с одним знакомым и бросил за это. Она пыталась угрозами добыть от него деньги, обвинила его в воровстве и наконец, когда он женился, прислала его молодой жене три письма в один день, сообщая ей в самой грубой форме, что ее муж до женитьбы находился с ней в любовной связи. Надлежащим образом третируют этих женщин их сутенеры, которые безжалостно колотят и истязают их.

В каждой оказанной им ласке эти женщины усматривают право требовать исполнения тысячи своих капризов и приходят в неистовство при первой попытке отказать им в этом. Точно так же поступают и маленькие дети. Если с ними обращаются с особенной податливостью и мягкостью, то они скоро сами не знают уже, что делать и чего просить себе, и, если не удовлетворять тотчас же их малейшие капризы, они чувствуют себя глубоко огорченными.

Им можно импонировать только насилием и жестокостью, мягкость же в обращении с ними делает их капризными и слишком требовательными. Здесь мы видим, стало быть, повторение, но в более сильной степени, чем у дегенерированных, того культа грубой силы, на который мы уже указывали у нормальной женщины.

7. **Ненависть.** Некоторые преступницы проявляют по отношению к окружающим ненависть, для которой нельзя найти никакой даже отдаленной причины и которая может быть объяснена только разве какой-то врожденной, слепой злостью их. Так, многие нарушительницы супружеской верности и отравительницы совершают свои преступления с непонятной бесцельностью. Женщины эти, будучи по натуре своей властолюбивыми и склонными к насилиям, обыкновенно импонируют своим слабым мужьям, которые из боязни чего-нибудь более худого уступают им во всем. Но это ведет, однако, только к тому, что они начина-

ют тем более ненавидеть своих мужей, чем более последние покладисты и уступчивы по отношению к ним. Муж Фракин, бывший значительно старше ее годами, смотрел совершенно сквозь пальцы на распутное поведение своей жены, тем более что он был серьезно болен и ему оставалось уже, по-видимому, недолго жить; но даже и этих нескольких месяцев до смерти его жена не могла выждать и подговорила любовника убить его. Таков же случай Симон и Мулин. Последняя из них была против воли своей выдана замуж за неотесанного, но очень доброго человека. Она совершенно не хотела признавать его своим мужем, вступила чуть ли не с первого же дня после свадьбы своей в связь с одним человеком, и добрый муж мирился с этим, обращался с ней кротко, как с сестрой, и признал даже своим сыном ребенка, прижитого ею от своего любовника. Но, несмотря на все это, Мулин ненавидела его все более и более с каждым днем, постоянно повторяла, что он должен умереть, и действительно в конце концов убила его.

Муж Энгельберт также молча терпел в течение двадцати лет развратное поведение своей жены. Когда он однажды попробовал выразить против этого слабый протест, жена так возненавидела его, что в скором времени убила его. Жегадо часто отравляла людей без всякой, по-видимому, цели. Стакенбург начала преследовать свою маленькую дочь после того, как доходы ее как кокотки сильно уменьшились. Свою злость она вымещала на своем несчастном ребенке.

У врожденных преступниц замечается страсть ко злу для зла, которая характеризует эпилептиков и истеричных больных. В них зарождается ненависть автоматически, без видимой внешней причины, просто вследствие болезненного возбуждения психических центров, которое должно получить выход в совершении того или другого преступного деяния. Женщины эти, одержимые таким постоянным возбуждением, нуждаются всегда в жертве, на которой они могли бы вымещать свою ярость, и тот несчастный, с кем они чаще всего приходят в соприкосновение, скоро превращается для них в предмет их ненависти и в жертву их

злобы из-за какого-нибудь пустяка, из-за самого ничтожного проступка, нередко из-за простого несогласия в чем-нибудь с их мнением.

8. Любовь. Любовь редко является у подобных женщин мотивом их преступлений, несмотря даже на усиленную их половую чувствительность. Как и ненависть, любовь их является постоянно выражением только их ненасытного эгоизма: в них нет ни капли альтруизма, самоотверженности; они признают только страсть к наслаждениям и удовлетворение своего самолюбия. Замечательна импульсивность и быстрота их страсти. Если они влюбляются, то чувство их должно быть удовлетворено сейчас же, если б даже для этого нужно было совершить преступление. Одержимые, точно загипнотизированные своим желанием, они ни о чем другом не думают, как только о средствах осуществить его, не замечая совершенно угрожающей им опасности и покупая тут же наслаждение ценою преступления, хотя немного спустя при некотором терпении они могли бы удовлетворить свою страсть без всякой для себя опасности.

Ardilouze, отец которой не соглашался на ее выход замуж за любимого ею человека, оставалось ждать всего несколько месяцев, чтобы сделаться совершеннолетней и иметь право самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Но она не имела терпения выждать даже и это короткое время и убила своего отца. Письма Авелины и Беридо свидетельствуют об отчаянном нетерпении их. Очень часто сила страсти у преступниц зависит от того сопротивления, какое им оказывают в достижении их цели. Так, например, Бушеми влюбилась в хромого горбатого парикмахера, и чем больше родные противодействовали любви ее, тем сильнее последняя разгоралась. Страсть ее росла по мере увеличения сопротивления и, закончившись преступлением, быстро испарилась. Очевидно, в таких случаях дело идет не столько об истинном чувстве, сколько об уязвленном самолюбии, сильно реагирующем на препятствия.

Вначале кажется, что мир должен будет провалиться, если желания этих женщин будут исполнены хотя бы од-

ним днем позже, но потом, как только цель их достигнута, страсть их угасает необыкновенно быстро. Кого они вчера еще боготворили, к тому они сегодня относятся равнодушно, и прихотливые желания их направлены уже совершенно в другую сторону.

Беридо убегает со своим будущим мужем из дома родителей, не дающих своего согласия на этот брак, а два года спустя она подговаривает своего любовника убить его.

Арестованные врожденные преступницы во время судебного разбирательства дел их думают и мечтают только об одном: как бы спастись от ожидающего их наказания. Мысль об этом настолько поглощает все существо их, и они так полны ужаса в ожидании возмездия за совершенное преступление, что не задумываясь выдают даже своего сообщника, то есть то лицо, для которого в большинстве случаев они незадолго перед тем рисковали и компрометировали себя. Таковы случаи Куарон, Беридо, Бушеми, Сарцени и Бомпард.

Любовь и ненависть являются у них только двумя формами одного и того же ненасытного самолюбия, и первое чувство немедленно превращается во второе при малейшей неудаче и разочаровании или при первых признаках вновь загоревшейся страсти. Так, Беридо, недавно еще так сильно обожавшая своего мужа, возненавидела его, как только влюбилась в другого, а проститутка Кабит, безумно любившая своего сутенера Леру и отдававшая ему все заработанные деньги, убила его, убедившись, что он ей неверен и делит свою любовь с другой женщиной. Графиня Шаллант убила своего любовника, которого она содержала во время его студенчества, когда он женился на другой, и призналась на суде, что она готова его убить еще раз, еще сто раз, но не примириться с мыслью, что он в объятиях другой женщины. Вейс питала страстную любовь к своему мужу и жила с ним почти в полном уединении от света в течение двух лет. Но стоило ей воспылать страстью к другому мужчине, как она возненавидела своего мужа и пыталась даже отравить его. Левлин, мечтавшая о замужестве с любимым человеком, начала не-

навидеть, издеваться и насмехаться над ним, когда он, благодаря легкомыслию своему, попал в такое положение, при котором невозможно стало блистать в обществе.

Напоминая свойственную детям сильную привязанность, не способную, однако, на жертвы, и благородную решимость, их страсть не лишена той жестокости, которой нет в любви обыкновенной женщины.

Пран., очень ревниво любившая своего любовника и боявшаяся измены с его стороны, разослала чуть ли не всем дамам города, где она жила, циркулярное письмо, в котором извещала, что господин такой-то принадлежит только ей и что плохо будет всякой, кто осмелится принимать его у себя. Однажды ее любовник принял приглашение к обеду в одном доме, но она явилась тотчас же туда и произвела страшный скандал. Когда она спустя известное время обзавелась новым любовником, то опять объявила циркулярно, что с прежним господином они могут поступать отныне как им угодно, потому что она порвала с ним бывшие между ними отношения. Точно речь идет о каком-то неодушевленном предмете или животном, принадлежавшем ей!

9. Жадность и скупость. Другим мотивом преступлений этих женщин является их жадность, выражающаяся у них несколько в иной форме, чем у мужчин. У развратных преступниц, для удовлетворения своих чудовищных инстинктов нуждающихся в огромных средствах и отказывающихся заработать их, алчность выражается, как и у мужчин, в форме стремления добыть большие деньги, чтобы потом быть в состоянии тратить их без всякой меры. Поэтому они сами или с помощью других пускаются в преступные деяния, которые обещают доставить большие суммы денег или ценные вещи. Так, Г. Бомпард натолкнула сутенера своего Эруд на убийство судебного пристава Gouffé в надежде поживиться богатой добычей, а Лавойт с таким же расчетом побудила своего любовника убить и ограбить одну старую богатую женщину. Такая же жадность была мотивом преступлений, совершенных Бухорс и Бренвилье. М. сделалась только благодаря своей алчности проституткой и совратительницей несовершеннолетних дево-

чек и прокучивала добытые таким образом деньги. Наконец, историческими примерами этой черты у преступниц могут служить Мессалина, которая добилась осуждения на смерть многих знатных римлян с целью завладеть их виллами и богатствами, и Фульвия, совершившая множество убийств отчасти из жадности, отчасти из мести.

Гораздо чаще, чем у мужчин, встречаются у женщин преступления из-за скупости — черты, родственной жадности, которую, однако, не должно с ней смешивать. Gaaikema отравила свою дочь с целью воспользоваться ее капиталом в 20 000 франков, а С. убила своего сына только потому, что он ей стоил слишком много денег. Одна дама, принадлежавшая к высшим слоям общества, жестоко обращалась со своим ребенком, ибо расходы на содержание его казались ей очень обременительными, и совсем замучила бы его, если б родители ее, боясь скандала, не отняли у нее дитяти. Жестокая мать заметила при этом: «Очень нужен мне еще этот щенок!».

Своеобразный вид преступлений из-за скупости можно чаще всего наблюдать в деревнях, согласно Корр и Рикер, преимущественно между женщинами, а именно убийство родителей, которые по болезни или старости становятся неспособными к работе и ложатся бременем на домашний бюджет. Из-за таких мотивов Лебон сожгла живою с помощью мужа свою старуху мать, а Лафарж в 1886 году убила своего престарелого, неспособного к работе мужа с помощью своей невестки, что особенно характерно. Таковы же преступления, совершенные Форе и Шевалье. Одна русская убила свою старую свекровь за то, что та была болезненна и неспособна к труду. Во всех этих преступлениях дело сводится к сильному развитию свойственной женщинам расчетливости и экономности, которая у преступниц достигает, как и все эгоистические страсти их, необыкновенной степени. Для таких женщин бесполезный расход по дому имеет такое же значение, как потеря большой суммы денег или опасность банкротства для мужчин. Домашнее хозяйство — это сфера безграничного царствования женщины: оно для нее то же, что для мужа его занятие, для профес-

сора — кафедра, для депутата — парламент и для правителя — его царство, и именно в этой сфере и зарождаются лютая ненависть и всевозможные тяжелые преступления.

10. Страсть к нарядам. Мотивом преступлений у женщин является довольно часто их страсть к нарядам и украшеньям. Дубоск, когда ее на суде спросили о причине, заставившей ее принять участие в убийстве одной богатой вдовы, отвечала: «Я хотела иметь красивую шляпу». Мария Бр. украла 1000 франков и накупила себе всяких нарядов. М. и С., осужденные за воровство в магазине, предпочли держать при себе похищенные наряды, чтобы щеголять в них хоть пару дней, так как иначе, не сделай они этой неосторожности, они были бы оправданы за недостатком улик. Лафарж украла у одной знакомой ее бриллианты, но не с целью продать их, а носить, несмотря на всю опасность, связанную с этим. Д. заколола кинжалом одного кредитора мужа своего, когда тот в обеспечение долга требовал ее драгоценное колье. Вир. мотивом убийства своего любовника выставила свой гнев на него за то, что он заложил ее вещи; однако впоследствии оказалось, что любовник сделал это с ее согласия, но она не могла уже сдержать своей ярости. Тарновская отмечает, что многие исследованные ею преступницы совершали воровство не из-за нужды, так как они находились на службе и достаточно зарабатывали денег, но исключительно из желания обзавестись дорогими и роскошными нарядами и украшениями. Точно так же Гийо и Рикер того мнения, что воровство женщин или участие их в кражах почти всегда имеет подкладкой стремление к роскоши и нарядам.

Мы уже раньше указали на то, какое огромное психологическое значение имеют платье и наряды, во-первых, в глазах нормальной женщины, которая судит об окружающих по их платьям, и, во-вторых, у детей и дикарей, видящих в одежде свою первую действительную собственность. Понятно поэтому, что при таком взгляде женщины на одеяние оно может служить для нее источником многих преступлений: женщина крадет или убивает с целью хорошо

одеться, подобно тому как недобросовестный купец делает дутые операции, чтобы поднять свой кредит.

11. Религиозность. У врожденных преступниц религиозность далеко не редкое явление. Parency, в то время как муж ее убивал одного старика, молилась Богу, чтобы все сошло хорошо и гладко. G. подожгла дом своего любовника со словами: «Пусть Бог и Матерь Божия довершат остальное». Бренвилье была настолько ревностной католичкой, что написала покаянную записку с перечислением всех своих преступлений, каковая записка и послужила против нее главным обличительным документом на суде. Эвелин ставила в церкви свечи «ради осуществления наших планов», как писала она в одном письме своему любовнику. В другом письме она сообщала ему о болезни мужа в следующих словах: «Он, как я думала, вчера был болен, и я думала, что Бог начинает свое творение». Помпилия Замбиччари обещала поставить Мадонне свечку, если ей удастся отравить своего мужа.

Мерсье принадлежала к семейству, все члены которого (пять сестер и один брат) страдали религиозным помешательством. Она видела в своих видениях духов, а во время слуховых галлюцинаций ей казалось, что она общается с Богом. У нее помешательство было не столь резко выражено, как у ее сестер.

Когда Марии Форлини, задушившей из мести своим родителям и разорвавшей на части свою девочку, прочитали на суде смертный приговор, она обратилась к своему адвокату и сказала: «Смерть — это ничего; все заключается в спасении души; если душа спасена, все остальное — пустяки». В. Бр., прежде чем убить своего мужа, бросилась на колени и долго молилась Пресвятой Деве о даровании ей сил для приведения в исполнение своего плана. Знаменитые отравительницы в Париже в 1670 году, принадлежавшие к высшим классам населения, старались отправить на тот свет своих мужей и добиться верности своих любовников при помощи «порошка для получения наследства» и посредством разного колдовства. Во время его молитвы и

заклинания читались обыкновенно над чревом беременной девушки, после чего закалывали грудное дитя, кровь и пепел которого употреблялись на приготовление любовных напитков. Говорят, что знаменитая Воисин сама погубила таким образом около 250 младенцев. Торсерелло видела в Боге помощника своего преступления и на суде объяснила убийство Гарджилио, своей жертвы, указанием свыше, в силу которого любовник ее должен был быть наказан за свое вероломство. В доказательство такого предопределения она указывала и на смерть его товарища.

12. Противоречия. Нередко можно наблюдать у врожденных преступниц порывы чрезмерной доброты, которая составляет такой резкий контраст с их обыкновенной злостью и черствостью.

Лафарж, например, относилась с редким вниманием к жильцам того дома, где она жила, посещала и утешала больных, так что во всем околотке ее называли не иначе, как «утешение бедных». Жегадо наружно отличалась всегда ласковостью в обращении с товарками своими по службе, но потом отравляла их за малейшую обиду. Далессио спасала от смерти самоотверженным и заботливым уходом во время тяжелой болезни своего мужа, которого она потом подговорила убить. Ф., которая в сообществе с любовником убила мужа своего, воспитала и усыновила ребенка, взятого из воспитательного дома. Думари, разбогатевшая благодаря проституции, великодушно помогала всем своим бедным родственникам и дала любовнику своему средства для окончания его образования, но убила его потом, когда убедилась в его вероломности. Томас помогала многим бедным, проливая слезы при виде их нищеты, и покупала на собственные деньги платья и подарки для бедных детей. Р. Т., одна из самых ужасных виденных нами преступниц, была очень сострадательна к своим товаркам и страстно любила детей. Троссарелло проводила целые ночи у изголовья бедных больных.

В действительности мы имеем здесь дело с временным, преходящим альтруизмом. Женщины эти сострадательны к несчастным, так как последние находятся в худшем поло-

жении, чем они сами, благодаря чему они имеют возможность вследствие контраста сильнее чувствовать свое собственное относительное благополучие. Но они ненавидят всех, кто им кажется счастливее их. Далее, в их благотворительности большую роль играет то удовольствие, которое они испытывают, видя у ног своих лицо, которому они благодетельствуют. Это стремление видеть других в зависимости от себя получает удовлетворение в добрых делах.

Одним словом, здесь все сводится к низшей форме доброты сердечной, которая, в сущности, есть не что иное, как несколько осложненный эгоизм.

Эта же перемежающаяся доброта их объясняет нам их доступность сентиментальным внушениям и то присутствие духа, которое нередко проявляют вблизи эшафота даже самые закоренелые преступницы. Поверхностному наблюдателю подобное присутствие духа кажется героизмом и христианской решимостью и наводит на мысль о чудесном превращении их милостью Божией в существа кроткие и всепрощающие.

Маркиза Бренвилье умерла, по словам духовника ее Пиро, как истая христианка. Она письменно попросила прощения у всех людей, которым она причинила в своей жизни столько зла, обращалась с трогательным уважением со своими сторожами, оставив им на память все имевшиеся у нее вещицы, и написала своему мужу письмо, завещая ему воспитать детей в честности и страхе Божием. Тикви слушала с величайшей набожностью проповедь священника, жаловалась при обезглавлении своего соучастника на слишком строгую постигшую его кару, считая себя главной виновницей совершенного злодеяния, и перед смертью поцеловала палача в знак того, что она прощает его. Жегадо после одной беседы со священником сказала, что охотно умерла бы, ибо лучше она уже не может чувствовать себя подготовленной к новой жизни, а Гийом согласилась, что преступление ее заслуживает быть наказанным смертной казнью. Балажье также отличалась набожностью. То немногое, что еще осталось у нее, она отдала на память жене своего защитника и сумела даже в эти последние дни своей жизни так располо-

жить к себе своих товарок по заключению, что все они плакали, когда ее повели на эшафот. Она также простила своего палача, поцеловав его перед смертью.

Во всех этих примерах не видно особенно глубокого чувства, но это также и не комедия. Очень может быть, что это сентиментальное внушение, которое большею частью исходит от духовного лица и под которое легко подпадают преступницы при известных условиях. Именно будучи совершенно одинокими, вдали от всяких злых искушений, лишенные всякого общества, кроме священников, они легко поддаются опять всем тем добрым побуждениям, которые никогда у них совершенно не отсутствуют, и тяготение их к добру сказывается у них с интенсивностью, совершенно не свойственной им при обычных условиях. Все это тем более вероятно, что, в сущности, дело сводится здесь к религиозным внушениям, которым они в высшей степени доступны. Сюда присоединяется также, кроме того, потребность женщины в постороннем сочувствии и чужой, хоть и нравственной, защите, которая для них тем более важна, что весь свет их презирает и они находятся на пороге смерти. Если вспомнить, что они в это время никого, кроме духовенства, не видят, то станет понятным, каким образом благодаря особенной, чисто женской способности удается им усвоить себе идеи и чувства лиц, старающихся обратить их на путь истины, и как они в течение всего лишь нескольких дней укрепляются во всех христианских добродетелях, даже во всепрощении, которое им труднее всего удается.

13. Сентиментальность. У преступниц мы наблюдаем обыкновенно вместо настоящего, крепкого, здорового чувства сладковато-притворную сентиментальность, которая резче всего выступает в их письмах.

«Я завидую такой человеческой природе, которая выводит нас из себя, настолько она прекрасна. Не находишь ли ты, мой дорогой, что такая прекрасная погода создана для влюбленных и она сама говорит о любви?.. Как мне хотелось бы, чтобы уже закончилось это дело, которое сделает нас свободными и счастливыми! Я должна в этом преус-

петь. В конце пути нас ждет рай. Окольный путь украшен розами».

Точно так же писала своему любовнику и Троссарелло письма, полные сентиментальных уверений в верности, которые, однако, были теорией, потому что на практике она его обманывала бесконечное число раз. Одна из самых ловких мошенниц, так называемая баронесса Грави де Давериньи, писала в своем дневнике следующее об одном 18-летнем молодом человеке, которого она увлекла, несмотря на свои 48 лет, и которого хотела женить на себе: «Черствый, бездушный человек! Он только делает вид, что любит меня, чтобы заручиться протекцией моих друзей! О, воспоминания! Когда я думаю о нем, мне припоминается галантный кавалер, который пел:

Чтобы от знатной дамы
получить горячий поцелуй,
я бы хотел гореть в пламени,
которое ничто не сможет погасить

Именно потому, что преступницы лишены всяких благородных и глубоких чувств, они стараются симулировать их разными софизмами, подобно тому как трус любит обыкновенно хвастать своей химерической храбростью.

14. Ум. Относительно умственных способностей мы находим здесь величайшие колебания: с одной стороны, встречаются очень интеллигентные преступницы, а с другой — такие, способности которых более чем посредственны. В общем, однако, можно сказать, что у преступниц чаще всего наблюдается интеллигентность выше средней, что зависит, быть может, от того, что у них импульсивные преступления довольно редки. Чтобы убить в припадке животной ярости, для этого достаточны умственные способности какого-нибудь готтентота, но, чтобы составить и привести в исполнение какой-нибудь более или менее сложный план отравления, для этого требуются известная хитрость и ловкость. У преступниц замечается всегда некоторая обдуманность их поступков.

Конечно, нельзя найти особенного ума у импульсивных преступниц, которые мстят за небольшое причиненное им огорчение несоразмерно жестоко, как, например, Glosset и Ronsoux, но некоторые закоренелые преступницы, совершившие по нескольку преступлений, положительно поражают своими замечательными умственными способностями. Оттоленги наблюдал у одной 17-летней девушки очень богатое воображение и быструю сообразительность, несмотря на ее более чем скудное образование. Кроме того, девушка эта обладала настоящей манией писания, и всякую мысль, приходившую ей в голову, она старалась, насколько могла, сама записать или же диктовала ее кому-нибудь из своих товарок. Наконец, ее ловкая спекуляция с собственной проституцией и развратом других также указывает на более чем среднюю одаренность ее в умственном отношении.

Особенной интеллигентностью отличались знаменитые отравительницы, как, например, Бренвилье, Лафарж и Веисс, прекрасно владевшие пером, равно как и Жегадо, о которой один свидетель выразился, что «она только с виду глупа, но на самом деле дьявольски умна». Тикви всегда считалась очень умной особой в том аристократическом кругу, в котором она вращалась. Точно так же и преступницы, совершающие преступления из-за жадности и алчности, отличаются, в общем, хорошими умственными способностями. Мерсье, например, несмотря на свое религиозное помешательство, обладала отличной коммерческой сметкой: она в короткое время составила себе своими делами значительный капитал, потеряла его, но потом опять вернула.

Еще большим умом отличалась знаменитая американская воровка, Лайнс, которая, накрав в Америке целое состояние, отправилась в Европу с единственною целью показать свое искусство и там. Однако в Париже она была поймана в одном воровстве на месте преступления, но сумела так ловко поставить дело и выпутать себя, что благодаря вмешательству английского и североамериканского посланников полиция поспешила отпустить ее на волю со

всевозможными извинениями. Другой образчик подобной же интеллигентности представляла мошенница, выдававшая себя за графа Sandor'a. Особа эта сотрудничала в нескольких газетах и сделалась женихом дочери одного венгерского магната. Она сумела выманить у будущего тестя своего значительные суммы денег и скрыть свой пол до последней минуты, то есть до тех пор, пока была арестована. Далеко недюжинным умом отличалась и начальница разбойничьей шайки в Техасе, знаменитая Бель-Стар, державшая долгое время в страхе население целого округа и наносившая вред своими разбоями даже самому правительству Соединенных Штатов. Затем так называемая Грави де Даверины, обманщица, известная под шестью или восемью именами, настоящее имя которой все-таки осталось тайной, сумевшая в свои 48 лет так влюбить в себя одного 18-летнего юношу, что даже осуждение ее не могло его охладить к ней, симулировавшая в этом возрасте роды и долго выдававшая себя за кузину испанской королевы, также была, по-видимому, далеко не глупой женщиной. А знаменитая P. W., осужденная за нанесение ран и виновная, вероятно, в отравлении, редактировала газеты, стояла во главе политического движения и сочиняла романы и поэмы

Тарновская точно так же при описании Феодосии Вол., известной петербургской ростовщицы и утайщицы ворованных вещей, отмечает, что при такого рода занятиях требуются большая хитрость и сообразительность, а особенно нюх, чтобы с первого раза узнать, с кем имеешь дело: с голышом ли, закладывающим свою последнюю «движимость», с вором ли или же со шпионом полиции.

Доказательством значительной интеллигентности некоторых врожденных преступниц служат оригинальность их преступлений и своеобразная комбинация их. Так, например, упомянутая нами 17-летняя девушка, находившаяся под наблюдением у Оттоленги, сумела добыть комбинацией сводничества, проституции и вымогательства большие деньги. Лакассин, убившая своего незаконнорожденного ребенка с помощью одного знакомого, убедила последнего взять всю вину на себя, обещая ему выйти за него

замуж, после того как он отбудет наказание. Когда же доверчивый поклонник ее, отбыв наказание, вернулся к ней с требованием исполнить обещанное, она в сообщничестве со своим братом убила его. Грас создала для своего преступления чрезвычайно сложный план, который она отчасти и осуществила. Она нуждалась именно в деньгах, чтобы выйти замуж за своего любовника, одного рабочего. С целью добыть их она подговорила его облить серной кислотой одного старого болезненного господина с тем расчетом, что последний будет благодаря этому так обезображен, что за него не согласится выйти замуж ни одна женщина. Она имела в виду женить его в таком случае на себе, разрушить его и без того слабое здоровье различными эксцессами, а затем, оставшись после смерти его богатой вдовой, выйти наконец замуж за своего дружка. Такой более или менее высокий уровень умственных способностей у врожденных преступниц объясняется отчасти тем, что многие из них часто физически совершенно слабые субъекты, решительно не способные силой удовлетворять свои дурные инстинкты. Поэтому они стараются пустить в ход весь свой ум и всю хитрость, на какую только способны. Без этого они сделались бы проститутками.

15. Письмом и рисованием преступницы почти совершенно не занимаются. Я никогда не встречал среди них ни одного рисунка, ни малейшей татуировки с намеком на совершенное преступление, никакой, наконец, вышивальной работы, словом, ничего из того, что можно было бы ожидать найти у них. Один только раз мне привелось видеть кое-что, что напоминало собою символические рисунки преступников, именно у Pr. я нашел фотографию ее любовника с двумя крестами на ней, мертвой головой и числом дня, в который она имела в виду убить его, как она и пыталась в действительности сделать это. Портрет этот она очень заботливо хранила в своей камере как воспоминание о своем покушении.

Точно так же редки среди них и письменные воспоминания об их преступлении. Только у трех преступниц мы нашли заметки, свидетельствовавшие о том, что они зани-

мались составлением своих мемуаров, между тем как среди мужчин этот род эгоистической, так сказать, литературы очень распространен. Две из этих составительниц мемуаров, Лафарж и Бель-Стар, отличались, как известно, далеко не дюжинными умственными способностями, между тем как среди преступников субъекты даже с более чем посредственной интеллигентностью также пускаются в подобного рода авторство. Очень редки среди преступниц поэтессы, какой была, например, возлюбленная разбойника Серрато, посвятившая ему свои стихи. Но самым характерным и любопытным документом из всех, когда-либо оставленных после себя преступницами, является замечательная покаянная записка маркизы Бренвилье, которая потом послужила против нее же уликой к обвинению. По ней можно судить об ее интенсивном религиозном чувстве, заставившем ее излить свое состояние на бумаге, далее, о характерной беспечности преступной натуры ее и о таком извращении ее нравственного чувства, благодаря которому она легкие погрешности против чисто формальных религиозных обрядов ставит рядом с наиболее ужасными преступлениями, как отцеубийство и кровосмешение.

Мы приводим здесь целиком этот любопытный документ, передавая наиболее характерные места его по-латыни:

«Сознаюсь, что я совершила поджог».

«Я пыталась иметь сношение с родным братом, думая об одном из своих знакомых».

«Сознаюсь, что дала яд одной женщине для отравления ее мужа».

«Сознаюсь, что не почитала и не относилась с должным уважением к своему отцу».

«Сознаюсь, что три раза в неделю совершала грех кровосмешения, в общем, быть может, раз триста, а онанировала четыреста или пятьсот раз».

«Я писала любовные письма и сознаюсь, что причинила ими большой скандал сестре и своей родственнице; я была в то время еще молодой девушкой, а он — молодым юношей».

«Я находилась долго, в течение 14 лет, в любовной связи с одним женатым господином. Сознаюсь, что я передала ему много денег и всякого добра, так что это меня разорило».

«Я сознаюсь, что хотя отец мой, видя скандал этот, велел заключить его в темницу, но я тем не менее продолжала видеться с ним».

«Из числа детей моих двое — плод этой любви. Вы увидите, как я устрою их».

«Сознаюсь, что я имела половые сношения раз двести со своим двоюродным братом. Он был холост, и один из моих детей прижит от него».

«С двоюродным братом мужа моего я имела также около трехсот сношений. Он был женат».

«Сознаюсь, что один молодой человек совратил меня, когда мне было семь лет». «Я сознаюсь, что отравила своего отца. Яд преподнес ему один из слуг. Меня терзали угрызения совести, когда слуга этот был схвачен и посажен в тюрьму; я имела в виду поскорей унаследовать от отца его богатства».

«Я отравила своих двух братьев. Один молодой человек был за это колесован».

«Я часто желала смерти моему отцу и брату».

«Я имела желание отравить мою сестру, которая называла ужасным мой образ жизни».

«Я приняла один раз лекарство, чтобы произвести себе выкидыш».

«Сознаюсь, что раз пять или шесть давала яд своему мужу. Но мне становилось жаль его, я начинала хорошо ухаживать за ним, и он выздоравливал. С тех пор он постоянно, однако, болеет. Все это я делала, чтобы быть свободной».

«Сознаюсь, что принимала сама яд и дала его своей дочери, потому что она была красива».

«Я исповедовалась и приобщалась перед Пасхой в течение семи лет, не имея при этом никакого желания исправиться, затем я продолжала вести тот же образ жизни и совершать те же преступления, не исповедуясь уже в них».

«Я подожгла в одном из наших имений дом с целью отомстить».

Weiss также оставила нам несколько сентиментальных страниц своих мемуаров, не представляющих, впрочем, никакого интереса.

Итак, мы должны признать и у преступниц недостаточную деятельность графических центров, которую мы наблюдали уже у нормальной женщины.

16. Приведение в исполнение преступлений. Сложные планы. Ум врожденных преступниц виден, между прочим, также и в том, что преступления их часто замечательно сложны. Причина этого — отчасти их физическая слабость, отчасти — возбужденная чтением романов фантазия. Во всяком случае, для приведения в исполнение планов их часто требуются далеко не дюжинные умственные способности. Иногда они употребляют очень сложные приемы для разрешения относительно простых задач, напоминая в этом отношении человека, который делает большой крюк, чтобы достигнуть близлежащего пункта. Мы уже раньше познакомились с чрезвычайно запутанным планом, который составила себе Грас с целью сделаться богатой вдовой и выйти замуж за своего любовника; равным образом мы упоминали и про своеобразный план княгини R., и про то письмо, в котором ее любовница должна была сознаться, что сама лишила себя жизни. Некая Минна, хотевшая во что бы то ни стало поступить прислугой вместо своей знакомой в один дом, пыталась сперва оклеветать ее перед господами, когда это не удалось, уверить свою знакомую, что последние обманывают ее, обсчитывая на жалованье. Но когда и это не помогло, Минна украла у нее ключ от дверей, прокралась вечером в комнату ее и спряталась под ее кроватью. Ночью она напала на подругу свою, когда та спала, ранила ее и убежала, замкнув за собой двери. На следующий день после этого она преспокойно явилась к господам своей жертвы, предлагая заместить свою больную подругу. Когда же барыня не решилась взять ее, она обещала ей, если она возьмет ее, указать то лицо, которое нанесло рану ее прислуге. Роза Бент с целью лишить жизни

мужа поставила перед кроватью его, когда он спал, котел с кипятком, затем разбудила его, говоря, что его кто-то кличет на улице, и, когда он поднялся с постели, она толкнула его, полусонного, в этот котел.

Очевидно, для создания таких сложных планов нужна более или менее развитая фантазия: такие запутанные комбинации придумываются обыкновенно там, где нельзя пустить в ход физическую силу за отсутствием ее. Поэтому-то именно преступницы, обладающие большой физической силой, никогда не прибегают к таким сложным приемам, а обыкновенно решают свои задачи просто ударом кинжала или топора. Примером может служить Бухорс, которая находила удовольствие в том, чтобы, переодевшись в мужское платье, вступать в бой с мужчинами, имея постоянным оружием увесистый молоток.

Но нередко эти же сложные запутанные планы обнаруживают замечательную несостоятельность ума даже у самых интеллигентных преступниц, хитроумные комбинации их оказываются, в сущности, невозможными абсурдами, порою даже чистым безумием. Так, например, Морин задумала следующим образом ограбить и потом убить своего врага. Она хотела завлечь его на виллу в одно из предместий Парижа, которую она специально с этой целью наняла, заманить его там в погреб и привязать к колу. В этом же погребе были приготовлены веревки, пистолеты, ружья, шпаги и кинжалы с целью напугать несчастного и заставить его подписать векселя на изрядную сумму. В то же время два помощника ее, переодетые привидениями, должны были дополнить сцену различными движениями и диким воем — словом, все было задумано во вкусе какого-нибудь романа г-жи Редклиф. Очень часто преступницы предусмотрительно заботятся о том, чтобы подготовить себе alibi или иное доказательство своей невиновности, но комбинации их обыкновенно, несмотря на все свое остроумие, бывают неудачны. Так, например, Лафарж, угощавшая своего больного мужа во время болезни его вместо камеди мышьяком, возилась постоянно при всяком постороннем человеке с камедью. Buisson, получившая при убийстве од-

ного старика несколько царапин на лице, повесила свою кошку и затем рассказала всем знакомым с самым свирепым видом, что животное это прыгнуло ей в лицо. Квирон вместе со своим любовником заколола кинжалом своего мужа на его постели, после чего, оправив последнюю, подняла плач и созвала соседей, говоря, что муж ее умер внезапно от кровавой рвоты.

17. Подстрекательство. Врожденные преступницы далеко не всегда являются сами исполнительницами своих преступных замыслов. Очень часто, если они не обладают значительной физической силой, или если жертва не женщина, или если, наконец, нельзя действовать из засады, как, например, при отравлении и поджоге, они не отваживаются сами на преступление. Беридо и Эвелин горько жалуются в письмах к своим любовникам на свою слабость. Лавойт сказала своему сообщнику: «Если б я была мужчиной, я бы сама убила эту богатую старуху». Но в этом уклонении преступниц от личного совершения преступления виден только страх слабого существа; это не есть сопротивление злу, ибо притупленность их нравственного чувства сказывается в подстрекательстве к преступлению сообщника, а преступная натура обнаруживается в том, что инициатива преступления принадлежит именно им самим.

Фракин, желая отделаться от своего мужа, подыскивала для этого наемного убийцу. Она нашла некоего Девильда, который три раза готовился убить ее мужа, но у него каждый раз не хватало на это мужества. После третьей попытки Фракин с яростью сказала ему: «Чтобы упустить такой удобный случай, нужно быть безмозглой скотиной». В четвертый раз она напоила Девильда пьяным, повела в спальню мужа, спряталась в ногах кровати и в самый решительный момент показала ему 1000-франковый билет. Фракин была при этом настолько хладнокровна, что не забыла предупредить убийцу, чтобы он не хватал ее мужа за волосы, потому что тот носил парик. Albert, которого любовница его Лавойт подстрекнула убить одну старуху, в следующих словах описывал на суде, как она подговаривала его совершить это преступление: «Прежде всего,

она начала перечислять мне, сколько богатств у старухи и как мало она ими пользуется; я отказался, но на следующий день Филомена опять завела об этом разговор, доказывая мне, что и на войне убивают людей, но что это не считается, однако, преступлением: поэтому можно и старуху эту укокошить. Бог, говорила она, простит нам, ибо Он видит ту нужду, которую мы терпим». Симон пыталась отделаться от своего больного мужа, пользуясь его слабостью к спиртным напиткам и давая ему выпивать каждый день утром и вечером какую-то жидкость, состоявшую из водки, настоянной на каких-то вредных травах и корнях. Кроме этого, она обещала тому из своих любовников — а их у нее было бесчисленное множество — свою руку и пять франков (это за убийство!), который освободит ее от мужа. Случай свел ее наконец с Квирангалем, слабохарактерным и испорченным юношей, которого она настолько подчинила своей воле, что ей нетрудно было уговорить его совершить это преступление.

18. Похотливость. Преступницы, отличаясь большею частью отсутствием стыда и чувственностью, часто прибегают к разврату как к средству, дающему им возможность совершить то или иное преступление. Они избирают подобный путь, во-первых, потому, что отдаться мужчине — это для них пустяк, который им ничего не стоит, а во-вторых, потому, что благодаря их похотливой натуре помыслы их обыкновенно сосредоточены на удовлетворении половых инстинктов. Вот почему, подготовляя только какое-нибудь преступление, они совершенно бессознательно начинают уже подумывать о возможности воспользоваться для осуществления его собственным полом. Так, Грасс имела в виду погубить своего богатого любовника при помощи половых эксцессов, совершенных над нею. Р., воспитанная одним богатым филантропом и выданная им замуж за человека, оказавшегося вполне достойным ее по своей нравственности, задумала вместе с мужем своим путем шантажа сорвать куш со своего воспитателя. Для этого она однажды пригласила его к себе и, будучи с ним наедине, начала говорить ему, что все считают ее любовницей его и она на са-

мом деле хочет сделаться ею. Затем она начала перед ним раздеваться, стараясь вызвать у него возбуждение сладострастными позами. Но в эту минуту в комнату вошел ее муж, который сделал вид, что он вне себя, застав жену в таком положении, и за поруганную честь потребовал от филантропа, чтобы тот подписал несколько векселей и чеков.

Преступница, желая подбить мужчину на преступление, часто обещает ему в награду свою любовь. Бренвилье поступала таким образом много раз, а D., продававшая себя всякому, кто только был в состоянии заплатить ей, ни за что не хотела отдаться одному наиболее бесхарактерному поклоннику своему. Когда же она довела страсть его до крайних пределов, то обещала принадлежать ему с условием, если он убьет ее мужа. Часто и поцелуй служит западней для неосторожных жертв. Борде и Депис закололи своих любовников именно в ту минуту, когда те собирались поцеловать их.

19. Упорство в отрицании своей вины. Особенно характерной чертой преступниц, и преимущественно врожденных, является необыкновенное упорство, с которым они отрицают свою вину, несмотря на самые очевидные, подавляющие улики. Мужчина, убедившись, что ложь его ни к чему не ведет, обыкновенно перестает запираться и сознается; женщина же никогда не сознается в совершенном преступлении и продолжает с величайшей энергией оправдываться, несмотря на всю нелепость ее оправданий. Алессио, Ронде, Жимо, Сарацени, Бушеми, Беридо, Перси и Доду продолжали отрицать свою вину до последней минуты. Лафарж разыгрывала комедию невинности до самой смерти своей и даже после нее, оправдываясь еще в своих мемуарах. Жегадо, несмотря на всю нелепость ее показаний, продолжала утверждать, что она не знала, что мышьяк так вреден для здоровья и что вина ее в том только и заключается, что она была слишком добра и доверчива к людям. Ее никак нельзя было заставить сознаться в совершенном преступлении.

Если преступницы не вполне отрицают свою вину, то часто для оправдания выдумывают такие длинные, неверо-

ятные и нелепые истории, что даже ребенок и тот не мог бы им поверить. Однако, несмотря на это, они настаивают на правдивости своих показаний с величайшим упрямством. Даквиньи утверждала, что убила своего мужа, защищая собственную жизнь, хотя на ней не найдено было ни малейших следов борьбы. Затем она созналась, что нанесла ему только один удар кинжалом, между тем как на трупе убитого было найдено шесть ран. Точно так же оправдывалась на суде и Д. Лафарж, попавшая на скамью подсудимых за похищение бриллиантов, выдумав для своей защиты целый роман, очень запутанный и нелепый, а Хогели уверяла, что она только хотела слегка наказать своего ребенка и если он умер, то это просто несчастная случайность. Депис, которая подстерегла своего любовника и из засады нанесла ему рану, утверждала, что любовник ее бил, повалил на землю и натравил даже на нее собаку. Прагер показала на суде, что спрятала в комнате мужа своего брата, вооруженного револьвером, только для того, чтобы он достал ей несколько очень важных компрометирующих ее в бракоразводном процессе писем. При этом она ни за что не хотела сознаться, что письма эти служили доказательством ее супружеской неверности. Что же касается револьвера, то он был взят, по ее словам, только лишь с целью пригрозить мужу. Очень часто преступницы во время процесса меняют свою систему защиты по нескольку раз, совершенно не думая о том, что такие частые перемены в их показаниях должны в высшей степени поколебать доверие судей к словам их. Голет, поджегшая дом с целью погубить в огне своего старого мужа, показала сперва, что поджог совершил какой-то неизвестный ей мужчина, в которого она даже стреляла, но промахнулась; потом она изменила свое показание и стала утверждать, что она не есть вовсе сама Голет, а только подруга ее, похожая на нее по цвету волос, и что она из дружбы к этой Голет согласилась ухаживать за ее больным мужем. Когда же последний настаивал на том, что эта женщина и есть именно его жена, у нее хватило дерзости заявить, что человек этот после операции плохо видит и потому ошибочно принимает ее за свою жену.

«Преступница, — говорит Рикер, — больше софистична и хитра, нежели преступник. Она всегда находит отговорки и оправдания, поражающие своею неожиданностью и странностью». «Девушки, — пишет пастор Arnoux, — не только больше мальчиков подвержены злу, но они также лгут более ловко и дерзко, чем мальчики, с большей смелостью рассказывают разные выдуманные ими истории и превосходят их в искусстве лицемерить».

В общем, оправдания преступниц также отличаются сложностью и нелепостью, то есть той именно запутанностью, которую мы так часто находим в планах их преступлений. Мы опять встречаемся здесь со свойственной даже нормальным женщинам лживостью, но осложненной и доведенной до крайних пределов. Преступницы эти лгут прямо в глаза с таким упорством, несмотря даже на самые очевидные улики, потому что они вообще малочувствительны к истине и не могут вообразить себя на месте судей, убежденных массой доказательств в их виновности. Логичность фактов не имеет в глазах их никакого значения, потому что они, как женщины, не признают силы неоспоримой убедительности и думают, что все рассуждают так же, как и они.

Прибегая ко всевозможным выдумкам с целью оправдать себя в глазах судей, преступницы совершенно не видят всей нелепости их, ибо в них очень слабо развита та логика мышления, которая должна была бы удержать их от противоречий. К этому присоединяется еще действие самовнушения, благодаря которому они в конце концов начинают сами верить в часто повторяемую ими ложь, — самовнушение, влияние которого тем сильнее, чем скорее сглаживается из их памяти воспоминание о совершенном преступлении. С течением времени, когда истинная суть самого злодеяния ими почти совершенно забыта, они помнят только свой собственный вымысел, не заботясь уже о том, насколько он соответствует истине. Поэтому ложь сопряжена у преступниц с ничтожным напряжением их умственных способностей, и так как на характер вымысла они обращают тоже мало внимания, то вся энергия их сводится к упорному повторению его без колебаний и неуверенно-

сти, благодаря чему они нередко вселяют доверие к своим словам даже в сердцах судей и присяжных заседателей.

20. Самообличение. Благодаря тому противоречию, которое мы так часто встречаем в характере женщины, у преступниц рядом с упорнейшим отрицанием ими своей вины наблюдается подчас неожиданное добровольное стремление обличить себя. Явление это объясняется различными причинами. В одном случае дело сводится к потребности поболтать и поделиться с другими своей тайной, что — как мы видели — характерно для женщин. Так, например, Бомпард рассказывает во время морского переезда из Америки во Францию одному пассажиру, некоему Гранж, много подробностей про Эруд. Затем, находясь уже в Париже, где все газеты были полны ею и ее любовником, она не может удержаться, чтобы не сообщить тому же Гранж, что она и есть именно эта разыскиваемая Бомпард. Форе, облившая серной кислотой своего любовника, приняла такие меры предосторожности, что преступление ее осталось бы нераскрытым, если б она сама не рассказала о нем одной подруге своей. Очевидно, она испытывала потребность поделиться с кем-нибудь радостью по поводу удачной мести, для того чтобы лучше насладиться ею. Конечно, при всем этом играют известную роль легкомыслие и неосторожность преступниц, которые охотно разговаривают о своем преступлении, не думая о связанной с этим опасности.

В другом случае самообличение выражается в иной форме. Так как неосторожность преступницы никогда не заходит так далеко, чтобы сообщить кому-нибудь план задуманного ею преступления до того, как оно приведено в исполнение, то она удовлетворяет свою потребность говорить о преступлении косвенным образом; отравительница, например, обнаруживает преувеличенную заботу о здоровье намеченной жертвы: она старается казаться печальной и то и дело выражает свои опасения, что последняя не проживет долго, хотя в настоящую минуту, по-видимому, и совершенно здорова. Если жертва легла в постель, отравительница еще задолго до того, как у других явится мысль

о какой-нибудь серьезной болезни, уже начинает беспокоиться насчет дурного исхода ее. Все это направлено к тому, чтобы так или иначе иметь возможность говорить о замышляемом или совершенном преступлении. Когда Лафарж отослала своему мужу отравленный пирог, она тотчас же сообщила нескольким знакомым, что у нее есть тяжелое предчувствие потерять кого-нибудь из близких ей, и осведомлялась насчет того, какой траур носят вдовы в этой местности. Хагу, отравившая жену своего любовника Rogier, сказала окружающим, когда у последней обнаружились только первые признаки отравления: «Я вам говорю, что она долго не протянет; где это видано, чтобы молодой мужчина мог жить с такой женой, которая его ненавидит». Точно так же и Жегадо, когда одна из ее жертв заболела и все еще думала о легком, пустом заболевании, выразилась следующим образом: «Она умрет от этого, можете мне поверить; от такой болезни не выздоравливают; бегите лучше за священником».

Женщины находят особенное удовольствие в том, чтобы много говорить о совершенном преступлении, потому что они при этом мысленно переживают его и продолжают испытывать то наслаждение, которое доставляет оно им. Так, Жегадо всегда говорила только про мертвых и про похороны, так что один свидетель выразился даже про нее на суде: «Ее речь была речью мертвых и погребенных». Совершенно понятно, почему женщина говорит гораздо больше и чаще мужчины о своем преступлении: беседа — это единственное доступное средство переживать его, между тем как мужчина может прибегать с этой целью к кисти и письму, которые редко доступны женщинам. Женщина должна болтать о своем преступлении, между тем как мужчина может нарисовать его, описать или даже просто выцарапать на стенке, сосуде и т. п.

Своеобразной формой самообличения является часто признание преступниц перед своими любовниками в совершенном преступлении даже в тех случаях, когда любовники ничего подобного от них не требуют и не подозрева-

ют никакого преступления. Такой документ часто появляется потом на сцене в виде доказательства их виновности, и в тех случаях, когда любовь их к своим любовникам миновала, они идут на новое преступление, чтобы избавиться от этих опасных для них лиц. Так, Вирдж., разошедшись со своим любовником Синьорино, убила его, боясь, что он ее выдаст, имея в руках доказательство совершенного ею преступления. Менчини доверила тайну отравления ею мужа своему любовнику Оттави, и, когда последний бросил ее, она подговорила своего нового обожателя убить его, чтобы отделаться от такого опасного человека.

Подобное признание является естественным следствием возникающей между любовниками наклонности к безграничной откровенности и указанной нами раньше потребности любящей женщины приносить в жертву любимому человеку не только свое «я» и свое тело, но также свою душу и судьбу. Чем дороже принесенная ею жертва, тем счастливее она, а разве есть у нее что-нибудь, что она должна была бы тщательней скрывать, чем сознание и доказательства своей преступности? Она предпочитает отдаться связанная по ногам и рукам своему любовнику, вполне полагаясь на его усмотрение. Преступная натура ее сказывается в беспечности, мешающей ей задуматься над неизбежным концом ее временной любви, и в отсутствии всякого нравственного чувства, при котором самое тяжелое преступление кажется ей небольшим проступком. Как могла бы женщина, у которой не притуплено еще вполне моральное чувство, осмелиться открыть свою преступную душу честному любовнику, не боясь, что подобное признание оттолкнет его от нее и вселит к ней отвращение, как бы ни дорожил он на первых порах ее взаимностью.

Преступницы часто выдают своих любовников, соучастников их преступлений, из чувства ревности, покинутые ими, но нередко причиной подобной измены с их стороны является не ревность и желание мстить, а тонкий расчет избавиться от угрожающей им опасности, которая с минуты на минуту увеличивается. Они надеются заслужить себе таким образом снисхождение, особенно если они молоды

и недурны собою. Крайнее непостоянство их привязанностей, в силу которого они ко вчерашнему божеству и кумиру относятся сегодня равнодушно или даже с отвращением, играет при этом значительную роль. Известно, что разбойничьи шайки ничего так не боятся, как доноса женщин. Бомпард, не задумываясь, передала в руки правосудия своего несчастного соучастника, который был до известной степени ее жертвой. Бистор был арестован по доносу своей любовницы Перрин именно в ту минуту, когда направленное против него следствие должно было прекратиться за недостаточностью улик.

Благодаря всем только что перечисленным моментам доносы и разоблачения со стороны преступниц — явление довольно частое. Этим объясняется, почему интеллигентные преступники всегда относятся с величайшим недоверием к женщинам. В шайке Шевалье и Абади были только две женщины, а именно их любовницы; прочие же члены шайки ни под каким видом не должны были обзаводиться постоянными сожительницами.

21. Заключение. Таков нравственный облик врожденной преступницы, которая обнаруживает большую наклонность сливаться с мужским типом. Мы находим и в криминальной ее психологии атавистическое ослабление ее вторичных половых признаков, которое мы уже отметили при антропологическом изучении. Ее усиленная половая чувствительность, слабый материнский инстинкт, наклонность к бродячей рассеянной жизни, интеллигентность, смелость и способность подчинять своей воле путем внушения слабохарактерные существа, наконец, ее тяготение к мужскому образу жизни, мужским порокам и даже к мужской одежде — все это изобличает в ней то одну, то другую особенность чисто мужского характера. Ко всему перечисленному следует прибавить еще отвратительные черты, свойственные исключительно женской натуре, как мстительность, коварство, жестокость, лживость, страсть к нарядам и пр., и пр.

Все эти качества выражены то в большей, то в меньшей степени у отдельных индивидов. Некоторые из них,

например Бухорс, обладают громадной физической силой, но плохими умственными способностями. Другие, как Р., физически слабы, но зато отличаются умом и замечательной изобретательностью. Там же, где все эти черты соединены вместе, мы имеем дело с самыми ужасными, по счастию редкими, типами женской преступности. Такою именно была Бель-Стар, еще недавняя гроза и ужас жителей Техаса. Уже воспитание ее сильно благоприятствовало развитию ее природных качеств характера. Именно будучи дочерью одного партизанского предводителя партии Юга в войне 1861–1865 годов, она провела свое детство и юность среди ужасов, грабежей и убийств, которыми эта война сопровождалась, и в 10 лет уже отлично владела, к общему удовольствию окружающих, лассо, револьвером, ружьем и boure knife. Сильная и смелая, как мужчина, она охотнее всего объезжала диких лошадей и однажды в Окланде выиграла в течение одного и того же дня два приза на скачках. Она была очень чувственная натура и никогда не удовлетворялась одним любовником; у нее их было столько, сколько desperados и outlaws было в Техасе, Кансасе, Небраске и Неваде. В 18 лет она стояла уже во главе шайки диких бандитов, которых вполне подчинила своей воле умом и обаятельной наружностью. С этой бандой она нападала на города и грабила их, давая настоящие сражения отрядам правительственных войск. Иногда она одна, переодетая мужчиной, появлялась в многолюдных местах среди белого дня. Однажды она провела ночь в той самой гостинице, где находился судья, разыскивавший ее, и даже ночевала в одной с ним комнате, причем последний, конечно, и не подозревал, что его товарищ по комнате — женщина. Судья этот накануне хвастал за общим столом, что он, наверное, узнал бы Бель-Стар и схватил бы ее, если б ему пришлось где-нибудь с ней встретиться. Наутро, после ночи, проведенной вместе, она назвала себя, обругала судью, избила его кнутом, вскочила на лошадь и умчалась. Она оставила мемуары. Самым горячим желанием ее было, как говорила она, умереть в сапогах. Желание ее исполни-

лось, потому что она была убита во главе своей шайки во время одной стычки с правительственными войсками.

Другим замечательным разбойником в юбке была француженка Жели. Очень одаренная от природы, прекрасно владевшая тремя языками, привлекательная по своему уму и наружности, она уже с детства отличалась вероломным характером и чувственностью. Попав благодаря одной любовной истории в общество североамериканских бандитов, она сделалась атаманом одной шайки их. Гордая и храбрая, она выступала во главе их навстречу всякой опасности и никогда не теряла своего мужества: на краю пропасти при экспедиции в горы, во время землетрясения, эпидемии и в бою она была постоянно одинаково спокойна. Умерла она в одной французской больнице для психических больных при явлениях очень тяжелого истерического припадка.

Многократно упоминаемая Оттоленги 17-летняя воровка и проститутка М. Р. начала свою карьеру тем, что на 12-м году обокрала своего отца и растратила со своими подругами украденные деньги на лакомства. В 15 лет она убежала из дому с одним любовником, но скоро оставила его, чтобы отдаться проституции, и организовала в 16 лет настоящую торговлю 12–13-летними девочками, которых продавала за громадные деньги богатым мужчинам, уделяя из своих доходов этим несчастным детям по нескольку су. Не довольствуясь этим, она вымогала еще у своих богатых клиентов значительные суммы денег, угрожая им публичными скандалами. Из мести она совершила два тяжких преступления, в которых сказались основные черты ее характера — жестокость и хитрость. Она заманила за город одну из товарок своих, дурно отзывавшуюся о ней, и, пользуясь пустынностью места и наступившими сумерками, напала на нее, повалила на землю и била ключом до тех пор, пока та подавала еще признаки жизни. После этого она преспокойно вернулась в город. Когда кто-то ей заметил, что она могла таким образом убить свою товарку, она отвечала: «Ну так что ж? При этом свидетелей не было!». В дру-

гой раз говорили о том, что ключом убить человека нельзя. «Отчего, — возразила она, — если бить сильно в виски, можно убить и ключом». Другая жертва ее была одна из ею же проданных девочек, красота и успехи которой в качестве кокотки возбудили такую зависть и ненависть ее, что она подсыпала ей в кофейне яд в чашку кофе, и та спустя несколько часов умерла.

Приведенные случаи подтверждают раньше сформулированный нами закон, что настоящие женские преступные типы более ужасны, нежели мужские.

СЛУЧАЙНЫЕ ПРЕСТУПНИЦЫ

Рядом с врожденными преступницами, являющимися типичными представительницами самой полной и абсолютной нравственной извращенности, находится другая, значительно большая группа преступниц, порочность и испорченность которых достигают сравнительно незначительной степени и у которых не отсутствуют душевные достоинства, свойственные специально женщинам, как стыдливость и материнский инстинкт. Мы говорим о случайных преступницах, составляющих большинство среди преступных женщин.

1. Физические признаки. У этого класса преступниц не наблюдаются какие-нибудь особенные дегенеративные признаки, и исследованные нами женщины в 54% совершенно свободны от них. Равным образом у них не встречается аномалии в области чувств: например, в 15% их вкусовое чувство и в 6% — обонятельное оказались очень тонкими и т. д.

2. Нравственные качества. То же самое замечается и в отношении нравственных черт характера этого класса преступниц. Жели в следующих словах описывает типичных случайных преступниц: обыкновенно они более мужчин доступны чувству раскаяния, скорее возвращаются на путь добра и реже рецидивируют в преступлении, если не считать, конечно, некоторых исключений, которые представляют собою совокупность всякого рода пороков... При знакомстве они легко завязывают друг с другом теплые, сердечные отношения.

Надписи, делаемые мужчинами на стенах в тюрьмах, содержат обыкновенно всевозможные проклятия, угрозы, дурачества или же непристойности; напротив, надписи женщин всегда приличны и говорят преимущественно о

любви и раскаянии. Вот некоторые собранные нами образчики их: «В этой клетке, где томлюсь я, вдали от тебя, мой милый, я страдаю и вздыхаю о тебе».

«Жан меня более не любит, но я его вечно буду любить».

«Вы, которым придется сидеть в этой камере, называемой «Sourciére», если вы не разлучены с любимым существом, горе ваше — наполовину горе».

«О чем может говорить в этом одиночестве мое сердце, кроме тех страданий и мук, которые переносит оно изза моего милого».

«Генриетта любила своего дружка, как только может любить женщина, но теперь она его ненавидит».

«Клянусь никогда не повторять более этого, потому что довольно с меня этих мужчин; любовь — причина того, что я теперь нахожусь здесь; я убила своего любовника; не верьте мужчинам: они все лгуны».

«Людской суд — пустяки; божеский — это все».

«Бог по бесконечному милосердию своему милует и нас, грешных».

«Пресвятая Дева, Богородица, прибегаю к Тебе и ищу Твоей защиты».

Чувство стыдливости также очень развито у этой категории преступниц. В Париже многие из них всячески сопротивляются своему заключению вместе с проститутками в тюрьму Сен-Лазар. Масе пишет по этому поводу следующее: «Женщины эти всеми силами стараются не попасть в тюрьму Сен-Лазар, которая внушает им отвращение. Для них заключение в ней — это стыд и вечный позор. При одной только мысли об этом они приходят в ужас, и ни одна женщина не соглашается следовать туда добровольно». Точно так же и Гийо наблюдал известный антагонизм между проститутками и преступницами, содержащимися в этой тюрьме. Последние питают очевидное отвращение и презрение к продажным женщинам, которые, в свою очередь, платят им той же монетой. Напротив, врожденная преступница не будет относиться подобным обра-

зом к проститутке: отсутствие у нее стыдливости хорошо согласуется с полным бесстыдством этой последней.

Гийо отмечает у заключенных чувство живой материнской любви, питаемой ими к своим детям. Очевидно, что речь идет здесь только о случайных преступницах, потому что мы уже убедились на многочисленных примерах, что у врожденных преступниц материнский инстинкт совершенно отсутствует. «В тюрьме св. Лазаря, — пишет Гийо, — у заключенных часто доходит дело до ревности и неприязненных стычек благодаря чувству материнской гордости. Каждая мать хочет, чтобы более всего восхищались и любовались ее ребенком, чтобы все считали его самым здоровым и красивым. Разрешение от бремени в тюрьме приводит в сильнейшее возбуждение все население ее; буйные арестантки, которых нельзя было смирить даже арестом в темном карцере, успокаиваются и делаются послушными, как только им угрожают разлучить с детьми». Кроме стыдливости и материнской любви мы находим у случайных преступниц и другие нежные и благородные чувства, свидетельствующие о том, как мало отклоняются они от нормального женского типа. Так, Гийо отмечает их доверие и привязанность к своим адвокатам, в которых они видят нередко истинных защитников своих и к которым привязываются с почти детской доверчивостью, особенно если они молоды и недурны собою. Так, одна надпись гласила следующее: «Меня арестовали за то, что я украла 2000 франков, но это ничего — у меня есть адвокат». В этом видна характерная потребность женщины в посторонней опоре. У врожденной преступницы эта черта характера совершенно отсутствует: наполовину мужчина по своим привычкам, эгоистичная до крайней степени, она ищет не защиты, но подчиненности и удовлетворения своих страстей. У случайных преступниц эта потребность в опоре вырастает нередко в самоотверженную любовь, между тем как врожденные преступницы знают одну только лишь грубую чувственность. «Они, — говорит Гийо, — отлично понимают разницу между такими женщинами, которые из желания спасти своего любовника компрометируют его, как

это было в процессе Пранжини, и другими, которые выдают своих любовников с целью отделаться от них или спасти собственную шкуру, как это имело место в процессах Маршандона и Прадо. Они сочувствуют первым, на месте которых они поступили бы точно так же, но презирают и ненавидят других, у которых оказалось так мало самоотверженности и великодушия». Так, Габриэль Фенарон, предательски выдавшая своего любовника, во время своего содержания в тюрьме Сен-Лазар не смела показаться во дворе, потому что на нее напали бы все прочие арестантки и учинили бы с ней жестокую расправу. Итак, случайная преступница способна к истинной любви, между тем как врожденная — только к грубому удовлетворению своих похотливых инстинктов.

Но, чтобы лучше понять характер этих случайных преступниц, мы должны рассмотреть с психологической точки зрения те обстоятельства, которые увлекают их на путь преступления.

3. Внушение. Очень часто женщина совершает преступление даже помимо своего желания благодаря внушению со стороны любовника или кого-нибудь из окружающих, как, например, отца, брата и т. п. «Эти, — сказала нам одна тюремная надзирательница о случайных преступницах, — не поступают, как мужчины: их доводят до преступления не дурные страсти, но воля их любовников, для которых они воруют и жертвуют собой часто без всякой пользы для себя».

Характерными чертами преступлений этих женщин являются: продолжительность времени, которое необходимо, пока лукавый — по выражению Сишель — не попутает их, затем неуверенность при совершении преступления и, наконец, раскаяние после него.

Некую L. любовник ее уговорил отравить своего мужа, для чего и дал ей пузырек с серной кислотой. Но у нее не хватило духу исполнить задуманное преступление, и она, растерявшись, в решительный момент уронила на пол пузырек с кислотой и призналась во всем мужу.

Жозефина П., сирота 17 лет, была обольщена одним богатым стариком, который потом женился на ней. Но брак этот был несчастлив, и муж оставил ее, когда она родила дочь, которую он не хотел признать своим ребенком. Жозефина была предоставлена самой себе с ежемесячной пенсией в 30 франков после той роскоши, в которой она жила до этого. Она начала вести беспорядочную жизнь и сделалась любовницей некоего Жиллет, грубого, развратного крестьянина, совершенно подчинившего ее своей воле и задумавшего воспользоваться ею для убийства ее мужа, богатством которого он хотел воспользоваться. Она уступила его требованиям и, арестованная вместе с ним, высказала на суде раскаяние в следующих словах: «Бог простит мне этот грех, потому что я была так несчастлива, без всяких средств, не имея даже куска хлеба. Когда я обращалась к родственникам за помощью, они грубо меня отталкивали. Потом я встретилась с Жиллет, который меня погубил. Он причина моего несчастья и преступления».

М. Р., женщина без каких-нибудь тяжелых дегенеративных признаков, отличавшаяся постоянно трудолюбием и честностью, покинула родительский дом, чтобы избавиться от пытавшегося изнасиловать ее отца и брата, толкавшего ее на путь проституции, чтобы иметь возможность жить на ее счет, ничего не делая. Она убежала с одним негодяем, которого любила и любовницей которого она, конечно, сделалась. Но, не находя работы, молодые люди скоро впали в большую нужду, и любовник заставил ее принять участие в ограблении одного магазина золотых вещей, на что она согласилась только после долгого сопротивления и то потому, что он угрожал в противном случае бросить ее. Но при этой краже она вела себя так неловко и неуверенно, что легко была поймана, не делая даже попыток к бегству или сопротивлению. Она во всем созналась и раскаялась. При ближайшем знакомстве с нею мы находим у нее некоторые мужские черты, как, например, большую физическую силу, энергию и отсутствие материнской любви. Перед родами она говорила всем, что ее будущий ребенок интересует ее очень мало.

Особенно часто подвергаются внушению любовницы и соучастницы воров. По этому поводу Гийо говорит: «Для них совершают мужчины большинство своих краж. Часто они действительно не знают, откуда те достают средства на удовлетворение их прихотей, но нередко они умышленно закрывают на это глаза, делая вид, что ни о чем не догадываются, так как у них не хватает сил противостоять злу, или же они поддаются угрозам и ослепляющей их страсти». К этому классу случайных преступниц, находящихся под влиянием внушения, принадлежит большинство женщин, осужденных за производство себе выкидышей, между тем как детоубийцы, напротив, ближе подходят к типу преступниц, действующих под влиянием страстей. Инициатива и производство выкидыша редко, как справедливо замечает Сишель, принадлежат женщине: обыкновенно мужчина первый настаивает на аборте, боясь беременности своей возлюбленной и родов. Так было в случае Fouroux, заставившего абортировать свою любовницу, жену одного морского офицера, бывшего в отлучке, с которым он находился в дружественных отношениях. Джорджина Богас, изнасилованная и забеременевшая от любовника своей матери, разрешившись от бремени, помогала умертвить свое новорожденное дитя, следуя его требованиям. Влияние его на эту кроткую женщину было так сильно, что она на суде для спасения его и своей матери взяла всю вину на себя. Lemaire, изнасилованная своим родным отцом, абортировала по его настоянию два раза, но здесь на девушку действовало уже не столько внушение, сколько страх; она ненавидела и боялась своего отца, который был на все способен, но не смела ослушаться его, потому что в противном случае он пускал в ход кулаки и запирал ее в ужасный погреб. Когда однажды она попробовала выйти из дома без его позволения, жестокий отец поставил ее на колени на острую косу и в таком положении заставил ее просить у него прощения.

Иногда внушение есть следствие влияния не столько властного, с сильной волей любовника, сколько заразительного примера. Беременность оказывается для девуш-

ки в один прекрасный день неожиданным сюрпризом; она была бы счастлива выйти как можно скорей из такого компрометирующего положения, но решительно не знает, как это сделать. Тогда на сцену обыкновенно является какая-нибудь услужливая подруга, удачно выпутавшаяся из подобного же положения. Она указывает ей на опытную акушерку, к которой следует обратиться, описывает ей всю эту процедуру выкидыша как очень простую и нисколько не опасную для здоровья, уверяет, что об этом никто не узнает, как не узнали и про нее, словом, уговаривает ее решиться. Весь этот процесс внушения, начиная первой мыслью об аборте и кончая твердо принятым решением произвести его, как нельзя лучше рисует следующее письмо, найденное в бумагах одной акушерки:

«Милостивая государыня!

Одна подруга моя, г-жа Х., посоветовала мне обратиться без всякого стеснения к вам и вполне положиться на вашу скромность. У меня к вам очень щекотливое дело: я беременна, и эта беременность приводит меня просто в отчаяние. Я хорошо знаю, что любовник мой покинет меня, как только у меня будет ребенок, и этого я больше всего боюсь; пока же он об этом еще не подозревает. Моя подруга уверила меня, что вы можете освободить меня из этого положения без опасности для моего здоровья и без того, чтобы кто-нибудь об этом узнал. Будьте добры назначить, где мы можем увидеться с вами, и примите уверение в моей вечной благодарности».

В других случаях мотивом выкидыша является очень большое число детей или бедность. Мысль об аборте кажется вполне естественной: к чему увеличивать число бедняков на свете еще одним существом? Так рассуждают даже матери, которые любят своих детей и, вероятно, любили бы и это имеющее родиться дитя, если бы оно своим рождением не ухудшило их материальное положение. В подобном взгляде нет, по мнению их, ничего преступного: здесь убивается не живое существо, а нечто еще не существующее, что живет пока лишь в одних мыслях. Об одном таком процессе, в котором Зола был в числе присяжных за-

седателей, он потом рассказал редактору Figaro следующее: «На скамье подсудимых сидела женщина, имевшая уже после трех родов четырех детей и в один день заметившая, что она опять беременна. Муж ее был поденный рабочий и зарабатывал очень мало. Бедная женщина жалуется на свое тяжелое положение соседке, и вдруг ей приходит в голову мысль: надо найти средство, как от этого избавиться!

Соседка ее такого средства не знает, но слыхала о женщине, которая знает его. Они вместе отправляются в прачечную искать ее. Дело кончается тем, что она вводит себе толстую иглу — и выкидыш готов. За это она дает своей спасительнице все, что у нее есть, — 4 франка... И вот все три женщины попадают пред ассизный суд... Скажите, хватило бы у вас духу осудить этих несчастных плачущих женщин, которые имеют вместе девять детей? Что касается меня, то у меня его не хватило!».

Мы находимся здесь перед искусственным созданием преступного импульса на почве внушения, которое совершенно аналогично более сильному по своим результатам гипнотическому внушению. Конечно, и здесь, как при гипнозе, субъект следует, собственно, только тем внушениям, которые наиболее отвечают его характеру, так как извне исходящему импульсу к преступлению соответствует здесь внутренняя скрытая наклонность к нему, которая не настолько сильна, однако, чтобы проявиться самостоятельно, как у врожденных преступниц. Очевидно, мы имеем здесь дело с редуцированной формой криминального предрасположения, сохраняющего только известные черты врожденной преступности: у одних наблюдается отсутствие материнского чувства, наклонность к беспорядочному образу жизни, непостоянство и быстрая возбудимость в эротическом отношении при легкой решимости на преступления; другие, напротив, ближе стоят к нормальной женщине, трудно поддаются преступным искушениям и, поддавшись им, скоро испытывают искреннее раскаяние в этом.

Таким образом, от нормальной женщины к преступной ведет целая серия более или менее сложных типов случайных преступниц.

Внушение преступления почти всегда исходит от любовника: половое влечение и доверие, питаемое к любимому мужчине, делают ее особенно доступной подобному внушению, тем более что многие из этих преступниц способны, как мы уже видели, на настоящую самоотверженную любовь. В некоторых случаях они совершенно подчинены воле своих любовников, которые неограниченно распоряжаются их судьбами.

Очень редко внушение исходит и от женщины, как это было, например, в случае Юлии Bila. Bila находилась в очень дружественных отношениях с некоей Марией Meyer, особой двусмысленного поведения, которая совершенно подчинила ее себе и избрала ее орудием мести своему вероломному любовнику. Била разделяла негодование своей подруги, выставившей его в самом мрачном свете, и согласилась облить ему лицо серной кислотой. Непосредственно после своего поступка она испытала раскаянье и, арестованная, со слезами на глазах призналась, что не могла устоять против внушения более сильного, нежели ее воля.

Фердинанда К., немка по своему происхождению, организовала в Париже с замечательной ловкостью и энергией целую шайку домашних воровок, которых выдрессировала с чисто военной выправкой. Она завязывала отношения со всеми боннами и горничными, потерявшими свои места из-за какого-нибудь небольшого проступка (например, незначительной кражи) и сильно нуждавшимися, доставляла им хорошие места при помощи фальшивых аттестатов и заставляла красть и приносить к ней ценные вещи, которые она сбывала, уделяя себе при этом, конечно, львиную долю. Замечательно, что никто не осмеливался ослушаться ее приказаний или утаить что-нибудь из украденного для себя. Ронде, закоренелая преступница, убившая свою мать, чтобы избавиться от необходимости содержать ее, имела подругу, которая постепенно начала делить ее ненависть к матери ее и сделалась как бы личным врагом старухи. Она часто била ее, приговаривая, как и Ронде: «Довольно уже с меня того, что я должна тебя кормить еще», — точно это и

в самом деле лежало на ее обязанности. Мы имеем здесь случай ненависти.

У нормальных женщин подобное явление не наблюдается, потому что между ними дружбы, собственно говоря, нет. Самая дружба есть, как думает Сишель, также не более как особый вид внушения, которое может заходить так далеко, что одна более сильная натура совершенно подчиняет себе другую, более слабую. Поразительно то, что такая дружба встречается только у преступниц: среди нормальных же женщин она — повторяем — невозможна благодаря особого рода скрытой враждебности, постоянно существующей между ними. Итак, дружба — это особый вид внушения, которое — как и всякое внушение — имеет место тогда, когда один индивид значительно уступает другому в степени своего умственного развития. Но нормальные женщины в большинстве случаев представляют, как известно, в умственном отношении совершенно однородную массу и вполне походят одна на другую: среди них совершенно невозможны ни внушение, ни подобного рода дружба, выражающаяся взаимным подчинением одного субъекта другому. Зато между отдельными преступницами наблюдаются, в силу вырождения, огромные разницы в умственном развитии, нередко доходящие до чудовищных размеров, благодаря которым может иметь место факт внушения: так, нравственно уродливая врожденная преступница, почти мужчина по своим особенностям, может влиять и подчинять себе полупреступную женщину с ее скрытыми дурными инстинктами.

4. Образование. Обстоятельством, которое все чаще и чаще служит причиной преступности многих нормальных в нравственном отношении женщин, является странное противоречие, благодаря которому им позволяется получать высшее образование, но они не могут применять его служением обществу на поприще тех или других свободных профессий. Многие интеллигентные женщины, потратив массу денег и труда на свое образование, в один прекрасный день убеждаются, что они ничего им не достигли. Испытывая нужду и вполне справедливо сознавая, что

они заслуживают лучшей участи, они лишены даже надежды выйти замуж, потому что мужчины не любят обыкновенно истинно образованных женщин. Итак, им остается выбор между самоубийством, преступлением и проституцией; честные девушки предпочитают первое, другие — делаются воровками и проститутками. Масе сообщает, что многие девушки в Париже, готовящиеся к педагогической деятельности, заканчивают свою карьеру в тюрьме св. Лазаря, куда они попадают обыкновенно за воровство перчаток, вуалей, зонтиков и тому подобных принадлежностей туалета, на покупку которых у них нет средств. Потребности, связанные с их профессией, служат для них ближайшими причинами их падения. Масе говорит, что число гувернанток в Париже без мест с элементарным и высшим образованием так велико, что диплом или звание учительницы дает меньше права надеяться на кусок хлеба, чем сделаться воровкой и проституткой или же покончить жизнь самоубийством.

М., дочь одной эксцентричной, непрактичной женщины, получившая высшее литературное образование и достигнувшая даже ученой академической степени, но не подготовленная, однако, ни к какой практической деятельности, очутилась в 23 года круглой сиротой и без всяких средств к жизни. Она искала место гувернантки, но напрасно, и в конце концов должна была сделаться сельской учительницей в одной деревне. Но и это скромное место она скоро потеряла, так как население деревни этой не захотело иметь учительницей протестантку. Она снова очутилась в очень бедственном положении, выход из которого она нашла в том, что брала в долг драгоценности у ювелиров, продолжавших считать ее богатой девушкой, и закладывала их или продавала за полцены. Окончательно запутавшись в подобного рода мошеннических проделках, она была арестована и умерла в тюрьме еще до суда над ней от стыда и перенесенных лишений.

5. Искушение и соблазн. Преступления, особенно против собственности, являются часто последствием искушения, которому не в состоянии противиться женщина, даже

почти совсем нормальная. Говоря о нравственности нормальной женщины, мы уже видели, что у нее слабо развито уважение к чужой собственности. Между прочим, подтверждение этого мы находим в обстоятельстве, указанном Рише, что в парижское бюро утерянные вещи доставляются почти исключительно мужчинами. Одна опытная образованная женщина уверяла нас, что женщине очень трудно не мошенничать во время игры. Понятно, что там, где и без того имеется такое слабое представление о неприкосновенности чужой собственности, не требуется особенно сильного искушения, чтобы нарушить ее, и нельзя еще считать женщин тяжело дегенерированными только за то, что они смотрят на подобный поступок против чужой собственности как неуместный или, вернее, дерзкий проступок, но отнюдь не как на преступление. «Женщины, — справедливо замечает Жоли, — имеют какое-то непонятное представление о том, что им все позволительно относительно мужчин, так как они все искупают своей лаской и своим подчинением им». Воровство в магазинах сделалось специальным видом женской преступности со времени возникновения теперешних чудовищных базаров. Мысль о воровстве является здесь у женщины как бы сама собою при виде бесчисленного множества разбросанных товаров, возбуждающих аппетит и желания, которые, однако, могут быть удовлетворены лишь в весьма незначительной степени. Искушение тем значительнее, что наряды являются, как известно, для женщины необходимостью, средством привлечь к себе другой пол. Особенно велик соблазн украсть что-нибудь в больших магазинах, между тем как в маленьких магазинах подобные скандалы почти никогда не случаются. Один служащий в известном парижском магазине «Au Bon Marche» рассказывал Жоли, что из 100 утайщиц из магазинов 25 являются профессиональными воровками, таскающими все, что ни попадается им под руки, 25 — крадут из нужды, а 50 — суть воровки, как он выражается, «par monomanie», то есть они, оставляя в стороне специально психиатрический смысл этого слова, суть такие воровки, которые более или менее обеспечены в материальном от-

ношении, но не могут противостоять искушению при виде стольких прекрасных вещей, возбуждающих их жадность; между ними попадаются, конечно, и субъекты, страдающие настоящей клептоманией. Масе полагает, что в Париже в каждом из 30 больших магазинов случается ежедневно по 5 краж. Он уверяет, что из 100 подобных воровок действительно бедной оказывается, быть может, только одна, между тем как все прочие состоятельны, чтобы не сказать богаты, и воруют потому, что привыкли к роскоши как к потребности и чувствуют при виде ее сильный соблазн, которому легко поддаются. Зола очень верно изобразил подобный вид воровства в своем романе «Au bonheur des Dames». Он особенно живо описывает влияние на женщин всевозможных весенних и осенних модных выставок, которые они посещают так же, как инженер выставки машин, даже не имея в виду ничего купить.

Однако при виде такого соблазна они устоять не могут и кончают тем, что или делают покупки, которые совершенно подрывают их скромный бюджет, или же решаются на воровство.

Домашние кражи, совершаемые женской прислугой, почти все принадлежат к разряду так называемых случайных преступлений. Деревенские девушки, являясь в город, поступают на службу в богатые или зажиточные дома, где им все кажется, как у миллионеров. У них на руках находятся деньги для покупок или драгоценности, и если к этому соблазну присоединить еще то, что они в большинстве случаев получают очень скромное жалованье, то станет понятным, каким образом они доходят до воровства. Начинается дело обыкновенно тем, что они вступают в маленькие плутовские сделки с разного рода поставщиками товаров. Затем они пробуют украсть какую-нибудь серебряную или иную драгоценную вещь, но совсем не считают это воровством, а просто ловко выкинутой штукой. Тарновская нашла в своем материале около 49% воровок, бывших до того, как они попали на скамью подсудимых, «одной прислугой» в небольших хозяйствах. Подобное место занимали они без всякой предварительной подготовки к нему и

потому получали, конечно, мизерное жалованье. Тот факт, что между воровками преобладают в таком количестве служанки, говорит за то, что здесь речь идет о случайных преступницах.

Итак, при таком слабом сопротивлении преступному искушению, особенно в деле присвоения себе чужой собственности, такие кражи превращаются с течением времени в привычку, а случайные воровки — в привычных. Это особенно часто наблюдается в больших городах среди женской прислуги, которая обыкновенно, за редкими исключениями, обкрадывает своих хозяев. Бальзак очень ярко изобразил эту общественную язву, какою она представлялась в его время.

«Обыкновенно, — говорит он, — повар и кухарка — это домашние воры, дерзкие, которым нужно еще платить. Прежде служанки эти тащили по 40 су для лото, теперь же они воруют по 50 франков для сберегательной кассы. Они собирают свою дань в часы между базаром и обедом, и Париж не знает другой такой высокой пошлины с привозных товаров, как та, которую взимают эти женщины, считая свои покупки на базаре не только по двойной цене против их стоимости, но и пользуясь еще скидкой известного процента у поставщиков.

Перед этой новой силой трепещут даже самые крупные купцы, и все они без исключения стараются задобрить ее в свою пользу. При попытке контролировать этих женщин они говорят грубости и мстят сплетнями самого низкого свойства. Мы дошли уже до того, что в настоящее время прислуга осведомляется друг у друга о господах точно так же, как мы делали это прежде относительно ее».

Зло это, по уверению г-жи Грандпри, с тех пор еще более разрослось в Париже. Таким образом, путем обкрадывания своих хозяев прислуга нередко сколачивает себе изрядный капиталец и становится почтенной особой в том участке, где она живет. Молодые девушки, приезжающие из провинции, обучаются этому искусству у старых и опытных. Г-жа Грандпри слышала в тюрьме Сент-Лазар следующий печальный рассказ: «Одна молодая девушка приеха-

ла из провинции в Париж, чтобы заработать место в одном богатом доме, где ей приходилось за ничтожное жалованье исполнять самые тяжелые, черные работы. Кроме этого, ее отвратительно кормили и поставили в зависимость от другой прислуги, которая ее тиранила. Однажды вечером, когда она сидела в своей каморке и, плача, предавалась грустным размышлениям насчет своей будущности, ее начала утешать другая горничная, старшая и более опытная, чем она, и между прочим указала ей на множество средств улучшить свое тяжелое положение. Молодая девушка не без борьбы уступила ее советам, хотя она и не видела в них собственно ничего дурного. Она начала воровать и обкрадывать своих хозяев и в конце концов попала на скамью подсудимых. Учительница ее продолжала, по словам ее, делать то же самое, но так легко, что не попадалась, имеет много денег, и хотя она обыкновенная горничная, но все лавочники их околотка относятся к ней с уважением и первые кланяются ей».

Что воровки в большинстве случаев только случайные преступницы и мало чем отличаются от нормальных женщин, доказывается также наблюдением Тарновской, что в тюрьмах они постоянно оказываются более трудолюбивыми, нежели проститутки, и годятся на всякие работы; они больше задумываются над своим будущим, делают сбережения, более стойки.

Итак, у индивидов этой категории отсутствуют многие основные черты типичных преступниц.

6. Заброшенность в детстве. Несчастные, заброшенные в детстве или же выросшие без присмотра со стороны родителей девочки часто становятся случайными преступницами и после первого же наказания превращаются обыкновенно уже в привычных преступниц, во-первых, вследствие того, что они отвыкли от работы, и, во-вторых, потому, что не могут найти ее, как лица со скомпрометированным прошлым. Если ребенку несвойственно уважение к чужой собственности и оно развивается в нем только с течением времени путем подражания и упражнения, то тем более понятным становится в таком случае значение

заброшенности детей и вырастание их без родительского надзора, ибо даже лучшее воспитание и самые благоприятные жизненные условия не в состоянии заменить влияния семейной жизни. Значения этого фактора касается и Тарновская, говоря о русских воровках из простонародья, которых она наблюдала. «Кандидатка в преступницы, — замечает она, — вырастает не приученная к какой-нибудь работе или деятельности, часто страдает от холода и голода, не находит дома ни хлеба, ни теплого угла, а только дурное обращение и побои; в один день такое существование надоедает ей, и она отдается за какое-нибудь лакомство или же крадет то, что ей более всего нравится, искупляя, таким образом, тюремным заключением свое происхождение от бедных, нравственно испорченных родителей. Из тюрьмы она выходит с большим опытом и подготовкой, чтобы во второй раз уже не так легко попасться; первая совершенная ею кража легла пропастью между ней и ее семейством, и отныне для нее открыт только один путь — именно путь преступления и разврата».

7. **Дурное обращение.** Далее в числе причин, создающих случайных преступниц, следует отметить дурное обращение и насилие, к которому часто прибегают в обращении друг с другом женщины, особенно известных классов общества. Благодаря постоянной взаимной антипатии между ними отвращение и ненависть друг к другу возникают у них из-за самых ничтожных причин, и дело часто доходит до драк, которые по отношению к современной женщине являются тем же, чем было в варварские времена убийство, то есть нормальной реакцией на нанесенное ей оскорбление. Об известном классе парижанок Масе говорит следующее: «Из-за немного пролитой на общей лестнице воды две соседки начинают ссору, которая часто переходит в драку; дело доходит до суда, и виновная приговаривается обыкновенно к денежному штрафу, который она отказывается платить, и попадает в тюрьму. Такие истории случаются на каждом шагу между соседками, конкурирующими торговками, женами швейцаров и жилицами, между при-

слугой и женой швейцара, даже между дамами из более высоких слоев общества».

8. Нищенство. В то время как нищенство является у мужчины почти всегда следствием дегенерации и продуктом врожденной склонности к бродяжничеству и отвращению к труду, оно у женщин сплошь да рядом только случайное преступление. Женщины реже мужчин решаются на самоубийство, так как в крайней нужде они скорее примиряются с нищенством отчасти вследствие менее развитого у них чувства гордости, отчасти вследствие большей любви к своим детям. Мы находим у Масе следующий рассказ про одну женщину, имевшую двух детей и едва зарабатывающую в качестве швеи один франк в день. Когда одна из ее дочерей заболела и не могла более работать, она послала свою вторую дочь просить на улицах милостыню, но маленькая нищенка была арестована и прежде согласилась указать свой адрес, чем ей было обещано, что ее не посадят в тюрьму. Префект полиции разыскал по ее указанию бедную женщину в ужасной каморке, где-то на чердаке, но она ни за что не хотела отдать больной дочери в больницу, боясь, что та, как и муж ее, умрет в ней. При виде этого ужасного зрелища нищеты префект не только не преследовал мать за то, что она посылает нищенствовать свою дочь, но даже подарил ей 100 франков. Масе отмечает, что у полицейских агентов очень часто не хватает духу преследовать, как показывает закон, уличных нищенок: даже и не особенно дальновидные из них понимают, что в большинстве случаев они имеют дело со случайным и невольным преступлением и было бы бесчеловечно поступать с виновными в нем так же, как с врожденными бродягами.

9. Местные и национальные особенности преступлений. То обстоятельство, что женщина является преимущественно случайной преступницей, объясняет собою факт, противоречащий указанной нами монотонности жизни ее в физиологическом и психологическом отношении, а именно, что известные характерные преступления наблюдаются у женщин то одних, то других стран и что социальная жизнь обусловливает в разных странах такую разницу бли-

жайших причин, предрасполагающих к преступлению, что даже и между ними имеет место более или менее значительная дифференцировка.

Так, например, сюда относится прежде всего детоубийство, очень распространенное в Швеции, потому что здесь извозчиками являются почти исключительно женщины. Последним, по роду их занятий, приходится часто бывать в отдаленных от городов местах среди грубых, полудиких мужчин; они подвергаются очень часто изнасилованиям и беременеют. Детоубийство должно в таких случаях восстанавливать невольно потерянную честь женщин.

Кража из магазинов считалась в течение известного времени специальностью француженок, пока большие магазины существовали только во Франции. Да и теперь еще зло это, кажется, распространено преимущественно во Франции; по крайней мере, все более или менее выдающиеся сообщения об этом мы находим только у французских авторов. Это объясняется тем, что нигде нет таких колоссальных, с таким вкусом составленных выставок товаров и мод, как именно во Франции.

В Соединенных Северо-Американских Штатах аборт считается специально местным преступлением, не заслуживающим даже по общественному мнению наказания. Там на каждом шагу на стенах домов и в газетах попадаются объявления о заведениях и домах, назначенных для этой цели, и еще недавно один врач рекламировал свой «институт для абортов» объявлениями, раздававшимися дамам на улицах. В этой стране, где женщина начинает все более и более заниматься профессиональным трудом и разного рода делами, к чему принуждает ее непомерное развитие капитализма, материнство является часто общественным злом, а аборт — почти необходимостью; общественное мнение настолько проникнуто там этой идеей, что не считает его совсем противозаконным поступком.

10. Заключение. Случайные преступницы, составляющие большинство среди женщин-преступниц, делятся на две категории: первая — это более или менее смягченные преступные натуры, ближе подходящие к преступным, чем

к нормальным женщинам, а вторая — это индивиды, которые стоят очень близко к последним и сами по себе часто вполне нормальны, но обнаруживают, благодаря жизненным условиям, ту долю нравственной извращенности, которая свойственна каждой женщине и которая находится в ней при обыкновенных условиях в скрытом состоянии. К первой категории принадлежат главным образом преступницы против здоровья и жизни окружающих под влиянием внушения; ко второй — те женщины, которые нарушают права чужой собственности. Эти последние смотрят на свое преступление так же, как дети на совершаемое ими воровство, то есть как на более или менее смелый поступок, относительно которого они отвечают исключительно перед собственником вещи, а не перед законом; иначе говоря, по их мнению, речь идет здесь о совершенно индивидуальном проступке, а не о нарушении социальных порядков. Взгляд этот соответствует первобытному состоянию человеческой нравственности и в настоящее время еще встречается у многих диких племен и народов.

ПРЕСТУПНИЦЫ ПО СТРАСТИ

Другим опровержением столь распространенных и вместе с тем столь не соответствующих истине взглядов на женскую натуру служат, между прочим, также преступления по страсти. Именно в противоположность тому, что мы наблюдаем у мужчины, женщина-преступница по страсти приближается то к врожденной, то к случайной преступнице: обдуманность намерения и нравственная испорченность играют в ее преступлениях значительно большую роль, чем у мужчин. Во всяком случае, признаки, свойственные индивидам обоих полов, совершающих преступления по страсти, довольно многочисленны.

1. Возраст. Как и у мужчин, у этого рода преступниц преобладает преимущественно молодой возраст. Преступления обыкновенно совершаются ими в период самого полного расцвета половой жизни. Так, например, Виньи было, когда она запятнала себя преступлением, 26 лет, Жами — 24, Стакел-бург — 27, Дару — 27, Леру — 22, Хогг — 26 и Ноблин — 22. Все политические преступницы были, как известно, большею частью молоды (Шарлотте — 25, Рену — 20 лет и т. д.).

Но далее и между преступницами из-за любовной страсти попадаются субъекты более или менее пожилого возраста, тем более что у них юность и половое влечение как-то особенно быстро проходят. Так, Лоди была далеко не молода, когда она влюбилась в одного сослуживца своего и по его совету украла ценных бумаг на 20 000 франков, причем передала всю эту сумму своему любовнику, не оставив себе ни одного франка. Думари убила своего любовника, когда ей было 30 лет, а Перрин, будучи уже 40 лет, покушалась на жизнь своего мужа.

2. Признаки вырождения. У преступниц по страсти отсутствуют обыкновенно дегенеративные признаки и специальные аномалии лица, кроме сильного развития челюстей и мужского склада физиономии.

3. Мужские черты и особенности. У многих преступниц этой категории наблюдаются мужские черты характера. Так, например, некоторые из них питают страсть к оружию. Клови и Думари любили стрелять в цель, Раймонд в Париже ходила всегда вооруженная кинжалом и револьвером и эту привычку носить с собою оружие вывезла из Гавайи, где все женщины носят постоянно при себе оружие. Souhine отличалась, по мнению свидетелей, гордым, энергичным, решительным характером. Думари обнаружила, по наблюдению Баталь, во время своего процесса умение выражаться категорически и точно, соблюдая логическую последовательность своих мыслей. Многие из этих преступниц обнаруживают особенную страсть к политике, что редко наблюдается у женщин, и становятся настоящими мученицами своего патриотизма, а подчас и своих религиозных убеждений. Дару и Ноблин были обе дочерьми полудиких народов, у которых женщина обыкновенно отличается мужскими особенностями: обе они при исполнении своих преступлений обнаружили значительную мускульную силу, причем Дару заколола кинжалом своего любовника, а Ноблин задушила свою соперницу. Между этими преступницами часто наблюдается также страсть к ношению мужского платья: так, В. в костюме мужчины покушалась на жизнь любовницы своего мужа.

Впрочем, следует заметить, что мужские черты встречаются не только у преступниц, но и у нормальных женщин, одаренных страстными темпераментами. Так, мы находим их у г-жи де Сталь, Жорж Санд и даже у Карлейль — этой святой женщины, примерной по своему самопожертвованию и кротости душевной, которая, будучи девушкой, охотно лазала по стенам и заборам и дралась на кулачках со своими школьными подругами, обыкновенно побеждая их.

4. Альтруистические чувства и страсти. У преступниц по страсти преобладают добрые аффекты, которые у них даже сильнее проявляются, чем у нормальных женщин, достигая иногда необыкновенной силы выражения. У них никогда не отсутствует любовь к родным, как у врожденных преступниц.

Ellero рассказывает следующее об известной поджигательнице Антони Р: «Все свидетели показали единогласно, что она была превосходной женой и нежной матерью, восхваляли ее сострадательность ко всем несчастным и нуждающимся — словом, это была, по общему мнению, женщина, у которой доброе сердце преобладало над рассудком. Доброта ее была, так сказать, инстинктивна и потому слепа. Она неоднократно упрашивала мужа своего ручаться за свою сестру, когда той приходилось настолько плохо, что она должна была обращаться к нему с этой просьбой». В., женщина с мужской физиономией и некоторыми другими аномалиями, была очень любящая жена и образцовая мать. Жители околотка, где она жила, так уважали ее, что, когда разнеслась весть об ее аресте, они составили прошение за многими подписями, в котором просили об ее освобождении, ручаясь за ее безупречность. Мари, убившая своего любовника, сделалась потом превосходной матерью.

Оттоленги нашел у В. R. очень живое нравственное чувство и чрезвычайную стыдливость. Она объяснила, что в муже ее меньше отталкивали его грубость и уродливость, чем сознание, что он был и есть любовник ее матери. Дару обожала своих детей и работала на них не покладая рук, в то время как муж ее все прокучивал и пропивал. Детоубийцы, которые большею частью принадлежат к категории преступниц по страсти, выйдя замуж в колониях, являются почти единственными хорошими колонистками и добрыми матерями семейств. По словам Жоли, в тюрьме Сен-Лазар часто встречаются детоубийцы с очень мягким характером, у которых решительно ничто не указывает на заглохшую материнскую любовь. Despine сообщает об одной девушке, которая бросила свое дитя непосредст-

венно после родов в яму. Когда его нашли там и принесли к ней еще живым, в ней проснулось материнское чувство. Она отогрела своего ребенка, начала кормить его и с тех пор стала очень страстной матерью. Софи была настолько горда, что предпочла умереть со своими детьми, чем пойти собирать милостыню. Тилли трогательно заботилась о будущности своих детей и о том, чтобы не давать возможности своему легкомысленному мужу компрометировать свою семью. Жами осталась честной и чистой даже в самой крайней бедности и писала своему любовнику: «Я берегу себя для тебя». Думари, разбогатевшая благодаря проституции и сомнительному браку, оставшись вдовой, выказала много щедрости и доброты по отношению к своим родным.

5. Страсти как мотивы преступлений. Самой сильной страстью, чаще всего доводящей женщин до преступления, является любовная страсть. Преступницы по страсти любят сильнее, чем нормальные, в сущности холодные в эротическом отношении, женщины. Со страстностью Элоизы и с наслаждением приносят они себя в жертву любимому мужчине, игнорируя нередко общественное мнение, обычаи и даже законы. Виньи пожертвовала для своего любовника своими длинными волосами, единственным, что в ней было красивого. Жами, несмотря на то что должна была содержать себя и двух детей, посылала еще деньги и подарки своему возлюбленному. Думари содержала своего любовника Пикарда, в то время как он был студентом, и никогда не требовала от него, чтобы он на ней женился, довольствуясь лишь тем, чтобы он ее не покидал и продолжал связь с ней. Спинетти, которая когда-то была богатой, решилась для исправления своего нравственно испорченного мужа пойти служить и сделалась служанкой. Ноблин была так предана своему любовнику, что не могла расстаться с ним, несмотря даже на то, что была, в сущности, честной натурой, а последний — преступником; в угоду ему она абортировала три раза и совершила даже преступление, противное ее природной доброте.

Страстная любовь этих женщин объясняет нам, почему почти все они, несмотря на свою душевную чистоту, имеют в своей жизни такие любовные связи, которые с точки зрения общественного мнения считаются незаконными. Девичество и замужество суть общественные установления, которые, как и все обычаи и нравы, рассчитаны на средний тип нормальной женщины, то есть на ее холодность и сдержанность в эротическом отношении; страстная же любовь нарушает эти установления, как показывает пример Элоизы, не желавшей выйти замуж за Абеларда, чтобы не повредить ему, и гордившейся тем, что она была его любовницей. Причина очень многих детоубийств кроется в неразумной, неопытной любви, желающей стать выше известных общественных предрассудков. Таков был случай, например, сообщенный Грандпри, касающийся одной молодой девушки, убившей своего ребенка, прижитого ею от одного иностранца, которого она встретила на каком-то курорте, страстно влюбилась в него и отдалась ему. В этом отношении преступница по страсти сильно отличается от врожденной преступницы, которая отдается мужчинам только вследствие своей лени, страсти к удовольствиям или же грубой чувственности. Но благодаря какой-то фатальной склонности порядочных женщин к дурным мужчинам они обыкновенно влюбляются в легкомысленных, непостоянных и даже испорченных субъектов, которые не только бросают их после непродолжительного наслаждения ими, но усугубляют еще их страдания презрением и клеветой. В подобных случаях преобладающим мотивом преступления у таких женщин является не только горе покинутой любовницы. В случаях Camicia, Raffo, Harry и Ardoano причиной преступления было вероломство и измена со стороны любовников после клятвенных обещаний вечно любить. Любовник Provensal бросил ее, когда она забеременела, написал об этом отцу ее и в письме к ней насмехался еще над ней, говоря, что он посещает женщин только с целью развлечения, а «aves une femme malade, — писал он, — on ne s'amuse pas»[1]. Виньи, по-

[1] С больной женщиной не позабавишься. *(фр.)*

жертвовавшая для своего любовника лучшим своим украшением, сделалась потом предметом насмешек для своей соперницы, заступившей ее место в сердце ее вероломного любовника. Точно так же была покинута своим любовником и Жами, когда она осталась без работы и последний не мог более эксплуатировать ее. Reymond обманывал ее муж с самой интимной подругой ее, но она простила их, узнав об этой измене. Однако связь эта продолжалась, и однажды она нашла письмо своей вероломной подруги к своему мужу с презрительными на ее счет выражениями и даже накрыла любовников. Т., превосходная мать и жена, была в один прекрасный день покинута своим мужем для одной проститутки.

К этим мотивам присоединяется еще несправедливое презрение к покинутой со стороны общества, которое сваливает обыкновенно всю вину этого на нее. Строгость родителей и презрение окружающих еще более усугубляют ее страдания. Жами, например, не была допущена к постели своего умирающего отца.

Одна детоубийца созналась в этом Грани в следующих словах: «Когда он (ребенок) родился и я подумала о том, что он останется на всю жизнь незаконнорожденным и вырастет, быть может, таким же негодяем, как его отец, мои пальцы невольно сдавили его горло...».

Статистика показывает, что число детоубийств находится в обратном отношении к числу незаконных рождений, то есть, другими словами, там, где последние, будучи более редким явлением, наказываются строже, детоубийства встречаются чаще. Итак, преступление это является следствием чаще всего страха перед позором. В городах подобные преступления скрываются легче, и потому там детоубийства встречаются реже, как это видно из следующих цифр:

1851–1855 годы. 1875–1880 годы.

Во Франции: в деревнях 3235, в городах 2122

В Италии 1885 год — 3417

1886 год — 4019

1887 год — 3218

1888 год — 3720

Итак, детоубийство порождается общественным мнением, подобно тому как во времена варварства оскорбление влекло за собою кровавую месть, если оскорбленный не хотел остаться обесчещенным на всю жизнь.

В некоторых случаях преступление является реакцией на очень дурное обращение и унижение, которому подвергается женщина. Так, Б. Р. пыталась отравить своего старого грубого мужа, за которого заставила ее выйти замуж мать ее, находившаяся прежде в связи с ним. Она ни за что не хотела отдаться ему, и за это жестокий муж морил ее голодом, бил и заставлял ночевать в лавке, где она была совершенно не защищена от непогоды. Спинетти зарезала своего мужа, которому принесла раньше столько жертв, после того как он жестоко избил ее, несмотря на ее беременность, заставляя обокрасть своего хозяина. С. Н. застрелила в суде человека, оклеветавшего ее самым оскорбительным образом, в то время как он всякими правдами и неправдами добился оправдания в возбужденном против него процессе.

6. Материнская и семейная любовь. Оскорбленная материнская и семейная любовь является сравнительно реже причиной и мотивом преступлений. Тилли, видя, что муж ее позорит честь своей семьи и разоряет ее своею незаконной связью с одной женщиной, особенно страдала при мысли, что благодаря болезни ее он сможет скоро жениться на своей любовнице, которая сделается таким образом мачехой ее детей. Это заставило ее решиться облить свою соперницу серной кислотой, чтобы сделать ее уродливой, а стало быть, и безвредной. Т. била и истязала проститутку, для которой муж бросил ее и для которой он разорял свою семью. Антония В., почти доведшая своей расточительностью семью свою до банкротства, подожгла свой дом, чтобы полученной страховой премией поправить немного свои запутанные обстоятельства. Дани убежала из дома со своими детьми от рассвирепевшего пьяного мужа, хотевшего их всех перерезать. Но затем, когда он заснул, она вернулась в дом и заколола его. Одна дама, портрет которой мы находим у Масе, решилась на воровство, чтобы

иметь чем заплатить за учение своего сына. Это была женщина из очень хорошей семьи, превосходно воспитанная, с прекрасным характером, но глубоко несчастная вследствие нищеты, в которую она впала после прежнего благосостояния. Арестованная за совершенное воровство, она отказалась назвать свое имя, чтобы не опозорить своего ребенка, но случайно была в суде узнана одним из адвокатов. Несколько дней спустя после этого она умерла, сраженная своим горем.

То обстоятельство, что материнская любовь, несмотря на все выдающееся значение ее в духовной жизни женщины, является так редко мотивом преступлений, должно казаться немного странным. Но она есть своего рода профилактическое средство против пороков и преступлений, ибо боязнь причинить вред своим детям или быть оторванной от них благодаря преступлению часто заставляет мать отказаться от ее преступных замыслов мести и вообще от всяких насильственных попыток реактивного характера. Этим же объясняется, почему мать старается обыкновенно внушить своим детям терпение и снисхождение, удерживая их от мстительных порывов.

Но, с другой стороны, замечателен факт, что материнство часто является причиной психозов. Статистика показывает, что вследствие тяжелых семейных несчастий заболели психическими болезнями (процент от всего количества душевных заболеваний):

Мужчин Женщин

В Италии в 1866–1877 годы 1,68,4

В Саксонии в 1875–1888 годы 2,643,6

В Венеции 1851–1859 годы 5,2411,2

В Турине наблюдались психические расстройства вследствие смерти детей у женщин втрое чаще, чем у мужчин; бездетность также была причиной душевного заболевания у трех женщин.

Другой фактор, исключающий возможность преступлений из-за материнской любви, заключается в следующем. Женщина смотрит на своего ребенка почти как на часть самой себя, заботится о нем, как о самой себе, и принимает к

сердцу все огорчения его, как свои собственные, до тех пор пока он мал и не может обходиться без посторонней помощи. Когда же дитя вырастает, становится взрослым человеком и начинает вести более или менее самостоятельную жизнь, отдельную от матери, последняя тем не менее продолжает, хоть и издали, следить за его жизнью с полным любви участием, не выступая уже более в роли покровительницы и защитницы его. Несправедливость, причиненная взрослому сыну или дочери, причиняет, конечно, матери страдания, но далеко не такие сильные, как в случае обиды ее беспомощного крошечного ребенка. Это напоминает распространенное в царстве животных покидание самкой на произвол судьбы своих детенышей, как только они научатся бегать или летать. Но так как маленькое дитя не принимает участия в борьбе за существование и не имеет, стало быть, врагов и преследователей, то для матери его не представляется случая к преступному вмешательству в его защиту. Единственный возможный в этом отношении случай наблюдается тогда, когда мать мстит или защищает свое дитя от дурного отца, а это встречается, по счастию, очень редко, ибо преступления против элементарных отцовских обязанностей встречаются, по счастию, в культурной среде чрезвычайно редко.

7. **Страсть к нарядам и роскоши.** К числу мотивов преступлений по страсти относится также странным образом связанная с чувствами, порождаемыми семейной жизнью, страсть к красивым нарядам, столь характерная для преступных женщин.

Тилли созналась, что больше всего возмущало ее то, что муж отдавал ее платья своей любовнице. Reymond была вне себя, узнав, какую массу нарядов и драгоценных вещей дарил своей любовнице ее муж, бывший по отношению к ней очень скупым. Т. говорила на суде, что она разыскала любовницу своего мужа, проститутку, не имея никакого намерения оскорбить ее; но когда она увидела на ней свою собственную, подаренную ей к свадьбе шаль, она не могла сдержать своего гнева и бросилась бить ее.

В других случаях возбуждение женщин вызывается оскорблением дорогих специально для них или даже почти священных в глазах их предметов. Так, например, Laurent пришла в сильнейший гнев, застав своего мужа с горничной на своей собственной кровати.

8. Аналогичные черты у преступных женщин и мужчин. До сих пор мы находили полный параллелизм между преступными мужчинами и женщинами — преступницами по страсти, причем только некоторые черты характера, существенные для первых, встречаются у вторых сравнительно редко. Так, преступное деяние следует непосредственно за поводом к нему только у некоторых женщин. Guerin, например, узнав, что муж ее находится со своей любовницей в Версале, немедленно отправилась туда и заколола его, а Дам зарезала своего мужа, угрожавшего ей и детям, тотчас же, как только он заснул. Равным образом и Спинетти убила своего любовника непосредственно после того, как он потребовал, чтобы она обворовала своих господ. Точно так же поступила Жами. Искреннее раскаяние мы наблюдаем сравнительно у немногих женщин. Ноблин, например, совершив свое преступление, бросилась с криком бежать по улицам и сама отдалась в руки правосудия, а Дам пыталась даже покончить с собою, но у нее не хватило на это мужества, и она была арестована жандармами. На Антонио В., совершившую поджог собственного дома с целью получить страховую премию, при мысли о совершенном ею преступлении находил всякий раз какой-то столбняк, и она обратилась к агенту страхового общества только по настоянию своего брата, причем, получив деньги, добровольно созналась в своем преступлении. Тилли желала только, как говорила она, обезобразить свою соперницу, но была страшно огорчена, когда последняя лишилась из-за нее одного глаза. Она тотчас же в вознаграждение вручила ей крупную сумму денег, постоянно осведомлялась о ее здоровье и была очень счастлива всякий раз, когда врач приносил ей на этот счет добрые вести. Точно так же у преступниц по страсти редко наблюдается та внезапность решимости, которая характеризуется, между прочим, так, что они хвата-

ют для нападения первый попавшийся им в руки предмет или же пускают в ход ногти и зубы, Дам и Т., которая ворвалась в дом любовницы мужа своего и набросилась на нее с кулаками.

9. Отклонения от мужского преступного типа. Предшествовавшая преступлению жизнь преступниц по страсти оказывается обыкновенно не всегда безупречною: у них нередко наблюдаются черты жестокости и злости (как, например, у В., у Дав., у Andral) — черты, которые противоречат обычной чрезмерной доброте преступников по страсти и благодаря которым они приближаются то к врожденным преступницам, то к случайным преступникам.

У женщин взрыв страсти часто не так силен, как у мужчин, и сама страсть развивается у них постепенно, часто в течение месяцев и даже целых годов, сменяясь периодами снисходительности и даже дружбы к намеченной жертве. У них обыкновенно замечается более холодная и обдуманная, чем у мужчин, предумышленность преступления, и самое исполнение его отличается большею ловкостью и той характерной сложностью, которая невозможна там, где преступлением руководит одна лишь страсть. Характерно, далее, для женщин и то, что за преступлением у них редко следует искреннее раскаяние и что они, напротив, очень часто находят удовлетворение в совершенной мести; еще реже среди них наблюдаются в таких случаях самоубийства.

Упомянутая нами раньше В., за честность которой, как мы видели, хотели ручаться все ее соседки, подкараулила ночью с дубинкой в руках своего мужа с его возлюбленной и напала на них. После этого происшествия муж ее оставил свою любовницу и сошелся с девушкой, служившей у них горничной. Но с этой последней В. обращалась очень неодинаково: то она прогоняла ее из дома после самых бурных сцен, то, напротив, принимала, особенно в те дни, когда сильно нуждалась, ее деньги и подарки; но в этой постоянной смене гнева и примирения всегда тлела ненависть обманутой женщины к своей сопернице. Дело окончилось тем, что однажды, когда муж ее прокучивал с этой девушкой свои последние деньги в одном веселом доме, она пе-

реоделась мужчиной, отправилась туда и, напав на свою соперницу, избила ее самым жестоким образом. Мы видим, что в данном случае решительный удар со стороны В. долго подготовлялся и что последнему предшествовал период продолжительного примирения ее с соперницей, благодаря чему она не является в строгом смысле слова преступницей по страсти.

Леру, поймав своего мужа и служанк, прогнала последнюю, но воспоминание об этом позоре так мучило ее постоянно, что спустя 6 месяцев она разыскала эту девушку и убила ее. Ни один преступник по страсти не чувствовал бы потребности мстить спустя так много времени после обстоятельства, послужившего поводом к мести. Равным образом и образ действия Тилли с серной кислотой не вполне отвечает характеру преступления по страсти: ее план мести был слишком утонченно-жестокого характера и для исполнения его нужно было слишком много хладнокровия, для того чтобы можно было предположить у нее в момент совершения ею преступления состояние известной нравственной невменяемости. Б. Р., выданная матерью против воли своей замуж за старого и жестокого человека, подсыпала своему мужу в минуту отчаяния в похлебку его медного купороса. Но мужу похлебка эта показалась слишком кислой, и он не стал есть ее. Спустя два-три дня супруги опять поссорились, и тогда муж, найдя остаток этой похлебки и заподозрив что-то неладное по ее странному цвету, потребовал от нее объяснений на этот счет, и молодая женщина во всем призналась. И здесь, стало быть, справедливая ненависть к грубому, жестокому мужу выразилась в заранее обдуманном и предварительно подготовленном преступлении, каким, впрочем, всегда является отравление.

Преступление Раймонд свидетельствует от начала до конца о большом хладнокровии и хитром расчете ее. Для доказательства достаточно припомнить необыкновенно тонкий и ловкий прием, к которому прибегла она, чтобы проникнуть в дом, где происходило свидание мужа ее с любовницей. Она позвонила и просунула под дверь заранее

написанную записочку следующего содержания: «Поль, открой мне; Лассимон (муж любовницы) знает все; он сейчас явится; я пришла помочь тебе; не бойся».

Бросси разошлась со своим мужем, с которым она очень дурно жила, но ее постоянно мучила ревность. Однажды она отправилась к нему, захватив с собою нож, и, застав у него девушку, убила его. Преступнице Дару, в которой преступный тип выражен резче всего, гнев и ненависть к мужу не помешали, однако, хладнокровно обсудить, каким образом лучше всего убить его во время сна. Равным образом и Думари, принадлежащая по некоторым особенностям своим к преступницам по страсти, имеет очень много сходства с врожденными преступницами. Будучи от природы очень неглупой и предусмотрительной, она собрала путем проституции изрядные деньги, но не была при этом, однако, настолько эгоистичной, чтобы не делиться ими со своими родными. Она познакомилась с юношей, влюбилась в него, оставила распутный образ жизни и, сделавшись его любовницей, была ему верна в течение многих лет, прижив с ним дочь. Она дала своему любовнику средства получить образование и, не желая, чтобы он на ней женился, требовала от него только, чтобы он не бросал ее. Однако Пикард, окончив свое образование, задумал жениться на богатой девушке, и тогда она убила его. Искренность ее сильной любви, недостойное поведение любовника ее могли бы заставить думать, что мы имеем здесь дело с преступлением по страсти, но против этого говорят различные обстоятельства, и прежде всего заранее принятое ею намерение убить Пикарда, как только он изменит ей, о чем свидетельствуют ее слова, сказанные ею задолго до преступления родным его: «S'il faut le tuer, je le tuerai»[1]. Далее, характеру преступления по страсти противоречат также ее решительный и энергичный образ действия и отсутствие у нее раскаяния. Она вела себя совершенно непринужденно во время судебного разбора дела ее и заявила на суде, что не только не сожалеет о случившемся, но даже повторила бы в случае надобности

[1] Если его нужно убить, то я его убью *(фр.)*.

это убийство еще раз, так как предпочитает видеть своего возлюбленного лучше мертвым, чем принадлежащим другой женщине.

Дав., отдавшаяся честной девушкой своему поклоннику, сержанту, после того как он обещал жениться на ней, облила его серной кислотой, когда он бросил ее беременной. Мы здесь имеем дело не с кокоткой или проституткой, мстящей своему вероломному любовнику за то, что он покинул ее, причем истинным мотивом мести является собственно эгоизм, но с честной девушкой, которой причинена тяжелая несправедливость и в преступлении которой страсть играет главную роль. Но даже и у нее мы находим черты, противоречащие характеру истинного преступления по страсти: так, например, Дав., перед тем как отдаться своему любовнику, угрожала ему смертью, если он обманет ее. Это указывает на то, что она подумывала о преступлении еще задолго до того, как на него натолкнуло ее поведение ее любовника. Далее, чтобы разыскать его, она отправилась в одно подозрительное место в сопровождении какого-то мужчины, что не может не свидетельствовать об известной свободе в ее поведении. Наконец, она прибегла к серной кислоте, чтобы заставить испытать — как она сама призналась — любовника своего горечь мести. Она не обнаружила никакого раскаяния в совершенном преступлении и многократно осведомлялась даже у тюремных врачей о состоянии здоровья своей жертвы.

Часто бывает затруднительно решить, куда именно отнести виновную: к преступницам ли по страсти или же к врожденным преступницам, так как она принадлежит, по-видимому, к одной и другой из этих категорий одновременно.

Клотильда Андреаль, актриса (у которой любовные приключения вроде нижеописанного составляли, вероятно, далеко не редкость), сделалась любовницей одного офицера, от которого родила сына. Однако любовник вскоре покинул ее, и материальное положение, в котором она внезапно очутилась, стало до того скверным, что она нуждалась даже в самом необходимом и была решительно не в состоянии содержать своего ребенка. Окружавшая ее

нищета, страдания ее дитяти и циничное поведение ее любовника, не считавшего даже нужным отвечать на ее письма, довели ее до отчаяния. Она решилась облить его серной кислотой, но это ей не вполне удалось. И в данном случае характеру преступления по страсти противоречат как далеко не безупречная предшествовавшая жизнь преступницы, так равно и заранее обдуманное намерение, с которым она совершила преступление (она подкарауливала свою жертву трижды с большими промежутками один раз после другого). Но, с другой стороны, мотив ее преступления был очень серьезен и не гнездился в какой-нибудь низменной страсти.

Итак, в приведенных примерах дело сводится не к тем взрывам страсти, которые омрачают ум даже порядочного человека, превращая его в убийцу, но к упорному, медленно развивающемуся чувству, приводящему в брожение дурные наклонности и дающему достаточно времени для того, чтобы обдумать и подготовить преступление. Нам скажут, быть может, что здесь речь идет о безусловно честных женщинах — и, в сущности, преступницы эти мало или даже вовсе не отличаются от нормальных женщин, — но это кажущееся противоречие исчезает, когда мы примем во внимание то, что уже прежде было нами сказано о нравственном чувстве нормальной женщины. Мы доказали именно раньше, что чувство это почти совершенно не развито у нее и что ей свойственны некоторые преступные наклонности, как мстительность, ревность, зависть и злость, которые, впрочем, при обыкновенных условиях нейтрализуются ее сравнительно малой чувствительностью, равно как и ничтожной интенсивностью ее страстей. Если нормальная во всем остальном женщина возбудима более обыкновенного и у нее повод к преступлению самый серьезный, то преступные наклонности ее, физиологически дремлющие, пробуждаются: она становится в таком случае преступницей, но не вследствие силы своих страстей, которые у нее обыкновенно посредственно слабы, но благодаря своей пробудившейся преступности. Таким образом, даже совершенно нормальная женщина может сделаться преступ-

ницей, не будучи в то же время преступницей по страсти, так как страсти ее никогда не достигают значительной интенсивности. Но они составляют тем не менее неотъемлемую часть всякого преступления, так как пробуждение в женщине ее скрытой преступности обусловливается только оскорблением самых дорогих для нее чувств.

То же самое можно сказать о преступлениях, в которых второстепенную роль играют страсти, а главную — внушение со стороны мужчины. Лоди, например, совершила кражу по приказанию своего любовника, который грозил в противном случае бросить ее. Особенно характерен случай Ноблин. Она была покинута своим любовником после многолетней связи с ним для другой женщины, и так как она знала о совершенном им преступлении, то угрожала ему доносом. Между тем любовник ее успел уже доверить тайну своего преступления своей новой любовнице и решил поэтому избавиться от угрожавшей ему с обеих сторон опасности устранением одной из этих женщин. Выбор его пал на вторую любовницу. Целый месяц затем он мучил Ноблин разного рода подстрекательствами к преступлению, о которых она потом рассказывала на суде в следующих словах: «Он изводил меня и мучил по целым неделям, то стараясь возбудить мою ненависть к сопернице рассказами о том, как она любила его, то подзадоривая меня, что я слишком труслива, для того чтобы решиться отомстить... Промучив меня таким образом целый месяц, он однажды сказал мне прямо, что я не люблю его, если до сих пор не убила своей соперницы». В данном случае одной страсти, как бы сильна она ни была, оказалось недостаточно для того, чтобы имело место преступление, если бы сюда не присоединилось еще внушение; следовательно, преступные наклонности бывают порою скрыты в женщине очень глубоко, если для пробуждения их нужны такие могучие средства, как внушение. Мужчина, преступник по страсти, может сильнейшим образом противостоять искушению преступления или уступать ему под влиянием более сильной страсти; там же, где для совершения преступления необходимо еще влияние внушения, где возможно,

стало быть, предварительное обдумыванье и взвешивание всех последствий замышляемого преступного деяния, там органическое врожденное сопротивление злу должно быть, очевидно, весьма слабым. Как показывает, между прочим, только что описанный случай, нормальной женщине свойствен известный запас дурных инстинктов, а вместе с тем и предрасположенность к подобной форме преступности по страсти.

10. Преступления по страсти эгоистического характера. Преступления, которые мы называем преступлениями по страсти эгоистического характера, совершаются не благодаря внезапному взрыву страсти, но под влиянием постепенного действия ко злу направленных импульсов. Преступницы этой категории суть обыкновенные честные, добрые и любящие натуры, и преступления их являются почти исключительно плодом постепенно нарастающего чувства ревности, порождаемой разного рода несчастьями, болезнями и пр. С одной стороны, они не вполне преступницы по страсти, но с другой — у них недостает не только более или менее серьезного мотива к преступлению, но часто даже и повода к нему со стороны жертвы, и подобное отношение преступного субъекта к своей жертве является весьма характерным для врожденного преступника. Примером может послужить следующий случай, имевший место в Бельгии. Один молодой человек любил и был любим одной бедной девушкой, богатая кузина которой также влюбилась в него. Молодой человек хоть и был честен, но, не чувствуя в себе достаточно мужества к жизненной борьбе за свое существование, поддался искушению богатства и обручился с богатой девушкой, отказавшись от бедной. Однако незадолго до свадьбы невеста его опасно заболела, и ее начала беспрестанно мучить ревность и мысль о том, что смерть ее, которая сделает ее бедную кузину богатой наследницей ее, доставит жениху ее двойное счастье обладания богатством и любимой женщиной. Ревность натолкнула ее на мысль скомпрометировать и погубить его. Для этого она проглотила дорогой бриллиант из своего кольца и обвинила молодого человека в том, что он украл его.

Отец поверил словам своей умирающей дочери и, ища после смерти ее кольцо это среди других драгоценностей ее, нашел его, к удивлению своему, без бриллианта. Экс-жених был арестован и, наверное, был бы осужден, если бы, по счастию, молва не обвинила его в том, что он отравил свою невесту с целью сделать наследницей любимую им девушку. Было произведено вскрытие умершей, и бриллиант был найден у нее в желудке.

Другой случай. Некая Дерв., счастливая, очень любящая женщина безупречного поведения, заболела вдруг на высоте своего счастия чахоткой и в течение нескольких месяцев очутилась на краю могилы. Ее любовь к мужу превратилась в бесконечную бурную ревность. Она постоянно требовала клятв его, что по смерти ее он не будет знать никакой другой женщины, просила его умереть вместе с ней, и однажды, после того как несчастный муж в сотый раз клялся ей ни на ком не жениться после смерти ее, она схватила висевшее на стене ружье и застрелила его. Перрин была прикована неизлечимой болезнью к своей кровати в течение пяти лет. В течение всего этого времени она страшно мучила мужа своего ревностью. Ежедневно она упрекала его в недостойном относительно ее поведении, говорила, что он изменяет ей, и, наконец, чтобы положить конец всему этому, однажды подозвала его к своей постели и тяжело ранила выстрелом из револьвера, который постоянно держала спрятанным под подушками. Потом она сама призналась, что обдумывала свое преступление в течение долгого времени.

Во всех этих случаях мотивом преступления является благородная страсть, любовь, но ближайший, однако, толчок к чему дается, с одной стороны, пробудившимися дурными инстинктами, находящимися у нормальной женщины в скрытом состоянии, и, с другой — ревностью, доходящей до чудовищных размеров, благодаря которой женщины страдают при виде чужого счастья так же, как бы под влиянием собственного несчастья. Мысль о том, что они лишены счастья, ожесточает их и возбуждает в них желание, чтобы и другие не могли воспользоваться им. Конеч-

но, здесь поводы к преступлению большею частью серьезного характера, и каждая из этих преступниц при нормальных условиях, если бы судьба не обрушилась так жестоко на нее, наверное, осталась бы честной женщиной. Подобные преступления очень резко свидетельствуют о той аналогии, которая существует между детьми и женщинами: можно сказать, что это преступления взрослых детей, наделенных более сильными страстями и более высокой интеллигентностью.

Итак, мы имеем здесь дело с преступлениями по страсти, происхождение которых кроется в чувствах исключительно эгоистического характера, как, например, в ревности, зависти и т. п., но не в ego-альтруистических чувствах, как Spencer считает любовь, честь и т. п., которые, напротив, являются главными мотивами преступлений по страсти у мужчин.

САМОУБИЙЦЫ

1. Чтобы дополнить наше исследование о преступлениях по страсти, мы должны коснуться еще самоубийц, ибо аналогия и родство между преступлениями, особенно совершаемыми по страсти, и самоубийством так велики, что их можно рассматривать как две ветви одного и того же дерева.

Самоубийство — этот феномен, так близко стоящий к преступности по своим вариациям, наблюдается в общем у женщин в четыре и даже пять раз реже, чем у мужчин.

2. Самоубийства вследствие физических страданий. Соответственно незначительному числу самоубийств, совершаемых по страсти, число их вследствие физических страданий также невелико. В этом отношении женщины относительно превосходят мужчин в Пруссии, Саксонии, Италии, Вене и Париже и уступают им в Германии, Бельгии, Франции и Мадриде. Но превосходство их только относительное, так как абсолютное число самоубийств вообще, а стало быть, и тех, причиной которых являются физические страдания, среди мужчин всегда значительно больше, чем среди женщин.

Обстоятельство это является новым доказательством меньшей чувствительности женщины: она не так живо ощущает физические страдания, и потому последние ее не доводят так часто до самоубийства, несмотря на то что женщина переносит больше физических мук, нераздельно связанных с жизненными функциями и особенностями ее пола. Но так как страдание принадлежит в отдаленном смысле слова к аффектам, а физическая чувствительность есть основа страстей и нравственного чувства, то этим мы можем объяснить себе редкость среди женщин самоубийств, обусловленных страстями.

3. Нищета. Нищета является для женщины несущественным мотивом самоубийства. Число лиц, лишающих себя жизни вследствие нищеты, сравнительно невелико как среди мужчин, так и женщин. Шансы для обоих полов впасть в нищету почти одни и те же, так как материальным потерям подвергаются одинаково как муж, так и жена, как отец, так и дочери и т. д. Но женщина гораздо легче мужчины выходит из подобного положения. Представляя собою, как сказано нами раньше, средний тип человеческого рода, она в силу этого легче приспособляется к разного рода переменам жизненных условий. Разница между герцогиней и прачкой более поверхностна и далеко не так глубока, как различие между членами в пределах другого пола: герцогиня может сравнительно легко примениться к какому-нибудь новому положению и стать, положим, прачкой. Кто знаком с жизнью, тому приходилось, вероятно, встречать высокопоставленных женщин, которые, впав в бедность, легко примирялись с местом какой-нибудь компаньонки или даже горничной; мужчина же при таких же условиях не так легко мирится со своим несчастием и очень часто погибает под ударами судьбы. Женщина, благодаря именно своей пониженной чувствительности, а также тому обстоятельству, что потребности ее меньше, приспособляется легче и лучше мужчины не только к нравственным страданиям, но и к физическим лишениям, связанным с бедностью (плохое питание, отсутствие каких бы то ни было удобств и пр.). Заметим далее, что за материальное разорение семьи женщина несет обыкновенно только косвенную ответственность, благодаря чему избавлена по крайней мере от тех угрызений совести и нравственных страданий, которые выпадают так часто на долю мужчины. С другой стороны, и материнство оказывает на нее в таких случаях свое благодетельное влияние, ибо мать, впав в нищету, под влиянием горя чувствует сильнее потребность заботиться и не покидать детей своих, между тем как мужчина при подобном же несчастии в состоянии совершенно забыть о них. Далее, женщина обыкновенно не настолько горда, чтобы в случае крайней нужды не решиться просить милостыню, в то

время как мужчина часто предпочитает нищенству смерть. Наконец, она, в силу своего слабо развитого нравственного чувства, прибегает еще к проституции как к крайнему средству выйти из своего тяжелого положения.

Итак, для того чтобы женщина решилась на самоубийство, нужна совокупность более многочисленных причин, чем для мужчины. Только лишь в том случае, когда бедность ее достигает такой степени, что она лишена решительно всего, что нужно для жизни, когда ей закрыты все пути к спасению, а стыд или возраст не позволяют ей заняться проституцией — только лишь при таких условиях женщина способна поднять на себя руку. «Я испытала тысячу средств, — пишет одна самоубийца, — чтобы достать работу, но всюду наталкивалась на черствых, бездушных людей, оскорблявших меня своими грязными предложениями». Другая молодая красивая девушка сообщает в своем предсмертном письме, что она заложила все, что можно было заложить, и осталась без всего. «Я могла бы, — добавляет она, — иметь хорошо устроенный магазин, но я предпочитаю умереть честной девушкой, чем вести жизнь распутной женщины».

4. Любовь. В качестве мотива самоубийств, равно как и преступлений, любовь играет довольно видную роль. Относительные цифры статистики здесь так велики для женщин, что последние сравниваются и даже превосходят в этом отношении мужчин. Для страстной женщины самоубийство является самым частым средством избежать мук несчастной любви. Обстоятельство это в силу антагонизма, существующего между самоубийством и преступлением, не может не влиять на преступления по страсти, значительно уменьшая число их.

Преобладание самоубийств над убийствами, совершаемыми под влиянием страсти, вполне соответствует указанным нами при изучении нормальной женщины характерным чертам женской любви. Для женщины любовь является чем-то вроде рабства, которому она отдается с энтузиазмом, бескорыстным самопожертвованием для любимого человека. Если при всем том у обыкновенной жен-

щины и находят еще место эгоистические чувства, которые порою берут даже перевес, то у страстных натур зато эта самоотверженность под влиянием дурного обращения и жестокости любовника не только не уменьшается, а даже, наоборот, увеличивается. В подобных случаях даже самая сильная страсть не может, очевидно, привести к преступлению, и было бы абсурдом предполагать, что Элоиза, Карлейля или Леспиназа, например, могли бы убить своих любовников, если бы последние изменили им или начали дурно обращаться с ними. Напротив, любовь их благодаря этому сделалась бы еще сильнее, а преданность — еще более безграничной. Мы редко видим, что обыкновенные, совершенно неизвестные женщины оканчивают самоубийством страдания своей неудачной любви и, умирая, обращаются в своих последних предсмертных письмах со словами любви и прощения к тем, кто не должен был бы, казалось, возбуждать в них ничего, кроме ненависти и желания мстить. Так, одна молодая девушка перед самоубийством писала своему любовнику: «Ты обманул меня; два года ты клялся, что женишься на мне, а теперь бросаешь меня; я прощаю тебя, но не могу пережить потери твоей любви...». В письме другой мы читаем: «Я делала невозможные нравственные усилия, чтобы жить без этой любви, которая составляла всю мою жизнь, но это оказалось выше моих сил. Да, преступление мое тяжко, и имя мое будет проклято даже моим собственным ребенком, и тем не менее я не могу жить без другой половины моего «я», без того, кого я потеряла. Я была уже готова броситься к ногам его, но он оттолкнул бы меня. Ах, пусть он простит мне несправедливости, которые я ему когда-либо причиняла, пусть помнит только о счастливых минутах, проведенных со мною!». Одна покинутая своим любовником девушка писала своей подруге: «Уверь его (то есть любовника), что я молюсь о счастии его и умираю, любя его», а другая в следующих словах прощалась со своим любовником в предсмертной записке: «Прощай! Смерть скоро разлучит нас; я надеюсь сделать тебя счастливым...». «Чем я заслужила, — восклицает третья несчастная, обращаясь к своему вероломному

любовнику, — твою немилость? Неужели тем, что любила тебя больше своей жизни?».

В общем, измена любовника редко возбуждает в женщине жажду мести. Она смотрит на измену эту как на своего рода смерть его, которая причиняет ей жестокие страдания и после которой ей ничего не остается, как тоже умереть, если только она до этого не лишится рассудка.

Что преступницы по страсти способны на преступления против своих любовников, возможно, быть может, объяснить тем, что они любят, как мужчины, и что у них — как мы заметили раньше — наблюдаются очень часто соматические признаки, свойственные мужскому полу. Между преступницами из эротических мотивов встречается чрезвычайно редко настоящий, совершенный тип преступниц по страсти; гораздо чаще, чем любовью, преступления их обусловливаются чувствами эгоистического характера, порождаемыми разочарованиями в любви. Чистая и сильная страсть сама по себе доводит любящую женщину до самоубийства или психического расстройства чаще, чем до преступления; последнее же всегда свидетельствует о том, что страсть пробудила дремавшие дотоле дурные инстинкты или что мы имеем дело с вполне мужским складом характера. Итак, единственным преступлением по страсти, если только возможно назвать его преступлением, является у женщин самоубийство; другие же преступления, совершаемые из этого же мотива, суть деяния собственно не преступниц по страсти.

Брак также является у женщин реже, чем у мужчин, источником мотивов к самоубийству: на 50 мужчин, лишающих себя жизни вследствие измены их жен, и на 41, налагающих на себя руки вследствие смерти их, приходится по 14 самоубийц-женщин. Объясняется это отчасти тем, что у женщин материнская любовь сильнее супружеской и чувства их больше всего сосредоточены на детях, а отчасти тем обстоятельством, что они в таких случаях гораздо чаще мужчин подвергаются психическим заболеваниям.

Замечательна также частота незаконных любовных связей у преступниц по страсти. Брак, как и все социаль-

ные установления, рассчитан, собственно говоря, на нормальных женщин; обыкновенная замужняя женщина никогда не любит так сильно, чтоб думать о самоубийстве, когда она овдовеет. Зато женщина с сильной и страстной натурой находит часто в препятствиях, которые общество полагает ее любовным стремлениям, камень, о который разбивается ее жизнь. Весьма естественно поэтому, что страстные женщины дают из среды своей наибольшее число самоубийц и душевных больных.

5. Двойные и множественные самоубийства. Выдающуюся роль играет обыкновенно женщина в двойных самоубийствах. Там, где два любящих сердца, не имея возможности соединиться брачными узами, вкушают тем не менее от запретного плода любви и платят затем собственною жизнью за увлечение, которому не могли противостоять, — там женщина проявляет обыкновенно большую решительность. В двойном самоубийстве Бансаль-Труссе первая мысль о нем явилась девушке, Trousset, под влиянием чтения романа «Индиана». Но Бансаль не соглашался умереть, и тогда она начала осыпать его упреками, между прочим говоря: «Неужели ты не любишь меня настолько, чтобы принести мне эту жертву?». Юноша наконец уступил ей, но в назначенный вечер долго не решался нанести ей первый удар ножом. Она начала убеждать его, и под влиянием ее слов он наконец решился. Однако при виде хлынувшей крови он растерялся и хотел перевязать рану, но она не дала ему этого сделать. Ее решимость умереть была так велика, что она приняла еще яд, и, когда он долго не действовал, приказала еще раз своему любовнику заколоть ее. «Нужно наконец покончить с этим, — кричала она, — заколи меня скорей!». Точно так же и в самоубийстве Цезира Мерз и Петро Лев., план умереть вместе создала Мерз, и когда у Pietro в решительную минуту не хватило духу застрелить себя и он начал плакать, она сказала ему: «Милый, ты малодушен; в таком случае я сперва убью тебя, а потом умру сама... Теперь все кончено... некогда ломать комедии». Бри де Босмон цитирует случай, где одна молодая девушка спокойного характера, но начитавшаяся романов,

узнав, что родители жениха ее не соглашаются на его брак с нею, решилась умереть вместе с ним и сумела убедить и его решиться на это. «Я готова, — говорила она ему, — скорей умереть, чем потерять тебя; дай мне и ты доказательство такой же любви ко мне». Молодые люди Берта Делмас и Эмиль Гассон были обручены. Но вот им необходимо было расстаться, так как жених должен был уехать отбывать воинскую повинность. Расставаясь, влюбленные утешали себя тем, что на новый год они увидятся опять. Но наступил новый год, а Гассон не приехал, потому что не получил отпуска. Тогда Делмас заложила за 9 франков свои серьги и послала ему эти деньги с просьбой непременно приехать, так как она не может более без него жить. Молодой солдат дезертировал из полка и провел со своей невестой в полном счастии целую неделю, хотя и ждал с минуты на минуту жандармов, которые должны были прийти арестовать его. При таком положении дела Берте пришла в голову мысль умереть вместе со своим женихом. Был назначен день и час, когда они должны были лишить себя жизни, но Гассон под разными предлогами откладывал исполнение этого плана. Тогда молодая женщина заставила его стрелять в нее и в себя. Оба они остались живы, и на суде выступила потом очень ясно разница в их характерах. Одного взгляда на робкого, нерешительного и заикающегося Гассона было достаточно, чтобы убедиться, что в данном деле он действовал под влиянием своей невесты; последняя же своим твердым, решительным, как у мужчины, характером не допускала сомнений, что весь этот план был задуман и подготовлен исключительно ею одной.

Происхождение этого часто наблюдаемого вида самоубийств становится понятным, если рассматривать любовь как особую форму сродства, усиливающегося путем более или менее продолжительной совместной жизни настолько, что разлука становится в конце концов непосильной.

Мысль о смерти всегда приходит первой женщине, и она же делает почти всегда первый шаг к осуществлению задуманного плана самоубийства. Бурге изобразил в своем «Disciple» с одной стороны мужчину, у которого в ре-

шительную минуту не хватает духу лишить себя жизни, и с другой — женщину, твердо настаивающую на приведении в исполнение принятого решения покончить с собой. Явление это весьма естественно. Любовь даже при обыкновенных условиях есть нечто в высшей степени важное для женщины; для страстной же натуры она — все, и лишить ее того, кого она любит, значит лишить ее жизни. Для мужчины же, даже если он и очень сильно влюблен, жизнь имеет всегда столько привлекательного и обольстительного, что он лишь редко решается расстаться с нею вследствие потери любимой женщины. Правда, бывают минуты, когда и он может под влиянием отчаяния и непреодолимых препятствий искать выхода из своего положения в самоубийстве, но раз страсть его будет удовлетворена, у него — как вполне верно замечает Бурге — всегда возвращается интерес к жизни и ко всему тому, что ему и помимо любимой им женщины нравилось в ней. Вот почему многие мужчины медлят покончить с собой, особенно если та, кого они любили, отдалась им вполне, между тем как женщина в таких случаях выказывает, наоборот, еще большую решимость.

Особый вид самоубийства женщин — это смерть матери одновременно с ее детьми под влиянием нищеты или какого-нибудь тяжелого несчастия. Aresteiles лишила себя жизни вместе со своим сыном, страдавшим эпилепсией и идиотизмом, из боязни, что с последним после смерти ее станут дурно обращаться. Некто Berbecon убила свою горячо любимую дочь, которая должна была поступить в заведение для душевнобольных, и затем сама покончила с собой, так как не могла примириться с мыслью о разлуке с ней. Monard пыталась лишить себя и своих двух детей жизни, не будучи более в состоянии переносить дурного обращения своего мужа. Сабина, честная и трудолюбивая женщина, убила своих маленьких детей и затем покушалась на собственную жизнь, попав в страшную нужду из-за отсутствия работы и тюремного заключения своего мужа. Впрочем, перед тем как привести в исполнение свой ужасный план, она продала последнюю мебель, купила детям новые

платья и роскошный ужин, затем, когда они спали, задушила их и пыталась покончить с собою.

Подобного рода самоубийцы суть обыкновенно очень честные женщины, а деяния их, которые кажутся на первый взгляд детоубийством с последовательным самоубийством, являются на самом деле, так сказать, осложненными самоубийствами. Эти матери, решившиеся умереть, не могут оставить жить своих детей, составляющих часть их собственного «я», и не в состоянии считать свои муки оконченными, если они знают, что те будут страдать и мучиться и после их смерти. Подобный взгляд подтверждается тем, что во всех таких случаях убитые дети находятся постоянно в очень юном возрасте или в беспомощном состоянии (вследствие идиотизма и т. п.). Пока ребенок слаб и несамостоятелен, он кажется матери частью ее собственного существа; поэтому она в заботах о нем решается на все средства, которые только возможны для нее, даже на такие, которые совершенно ненормальны. С дитятею, сделавшимся большим и самостоятельным, мать также связана очень сильной любовью, но уже не чувствует себя идентичной с ним. Софи на вопрос, почему она, перед тем как покушаться на собственную жизнь, убила своих детей, ответила: «Я хотела отравиться вместе с ними». Если ребенок слишком юн, чтобы быть совершенно независимым от матери, но в то же время настолько зрел, что может подчиниться влиянию внушения, то мать никогда не убивает его сама, но старается подговорить его умереть добровольно вместе с нею. Гаринье сообщил два случая, в которых матери двух мальчиков 10- и 13-летнего возраста убедили их покончить с собою вместе с ними.

В некоторых случаях мать решается на убийство и самоубийство в силу известных эгоистических мотивов, и тогда дело идет уже об особой эгоистически-страстной форме самоубийства. Сюда принадлежит, например, случай Е. Это была очень нервная женщина меланхолического темперамента, страдавшая постоянными головными болями, головокружением, бессонницей и т. п. и происходившая из

хорошей, некогда состоятельной фамилии. Выйдя замуж за доброго, но очень бедного человека, стоявшего значительно ниже ее по своему образованию, она почувствовала отвращение к своему мрачному существованию, которое должна была влачить, страшно нуждаясь, в одной комнатке, служившей ей в одно время гостиной, спальней и кухней. Она постоянно упрекала, хотя и неосновательно, своего мужа в том, что он дурно обращается с нею, и однажды, будучи более обыкновенного рассержена и возбуждена, она решилась умереть вместе со своим сыном, которого обожала. Если бы это была дурная женщина и плохая мать, то она под влиянием подобных условий жизни убила бы, как Стакелберг, свое дитя или отравила бы своего мужа. Но это была честная натура, решившаяся вместе со своим ребенком расстаться с жизнью, хотя мотивом этого решения служило чисто эгоистическое, а не ego-альтруистическое чувство, каким является материнская любовь.

Очень редки двойные или множественные самоубийства одних женщин. Нам известен, да и то не подробно, только один подобный случай, касающийся неких Ольги Протасовой и Веры Жеребцовой, двух интимных подруг, живших в большой нужде. Последняя из них взяла слово от первой, что та убьет ее, если судьба ее в течение двух месяцев не изменится к лучшему. По прошествии этого времени Протасова сдержала свое обещание, данное подруге, и затем сама лишила себя жизни. Редкость подобных случаев объясняется слабостью дружественных уз, соединяющих женщин, что служит также причиной редкости среди них самоубийств из мотивов дружбы.

Наконец, еще реже наблюдаются одновременные самоубийства супругов. Здесь нам приходится еще раз повторить, что брак рассчитан собственно на нормальных женщин, не отличающихся страстным темпераментом и потому мало предрасположенных к самоубийству, между тем как субъекты со страстными натурами находят в браке достаточно поводов лишить себя жизни. Единственный известный нам в этом отношении случай имел место в Болонье. У супругов Пар. умер от дифтерита на 20-м году жизни

их единственный сын, которого они безумно любили. Это был необыкновенно талантливый, даже гениальный молодой человек, который, несмотря на свой юный возраст, успел уже зарекомендовать себя блестящими доказательствами своего поэтического таланта. Родители его, сраженные этой утратой, месяц спустя после смерти его отравились окисью углерода. Необыкновенное решение умереть вместе объясняется здесь внезапным прекращением жизни существа, связывавшего двух престарелых супругов одинаковыми воспоминаниями о счастливой юности и надеждами на блестящее будущее.

6. Самоубийство вследствие душевных заболеваний. Редкость у женщин самоубийств из-за страстных мотивов объясняется тем обстоятельством, что среди них очень высок процент самоубийств, обусловливаемых душевными заболеваниями.

Разница эта объясняется только отчасти тем, что известные формы душевных расстройств маниакального характера, наблюдаемые преимущественно или даже исключительно у женщин, как, например, pellagra, или пуэрперальные психозы, обусловливают самоубийства в размерах, превосходящих значение алкоголизма среди мужчин. Нужно скорее согласиться с тем, что сильные страсти заканчиваются у женщин потерей душевного равновесия чаще, чем преступлениями. Только лишь под влиянием страданий, доводящих женщину до галлюцинаций и бреда, у нее наблюдаются самоубийства в большей пропорции, нежели у мужчин. Подобное соотношение самоубийства у обоих полов вполне соответствует соотношению, существующему между их преступностью. Самоубийство может обусловливаться бесконечным числом самых разнообразных свойств характера, начиная слегка повышенной чувствительностью и возбудимостью и кончая раздражительностью, доходящей до состояния помешательства. Но женщине, в общем, свойственна, как мы уже знаем, меньшая чувствительность, чем мужчине, и потому она совершает меньше самоубийств в силу страстных мотивов, чем последний, у которого самоубийства обусловливаются более многочис-

ленными колебаниями индивидуальности или аномалиями психической сферы. Женщина более нормальна мужчины, так как она менее переменчива, нежели он, но если зато у нее наблюдаются отклонения от нормы, то они всегда более тяжкого характера. Таким образом, женщина значительно чаще мужчины занимает тот или другой из двух крайних полюсов, какими являются, с одной стороны, абсолютная нормальность, а с другой — крайняя ненормальность, при которой самоубийство тесно сливается с душевными расстройствами.

СОДЕРЖАНИЕ

Человек преступный. Этиология преступления 5

Новейшие успехи в науке о преступнике
Предисловие автора 138
Глава 1. Морфологические аномалии 151
Глава 2. Отправления у преступников и прочее 169
Глава 3. Общие свойства. Патология преступного человека 179
Глава 4. Эпилептики и преступники 182
Глава 5. Преступники в тюрьмах 197
Глава 6. Политические преступления, детоубийство и прочее 212
Глава 7. Конгрессы, журналы, антропоюридические общества 219
Прибавление I. Ответ г-ну Гийо 224
Прибавление II. О преподавании уголовной антропологии и в особенности тюрьмоведения . . . 229

Преступность женщины
I. Преступность самок в царстве животных 238
II. Женская преступность у диких и примитивных народов 243
Врожденные преступницы 257

Случайные преступницы 301

Преступницы по страсти 320

Самоубийцы 339